

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (83) — 2017

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет,
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru
Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2017
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2017

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 2 (83) — 2017

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University,
Nizhniy Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Hersen State Pedagogical University, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Hersen State Pedagogical University, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Второй номер журнала «Женщина в российском обществе» носит тематический характер. Он объединил исследования ученых о социальной и политической роли женщин в драматический для истории нашей страны период, охвативший 1900—1917 годы. Мы благодарны всем исследователям, кто откликнулся на предложение осветить эту тему в нашем журнале. В результате перед нами раскрылась масштабная картина пробуждения самосознания российских женщин, представляющих самые различные социальные слои общества. Степень их участия в общественно-политической жизни, идеологические воззрения, формы взаимодействия с властью были различны, однако помыслы совпадали, они стремились стать полноправными членами общества, иметь возможность реализовать свои способности и наравне с мужчинами участвовать в управлении государством.

Исследования ученых, основанные на разнообразном фактологическом материале и документальных источниках, показывают, что демократически настроенным женским организациям удалось добиться заметных успехов в борьбе за предоставление женщинам равных с мужчинами гражданских и политических прав. В то же время объективный анализ социального и политического участия женщин свидетельствует, что в начале XX века женские массы были разобщены идеологически, в значительной мере находились под влиянием господствовавшего в обществе патриархального уклада.

Тем ценнее для нас, современников, опыт работы женских организаций, демократической общественности по вовлечению женщин в социально-политическую жизнь страны, который убедительно показывает, что в российских женщинах заложена огромная энергия созидательной деятельности.

Обращение к событиям столетней давности — это тот исторический мостик, который помогает нам осмыслить настоящее, понять, какой значительный ресурс представляет общественная инициатива. Соединение ее с властными полномочиями может стать мощным стимулом социального развития. Полагаем, что исследования российских и зарубежных ученых, посвященные исследованию женской общественной инициативы в начале XX века, вносят конкретный вклад в осмысление гендерных проблем современного российского общества.

Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА

ББК 63.3(2)53-284.3

О. А. Хасбулатова

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА (1900—1917 гг.)

Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 5—14

Статья посвящена исследованию сущности женского движения в России в 1900—1917 гг., определению степени его влияния на российскую государственную политику в области предоставления женщинам равных с мужчинами политических и гражданских прав, формирования самосознания российских женщин. На разнообразном фактологическом материале раскрываются содержание и результативность социальных инициатив женских организаций. Автор делает вывод, что благодаря целеустремленности, разнообразию технологий взаимодействия с различными субъектами государственного управления и общественной деятельности женские организации сумели добиться предоставления женщинам избирательного права, институционализации среднего и высшего профессионального образования для женщин, их доступа к интеллигентным профессиям, сформировали эффективную систему социальной защиты и трудовой помощи женщинам. Многообразные женские инициативы по обучению и просвещению работниц, крестьянок, интеллигенции способствовали формированию самосознания женщин. Обосновывается вывод о том, что российское женское движение в начале XX в. выступало фактором социального прогресса.

Ключевые слова: российское женское движение, движение за предоставление женщинам гражданских и политических прав, женское профессиональное образование, движение трудовой помощи, женское движение как фактор социального прогресса.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.1

O. A. Khasbulatova. Women's movement in Russia as a factor of social progress (1900—1917)

The article investigates the nature of women's movement in Russia in the following period: 1900—1917. In the study, the author defines the degree of women's influence on the Russian state policy in the field of gender equality and the formation of consciousness of women. Using the variety of sources the author reveals the contents and the performance of social initiatives of women's organizations. The author concludes that, thanks to the dedication and diversity of technologies used in the interaction with various agents of government, wom-

© Хасбулатова О. А., 2017

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

en's organizations have achieved a lot. They managed to achieve women's suffrage, the institutionalization of secondary and higher education for women, women's access to jobs connected with intellectual labor. Women's organizations also formed the system of social protection and employment assistance to women. Diverse women's initiatives on training and education of workers, peasants, intellectuals contributed to the formation of consciousness of women. The author comes to the conclusion that the Russian women's movement in the early twentieth century acted as a factor of social progress.

Key words: the Russian women's movement, the movement for women's civil and political rights, women's vocational training, the movement of labor assistance, the women's movement as a factor in social progress.

От периода, обозначенного в заглавии статьи, нас отделяет 100 лет, целый век, в течение которого в нашей стране выросло несколько поколений граждан, победивших в Великой Отечественной войне, переживших кардинальные экономические и политические реформы 1990-х гг. и заложивших основы нового Российского государства. Вместе с тем не будет преувеличением сказать, что первое двадцатилетие XX в. занимает в нашей истории особое место не только по причине революционных событий 1905—1917 гг., но и благодаря насыщенной динамике пробуждения самосознания широких масс населения. Именно в этот период российское женское движение в полный голос заявило о политических и социальных правах женщин, составлявших половину населения страны.

В данной статье предлагается рассмотреть, какую роль сыграло российское женское движение в формировании демократических процессов в России начала XX в.

О методологии исследования

Анализ многообразных документальных, научных и других исторических источников показывает, что в начале XX в. вопрос о том, какое содержание вкладывалось в понятие «женское движение», имел важное значение для определения степени его влияния на государственную политику в отношении женщин. Научный интерес представляет точка зрения самих активных деятельниц либерально-демократического направления женского движения того периода. Так, председательница Русского женского взаимноблаготворительного общества, первая женщина — детский врач в России А. Н. Шабанова трактовала женское движение как «инициативную деятельность женщин по самоорганизации в общества, союзы и клубы для борьбы за свои права» [Шабанова, 1912: 15]. В работах председательницы Союза равноправия женщин (СРЖ) Е. Н. Щепкиной женское движение определялось как многообразие обществ, союзов, клубов, созданных женщинами, чтобы «расширить свои права на образование, на труд, на большие заработки, получить право голоса в местном самоуправлении и при выборе депутатов в палаты народных представителей» [Щепкина, 1921: 14—15].

Аналогичной точки зрения придерживались ученые и публицисты начала XX в., которые рассматривали женское движение как часть организованного движения за достижение равных с мужчинами гражданских и политических прав [Хвостов, 1905: 90; Новик, 1906: 36; Минович, 1909].

Принципиально другое толкование сущности женского движения давали идеологи пролетарского направления женского движения того периода А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд и Н. К. Крупская. Деятельницы большевистской партии определяли его как женскую сторону рабочего движения без собственной инфраструктуры, поскольку, по их мнению, у работниц «не должно было быть никаких специфических женских задач... специфических интересов, отличающихся от интересов всего пролетариата» [Коллонтай, 1920: 14—15; Арманд, 1975: 67].

Таким образом, демократически настроенные ученые и общественные деятельницы начала XX в., которые придерживались либерально-демократических взглядов, считали сущностью женского движения признание членами женских организаций наличия дискриминации женщин в обществе и, как следствие, необходимости защищать их права. Сторонницы марксистской теории рассматривали женское движение с позиции методологии классового подхода.

Безусловно, классовый подход играет существенную роль в разработке характеристики различных идейных направлений женского движения. Однако полагаем, что при оценке вклада женского движения в социальный прогресс целесообразно применить критерии, которые носят универсальный характер. Этот вывод подтвержден в трудах многих современных российских ученых, занимающихся исследованием истории женского движения [Шинелева, 1990; Айвазова, 1992; Лахова, 1997; Мельникова, 1999; Хасбулатова, 2005; Юкина, 2007].

В данной работе в качестве методологии определения степени прогрессивности женских организаций предлагаются следующие критерии: уровень влияния на государственную политику в сферах образования, профессиональной занятости, государственного управления с целью повышения социального статуса женщин; вклад женского движения в распространение демократических настроений в обществе. Существенную часть методологического инструментария составили конкретно-исторический, сравнительный и гендерный подходы. Их применение позволило проследить тенденции развития и роста социальной значимости российского женского движения в первое двадцатилетие XX в.

Социальный портрет российского женского движения в 1900—1917 гг.

К началу XX в. российское женское движение, пройдя сорокалетний путь активной борьбы за права женщин, представляло собой разветвленную сеть разнохарактерных по направлениям и формам работы женских союзов и объединений, действовавших как самостоятельно, так и в структуре крупных общероссийских женских организаций.

В зависимости от целеполагания, идеологических воззрений на средства борьбы за равные с мужчинами политические и гражданские права женские организации указанного периода целесообразно разделить на либерально-демократические, социал-демократические (пролетарские) и национал-патриотические.

Среди *либерально-демократических женских организаций*, которые выступали за предоставление женщинам равных с мужчинами политических и гражданских прав посредством государственных реформ и пропагандировали идеи равноправной свободной личности, выделялись Русское женское взаимноблаготворительное общество (зарегистрировано в 1895 г.), Союз равноправия

женщин (учрежден в 1905 г.), Российская лига равноправия женщин (РЛРЖ, создана в 1907 г. путем преобразования в нее СРЖ), Женская прогрессивная партия (учреждена в феврале 1906 г.), Всероссийский женский совет (зарегистрирован в 1917 г.). Их социальный состав носил смешанный характер, но идеи привлекали, в первую очередь, образованных женщин. Ближайшей целью реформистского направления являлась борьба за избирательное право как «орудие защиты прав женщин, средство освобождения половины человечества» [Шабанова, 1912: 27]. Вместе с тем в документах либерально-демократического направления женского движения подчеркивалось, что «получение избирательных прав не составляет конечной цели, а послужит средством для участия на равных правах в общей культурной работе страны на пользу человечества» [Труды Первого Всероссийского женского съезда... , 1908: 9].

Социал-демократическое (пролетарское) направление объединяло женщин, которые подходили к проблеме равноправия полов с классовых позиций, связывая ее со сменой общественно-политического строя. Это направление объединяло женские рабочие клубы, общества взаимопомощи работниц, Рабочее общество самообразования, которые начали действовать в 1906 г. Ставя цели, схожие с либерально-демократическим женским движением: предоставление женщинам избирательного права, улучшение условий женского труда и др., пролетарские женские организации «шли вместе со своими товарищами мужчинами бороться не за узкие женские права, а за свержение самодержавия» [Коллонтай, 1972: 380].

Члены объединений *национально-патриотического направления* считали идеи равноправия полов вредными для народа и придерживались концепции о второстепенной роли женщины в обществе¹. Члены этих организаций заботились о чистоте своих рядов. Так, в уставе СРЖ было записано, что его членами могут быть «все женщины русского подданства, кроме иудейского происхождения» [Союз русских женщин, 1908: 3].

В качестве самостоятельного направления выступало *движение в поддержку общего и профессионального образования женщин*. Оно объединяло женские общества, которые открывали и финансировали воскресные школы, кружки по обучению женщин грамоте, а также целую сеть высших женских курсов с объемом преподавания, равным университетскому, и женских профессиональных курсов².

Клерикальное направление объединяло женщин, участвовавших в обществах, созданных по религиозному признаку. Количество их было невелико, сфера деятельности ограничивалась благотворительностью, уходом за больными, культовым служением.

Объединения по профессиональным интересам, женские общества взаимопомощи были широко распространены в регионах России и входили в движение

¹ Ввиду полного расхождения во взглядах на социальное положение женщин с либерально-демократическим направлением в данной статье деятельность национал-патриотических женских организаций не рассматривается.

² Следует сказать, что четких границ между женскими организациями не существовало. Многие деятельницы женских организаций, создававшие высшие женские курсы, были членами Русского женского взаимоблаготворительного общества.

трудоустройстве (защита интересов работниц, борьба за улучшение условий труда, трудоустройство), способствовали социальной адаптации женщин, осуществляли их материальную поддержку.

Большую группу женских организаций составляли *организации нравственно-этического направления*. Они ставили целью попечительство о молодых матерях, девушках, о женщинах, находящихся в заключении, защиту нравственных устоев. Объединения данного типа действовали в крупных городах и назывались «общества защиты женщин» или «общества улучшения участи женщин».

Таким образом, в 1900—1917 гг. в Российской империи эволюционировало структурированное женское движение, объединявшее тысячи женщин многих регионов России. Цели, которые они хотели достичь, были различны: от участия женщин в управлении государством до поддержки в выборе жизненного пути. Однако анализ содержания деятельности женских организаций показывает, что их членов объединяла неудовлетворенность сложившимся социальным статусом российских женщин в начале XX в. Об этом свидетельствуют многочисленные социальные инициативы женских организаций того периода.

Социальные инициативы российского женского движения в начале XX в.

Под социальными инициативами женских организаций начала XX в. понимаются предпринимаемые ими действия по защите гражданских и политических прав женщин, пропаганде в разных социальных слоях идей о равноправии полов и демократическом устройстве общества.

В 1900—1917 гг. деятельность женского движения в России отличалась многообразием как по содержанию, так и по форме. К наиболее значимым с точки зрения влияния на государственную политику можно отнести инициативы либерально-демократического направления женского движения по предоставлению женщинам избирательных прав, права занимать все должности на государственной службе, по созданию системы женского профессионального образования, расширению сферы профессиональной занятости женщин, смягчению брачного законодательства.

Поскольку начало XX в. было ознаменовано для России крупными преобразованиями политической системы, либерально-демократические женские организации активно участвовали в общественно-политической жизни страны. Новым лозунгом женского движения стал лозунг «Свобода и равенство всех перед законом без различия пола» [Мирович, 1909: 148]. Центральным направлением деятельности Русского женского взаимоблаготворительного общества, СРЖ, РЛРЖ, Женской прогрессивной партии стала борьба за гражданские и политические права женщин, уравнивание их с мужчинами. Для этого использовались самые разнообразные методы: петиции в комитет министров, председателю Совета министров, митинги, забастовки с требованием избирательных прав для женщин перед выборами в Первую Государственную думу. СРЖ нес идеи равноправия в женские массы, активно взаимодействовал с Союзом Союзов, Крестьянским союзом, Красным Крестом и другими объединениями. В 1906 г., в начале работы Первой Государственной думы, депутаты получили петицию за подписью 5 тысяч женщин с призывом признать за ними «равные права

для участия служения родине» [Шабанова, 1912: 17—18]. Сотрудничая с депутатами Первой Государственной думы от кадетской партии, активистки женского движения использовали трибуну Думы для пропаганды равноправия полов. Это не привело к предоставлению женщинам избирательных прав, но вызвало широкий общественный резонанс. Избирательная кампания перед выборами депутатов во Вторую Государственную думу также использовалась активистками в пропагандистских целях. В ее ходе СРЖ собрал в 122 городах России 20 тысяч подписей с требованием избирательных прав [Хасбулатова, Гафизова, 2003: 87]. Во все последующие Государственные думы женские организации вносили множество предложений об уравнивании гражданских прав женщин и мужчин. Подавались предложения о расширении прав женщин в местном самоуправлении, об уравнивании наследственных прав, о раздельном проживании супругов, допущении женщин в университеты на равных правах с мужчинами, равной оплате труда. Когда в Государственной думе обсуждался вопрос предоставления избирательных прав женщинам при выборах в волостное земство, депутаты получили совместное заявление всех либерально-демократических женских союзов. Как отмечалось в отчете РЛРЖ, Лига «неотступно и зорко следила за деятельностью законодательных учреждений», не упуская случая, напоминала о требованиях и нуждах женщин [Отчет Российской лиги равноправия женщин... , 1917: 32].

Этапным событием в развитии общественной активности женщин, в переходе от разобщенности к координации действий стал Первый Всероссийский женский съезд, проходивший в Санкт-Петербурге с 10 по 16 декабря 1908 г. и объединивший более тысячи делегатов. Съезд определил стратегические задачи российского женского движения: усиление пропаганды идей равноправия полов, повышение уровня женского самосознания, выявление и преодоление мужского превосходства во всех социальных сферах, создание женских организаций во всех регионах России. Вместе с тем наличие жестких идейных разногласий между либерально-демократическим и социал-демократическим направлениями женского движения сделало невозможным надклассовое объединение в российском женском движении.

После падения самодержавия в феврале 1917 г. РЛРЖ выступила инициатором борьбы за предоставление женщинам избирательных прав. Направление резолюций и воззваний Временному правительству, проведение 40-тысячной манифестации в Петрограде 19 марта 1917 г., переговоры с председателем Совета министров Г. Е. Львовым способствовали тому, что в начале XX в. российские женщины одними из первых получили избирательные права.

Еще одним вкладом в распространение в обществе демократических идей можно считать участие женских организаций в становлении женского профессионального образования. Во второй половине XIX в. женские организации вели активную работу по вовлечению девочек и женщин в воскресные школы, мастерские по обучению профессиональным навыкам, в обучение на негосударственных высших женских курсах, которые пользовались у девушек большой популярностью. Так, в 1906/07 учебном году только на Бестужевских курсах обучалось 2396 человек [Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы... , 1973: 16]. Признав значение курсов в деле профессионального

образования, в 1910 г. Государственный совет придал им статус государственных с объемом преподавания, равным университетскому.

В связи с развитием промышленности в начале XX в. при активном участии женских организаций в крупных городах стали открываться женские коммерческие, сельскохозяйственные, юридические курсы, фармацевтическая школа, топографический институт для женщин. На средства женских организаций, без помощи казны, в 1910 г. во всех университетских городах действовали высшие женские курсы [Хасбулатова, Гафизова, 2003: 70]. В 1913 г. в Санкт-Петербурге при активном участии женских обществ проходил Первый Всероссийский съезд по женскому образованию, участники которого выступили за широкое образование женщин, уравнение в правах женских и мужских учебных заведений, совместное обучение юношей и девушек, свободу педагогической деятельности [там же: 71].

Значимой социальной инициативой женских организаций являлось движение трудовой помощи, которое заключалось в расширении сферы профессиональной деятельности женщин, поддержке тех, кто трудился, защите их интересов перед работодателями. Эффективно функционировали общества взаимопомощи женщин-врачей, московские общества женщин-юристок, воспитательниц и учительниц, работниц конторского труда, общества помощи больным женщинам, содействия женскому сельскохозяйственному образованию и многие другие. Их концепция строилась на стремлении поддержать женщин материально: с помощью ссуды, предоставления за недорогую плату жилья и питания. Следует отметить, что женские общества, создаваемые с целью трудовой поддержки, имели организационные формы, выходящие за рамки общепринятой благотворительности. Для помощи женщинам средства добывались чаще всего собственной коммерческой деятельностью — устройством магазинов, пекарен, мастерских, типографий [Труды Первого Всероссийского женского съезда... , 1908: 42]. Таким образом, оказываемая женщинам помощь не была безвозмездной, часть сумм они должны были отрабатывать. Данный подход к социальной поддержке основывался на идеологии самопомощи, компонентами которой выступали: инициативное поведение женщин с целью образования, получения профессиональных навыков, специальности; организация в союзы для материальной взаимоподдержки; развитие инициативы женщин по самообеспечению материальными благами и саморазвитию. Движение трудовой помощи объединяло тысячи представительниц рабочего класса и средних слоев общества. Этому способствовал тот факт, что среди активных деятельниц движения было немало материально обеспеченных женщин, которые вкладывали значительные средства в приобретение обществами участков земли, помещений для мастерских и профессиональных курсов.

Содержание деятельности женских организаций не ограничивалось перечисленными инициативами. Представительницы разных слоев общества проявляли инициативу на различных поприщах: в благотворительной деятельности, защите нравственных устоев общества, создании системы общественного воспитания детей, общин сестер милосердия. Масштаб и многообразие деятельности женских организаций дают основания утверждать, что в 1900—1917 гг. российское женское движение было неотъемлемым компонентом общественно-политической жизни общества.

Женское движение как фактор социального прогресса

Анализ документальных источников, трудов ученых, результатов деятельности женских организаций позволяет отнести женское движение в России в 1900—1917 гг. к прогрессивным социальным движениям. Оно объединило общественные группы, организации, слои женщин, которые в той или иной степени сумели повлиять на государственную политику в сферах образования, профессиональной занятости женщин, в области предоставления женщинам равных с мужчинами политических и гражданских прав. Наибольший вклад в повышение социального статуса женщин внесло либерально-демократическое направление женского движения. Пролетарское направление ввиду слабой организованности и обособленности распространяло свое влияние на ограниченную часть работниц.

Рассмотрим конкретные результаты реализации социальных инициатив женского движения. Деятельность либерально-демократических женских организаций по достижению равноправия полов в области гражданских и политических прав носила динамичный, наступательный характер. Были завоеваны избирательное право, право занимать все государственные должности, ряд гражданских прав.

Под влиянием либерально-демократических и пролетарских женских организаций расширились возможности для общего образования женщин, была учреждена система высшего образования, осуществлялся доступ к новым профессиям.

Лидеры и активистки женских организаций были пропагандистами в разных слоях общества идей о равноправии женщин и мужчин. С помощью женской печати, публицистической деятельности активистки женского движения создали к началу XX в. целый пласт общественно-политической литературы, посвященной проблемам положения женщин, что положительно сказалось на общественном мнении о равноправии полов. Многообразные женские инициативы по обучению и просвещению работниц, крестьянок, интеллигенции также пробуждали самосознание женщин.

Таким образом, имеются основания утверждать, что в насыщенное драматическими событиями первое десятилетие XX в. женское движение выступало в качестве субъекта общественно-политической жизни, эффективного инструмента воздействия на эволюцию государственной политики в отношении женщин.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* К истории феминизма // *Общественные науки и современность.* 1992. № 6. С. 153—169.
- Арманд И. Ф.* Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. 287 с.
- Коллонтай А. М.* К истории женского движения работниц в России. Харьков: Всеукр. изд-во, 1920. 32 с.
- Коллонтай А. М.* Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972. 430 с.
- Лахова Е. Ф.* Социально-политическая адаптация российских женщин в годы реформ (90-е годы XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 26 с.

- Мельникова Т. А. Женское движение России в политических процессах современного общества. М.: СИМС, 1999. 188 с.
- Мирович Н. Женское движение в России XX века // Ланге Е. Женский вопрос в его современной постановке: пер. с нем. М.: Космос, 1909. С. 148—152.
- Новик И. Борьба за политические права женщин: исторический очерк. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1906. 63 с.
- Отчет Российской лиги равноправия женщин за 1914—1915 гг. Пг.: Северная печатня, 1917. 113 с.
- Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, 1878—1918. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 303 с.
- Союз русских женщин: устав. СПб., 1908. 8 с.
- Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10—16 декабря 1908 г. СПб., 1908. 927 с.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX века). Иваново: Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
- Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи: два этюда по женскому вопросу. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. 101 с.
- Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. СПб.: Тип. акционер. о-ва «Образование», 1912. 32 с.
- Шинелева Л. Т. Женщина и общество: декларации и реальность. М.: Политиздат, 1990. 176 с.
- Щепкина Е. Н. Женское движение в годы Французской революции. Пг.: Госиздат, 1921. 84 с.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетея, 2007. 544 с.

References

- Aivazova, S. G. (1992) K istorii feminizma [To the history of feminism], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 153—169.
- Armand, I. F. (1975) *Stat'i, rechi, pis'ma* [Articles, speeches, letters], Moscow: Politicheskoe izdatel'stvo.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteia.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy during XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraia polovina XIX—nachalo XX veka)* [Women's movement in Russia (the second part of the XIX — the beginning of the XX century)], Ivanovo: Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khvostov, V. M. (1905) *Zhenshchina nakanune novoï epokhi: Dva etiuda po zhenskomu voprosu* [A woman on the eve of a new era: Two sketches on a woman's issue], Moscow: Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko.
- Kollontaï, A. M. (1920) *K istorii zhenskogo dvizheniia rabotnits v Rossii* [To the history of the women's movement of working women in Russia], Khar'kov: Vseukrainskoe izdatel'stvo.
- Kollontaï, A. M. (1972) *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches], M.: Politicheskoe izdatel'stvo.

- Lakhova, E. F. (1997) *Sotsial'no-politicheskaia adaptatsiia rossiiskikh zhenshchin v gody reform (90-e gody XX veka)*: Avtoref. dis. ... cand. ist. nauk [Socio-political adaptation of Russian women in the years of reform (90-s of the XX century): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Mel'nikova, T. A. (1999) *Zhenskoe dvizhenie Rossii v politicheskikh protsessakh sovremenno-go obshchestva* [The women's movement of Russia in political process of modern society], Moscow: SIMS.
- Mirovich, N. (1909) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii XX veka* [Women's movement in Russia of the XX century], in: Lange, E., *Zhenskii vopros v ego sovremennoi postanovke*, Moscow: Kosmos, pp. 148—152.
- Novik, I. (1906) *Bor'ba za politicheskie prava zhenshchin: Istoricheskiĭ ocherk* [The struggle for women's political rights: A historical essay], Moscow: Tovarishchestvo I. D. Sytina.
- Otchet Rossiiskoi ligi ravnopravii zhenshchin za 1914—1915 gg.* (1917) [Report of the Russian League of Equality of Women for 1914—1915], Petrograd: Severnaia pechatnia.
- Sankt-Peterburgskie vysshie zhenskie (Bestuzhevskie) kursy, 1878—1918* (1973) [Saint-Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses, 1878—1918], Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Shabanova, A. N. (1912) *Ocherk zhenskogo dvizheniia v Rossii* [Essay on the women's movement in Russia], St. Petersburg: Tipografiia aktsionernogo obshchestva "Obrazovanie".
- Shchepkina, E. N. (1921) *Zhenskoe dvizhenie v gody Frantsuzskoi revoliutsii* [Women's movement during the French Revolution], Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Shineleva, L. T. (1990) *Zhenshchina i obshchestvo: Deklaratsii i real'nost'* [Woman and society: Declarations and reality], Moscow: Politicheskoe izdatel'stvo.
- Soiuz russkikh zhenshchin: Ustav* (1908) [Union of Russian Women: Charter], St. Petersburg.
- Trudy Pervogo Vserossiiskogo zhenskogo s'ezda pri Russkom zhenskom obshchestve v Sankt-Peterburge, 10—16 dekabria 1908 g.* (1908) [Proceedings of the First All-Russian Women's Congress at the Russian Women's Society in St. Petersburg], St. Petersburg.

Статья поступила 25.03.2017 г.

ББК 63.3(2)53-284.3

И. М. Пушкарева, Н. Л. Пушкарева

**ЖЕНСКОЕ УЧАСТИЕ В РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НАЧАЛА XX в.
(Советская и постсоветская историография)**

Рассматривается тема социального и политического участия российских женщин, их политической мобилизации в период великих перемен рубежа XIX—XX вв. Особое внимание уделяется 1917 г., пониманию женского вклада в развитие революционного процесса и отражению этого понимания в российской советской и постсоветской историографии. Обобщая наработки исследователей о дореволюционных процессах 1900—1917 гг., авторы пытаются ответить на вопрос о том, как расценивалось в советский период, а также после распада СССР участие женщин в революционных событиях 1917 г., как эта тема представлена в современных публичных и академических дискуссиях о гендерных отношениях и женских возможностях в обществе.

Ключевые слова: русская историография, женщина, гендер, феминизм, женское движение, женское политическое участие, коллективные действия, революция 1917 г., Россия.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.2

***I. M. Pushkareva, N. L. Pushkareva. Women's participation
in Russian political life at the beginning of the XX c.
(Soviet and Post-Soviet historiography)***

This article looks at Russian women's mobilization, social and political agency during the great period of transformation, the turn of the XIX—XX cc. and especially in 1917 as is shown in Russian Soviet and Post-Soviet historiography. Bringing together the main publications about pre-revolutionary processes 1900—1917, the authors are trying to answer the question, how the

Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 15—34

© Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л., 2017

Пушкарева Ирина Михайловна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник-консультант, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Leading Research Associate-Consultant, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of Women and Gender Studies Department, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

women's participation in the revolutionary events of 1917 is understood and discussed after the dissolution of the Soviet Union, in today's Russia, how it is represented by different voices in the contemporary public and academic debates on gender relations and possibilities women have in society.

Key words: Russian historiography, woman, gender, feminism, women's movement, women's political participation, collective action, revolution 1917, Russia.

2017 г. знаменует столетие начала Великой российской революции 1917—1922 гг., или двух революций — Февральской и Октябрьской, как их называли ранее. Оглядываясь назад, на столетнюю историографию этого крупнейшего события в мировой истории, эвристически полезно задуматься о том, менялась ли со временем оценка участия во всех процессах того времени женской половины населения России.

Заметим сразу, что об истории появления в нашей стране первых женских союзов и групп, рождении российского варианта феминизма в первые тридцать лет после революции вообще ничего не говорилось. Об участии в политической жизни начала XX в. женщин, не поддерживавших большевизм, старались не упоминать ни большевистские идеологи-женщины (А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд), ни составители первых советских учебников истории. Большевики считали собственной заслугой ликвидацию социально-полового неравенства во всех правах, включая политические, и замалчивали тот факт, что доступ женщин ко многим профессиям, 6-недельный отпуск по беременности и родам (с сохранением половины зарплаты с 1912 г.) и многие другие завоевания в интересах женщин стали законами задолго до событий октября 1917 г.

Вся советская историография была нацелена на восхваление подвига участниц революционного движения, большевичек. Истории их жизни воссоздавались как биографии новых «советских святых», которые готовы были страдать, но сохранять верность идее. В годы Великой Отечественной войны и после нее вышло немало агитационно-публицистических очерков, педалировавших тему традиционности для России женского героизма и самоотдачи, а «женский вопрос» — как неотъемлемая часть общей борьбы рабочего класса за свое освобождение [Бильшай-Пилюпенко, 1948; Любимова, 1958] — был признан решенным. С началом хрущевской политической «оттепели», распахнувшей двери архивов, расширилась проблематика исторических исследований, в том числе и по женской истории. В 1950—1960-х гг. в СССР появился ряд работ, посвященных непосредственно женщинам, их участию в Октябрьской революции. Множились публикации воспоминаний большевичек, участвовавших в революционных событиях и в преобразованиях первых лет советской власти [«Мы были тогда...», 1957; Игумнова, 1958; Женщины в революции, 1959; Буренин, 1958]. Эти женщины еще были живы, они еще могли что-то рассказать... Но опубликованные воспоминания отличались удручающим однообразием (см., напр.: [Абакумова, 1958; Славные большевички, 1958]). Вспоминать по-женски эмоционально, поведствовать о том, что не было бы одобрено редактором сборников, большевички не решались. Так что в первых монографиях по истории женского политического участия говорилось в основном о борьбе партии большевиков за «женские

массы», это были книги скорее по истории КПСС, нежели по истории женщин (см.: [Барулина, 1962; Велецкая, 1967]).

Любое участие меньшевистских женских организаций в протестном движении начала XX в. расценивалось как враждебное, антисоциалистическое: «Стремясь упрочить власть эксплуататоров, буржуазные феминистки надеялись охватить своим вниманием широкие слои трудящихся женщин, оторвать их от участия в революции. Пропаганда феминисток создавала опасность подчинения отсталых и неорганизованных работниц влиянию буржуазной идеологии» [Сердитова, 1959: 22]. О существовании женского либерального движения, о понимании «женского вопроса» как инициативной деятельности женщин по самоорганизации в общества для борьбы за свои права старались не упоминать (определение 1908 г. «равноправки» А. И. Шабановой).

В начале 1960-х гг. исследователи впервые обратились к теме международного женского социалистического движения, участия в нем россиянок [Неволина, Орлова, 1960]. В журнале «Исторический архив» без комментариев были опубликованы документы международной женской социалистической конференции 1915 г. Сама по себе такая публикация малоизвестных архивистов являлась прорывом: впервые в российской науке были обнародованы документы по истории борьбы женщин за право избирать и быть избранными. Но отсутствие комментариев к этим фактам положило начало печальной «традиции»: феминизм в других странах признавался достойным изучения, а в России нет, поскольку все права и свободы женщинам, как тогда считалось, дал Великий Октябрь [Любимова, 1967; Бочкарёва, Любимова, 1967]. Противостояние феминизма и большевизма началось задолго до 1917 г. На рубеже XIX—XX вв. либеральные женские организации были легальными, в отличие от кружков социал-демократов. Первые боролись за женское равноправие в рамках существующего строя; их социальную основу составляли представительницы среднего класса и дворянства, которые были далеки от революционных событий и направляли усилия в основном на личностный и профессиональный рост. Судьбы же женщин-большевицек были иными, считалось, что они больше думали не о себе, а о простых работницах и крестьянках, о труженицах [Подляцук, 1963]. Неслучайно именами многих из женщин-большевицек были названы к 50-летию Октября улицы на Юго-Западе Москвы, в Октябрьском районе (ликвидированном вместе с развалом СССР в 1991 г.) [Женщины русской революции, 1968; Орлова, 1970].

В этих условиях появление в 1965 г. в журнале «История СССР» статьи ленинградского историка Х. М. Астрахана о женском батальоне, защищавшем Зимний дворец в октябре 1917 г., было неожиданным. И чтобы вписаться в контекст своего времени, автор представил бойцов батальона не как самостоятельно мыслящих патриоток, а как простых учительниц, гувернанток, портних, вынужденно втянутых в политику и обманутых буржуазной пропагандой [Астрахан, 1965].

Медленно, но неуклонно началось в то время и «добавление женских имен» в советское историописание о событиях 1917 г. В публикациях о Февральской революции, о жизни страны с марта по октябрь этого года женщины практически не упоминались. Монография Э. Н. Бурджалова была едва ли не первой книгой о Февральской революции, в которой автор написал, что женщины вышли на улицы в День международной женской солидарности (23 февраля

по старому стилю соответствует 8 марта) [Бурджалов, 1970: 121]. Правда, он отмечал, что они сделали это по призыву «Осведомительного листка» РСДРП. В реальности «листок» значения не имел. Причиной женской демонстрации, ставшей толчком к началу Февральской революции, были перебои с поставками хлеба (накануне, 22 февраля, хлеб не завезли, и работницы ряда мануфактур и фабрик начали выходить на улицы).

В годы брежневской стагнации (с середины 1960-х гг. до середины 1980-х) началось медленное смещение объекта изучения с истории абстракций (класс, социальный слой) на историю людей, имеющих свой пол и свои интересы. Первые короткие конкретно-исторические исследования об участии женщин в маевках, забастовках начала XX в. появились также в это время [Строкова, 1977]. Однако подход к истории женского политического участия по-прежнему оставался однобоким. Скажем, оценки деятельности небольшевистских женских организаций были созвучны известному положению А. М. Коллонтай о вредности либерализма. Она ведь была убеждена, что «буржуазки» стремились к получению политических прав только для представительниц своего класса, а работниц «заманивали», чтобы отвлечь их от социалистического движения. Она презирала женщин-благотворительниц, и ее слова о них часто цитировались: «Не вычерпать им чайной ложкой благотворительности море страданий и нищеты лиц наемного труда» [Коллонтай, 1909: 101].

В стороне от монблана литературы по истории завоевания женских масс большевиками оказалась в те годы статья З. В. Гришиной в малоизвестном сборнике «Проблемы истории СССР» о Союзе равноправия женщин [Гришина, 1977]. В литературе тех лет любые попытки интеллигенции создавать не связанные с большевиками женские организации оценивались негативно [Строкова, 1977], а Гришина, опередив время, показала перспективность нацеленной женской работы по защите своих интересов. Она рассмотрела задачи и состав Союза равноправия, решения его съездов, деятельность по улучшению быта женщин, взаимоотношения с политическими противниками и другими организациями либерального толка — Женской прогрессивной партией, Российским женским взаимоблаготворительным обществом. Впервые советские читатели смогли узнать, что еще до большевиков и Великого Октября в стране обсуждались вопросы доступа женщин ко всем профессиям и университетскому образованию. В остальных же работах идейная и организационная значимость феминистской составляющей в эмансипационном движении России в целом все так же отрицалась: «Феминизм не нашел широкого распространения в России, так как участницы женского движения не противопоставляли себя мужчинам» [Павлюченко, 1988: 325].

Объявленная в середине 1980-х гг. «перестройка» дала женской истории в России новое дыхание. С одной стороны, резко уменьшилось число публикаций о большевичках. С другой — замелькали фамилии эсерок Е. Брешко-Брешковской, В. Засулич, М. Спиридоновой, конституционных демократок С. Паниной и А. Тырковой [Политические деятели России..., 1993: 32, 40, 116, 246, 300, 325, 368]. Женская тема подверглась коррекции в работах о протестном движении в 1917 г. Появились публикации об участии в забастовках не только работниц, но и представительниц средних социальных слоев — продавщиц, преподавательниц и учениц школ и гимназий [Еникеев, 1990: 19—24; Воронежцев,

1991: 72]. Следом начали упоминать об участии крестьянок в так называемых братствах, которые социалисты-революционеры организовывали в деревне [Леонов, 1985: 56, 66]. Молодые историки стали братья за темы, ранее недопустимые, например о «буржуазных» женских военных командах и батальонах в 1917-м [Сенин, 1987].

Новые темы и новые подходы, появившиеся в советской историографии в 1990-х гг., были проявлением модерна, который всегда несет с собой не умиротворение, но раскол общества и конфликт. Начало 1990-х в нашей истории — это эпоха коллапса СССР и рождения постсоветской историографии. Сообщество историков в тот период не могло даже казаться однородным. В нем быстро возникло ориентированное на запросы зарубежной науки меньшинство и довольно инертное, считающее себя хранителями традиции большинство.

Среди меньшинства было немало молодых женщин-историков [Жукова, 1996]. Они оказались к началу 1990-х достаточно подготовленными, чтобы освоить (хотя бы поверхностно) зарубежную, главным образом американскую, литературу по женской истории, признать замалчивание в нашей историографии темы неравенства и угнетения женщин не до, а после 1917 г., обосновать необходимость институционализации исторической феминологии как особой дисциплины обновленной социальной истории. Если раньше авторы только описывали с большей или меньшей степенью трагизма положение женщин и формы их борьбы за эмансипацию вплоть до революционных дней 1917 г., то теперь они старались ответить на вопросы, связанные с женской повседневностью, женскими особенностями вмешательства в политику, женским социальным и репродуктивным поведением, пытались разобраться с причинами, которые (возникнув еще в доклассовом обществе) поставили представительниц слабого пола в зависимость от сильного.

Но не столичные университеты постсоветской России и не ведущие научные учреждения в системе Российской академии наук первыми откликнулись на вызовы времени. Первой была российская провинция — Тверь, Петрозаводск, Иваново [Кулик, 1997; Женщины в социальной истории России, 1997: 39—46; Галиуллина, 1995]. Здесь начало формироваться сообщество тех, для кого история женщин в России начала XX в. стала приоритетным направлением исследований [Хасбулатова, 1995; Литовская, 1995; Хасбулатова, Правкина, 1997; Гафизова, 1998], кто изменил ракурс исторического видения, поставив в центр изучения не общие процессы страны в целом, но жизнь женщин в ней, не историю России в 1917 г., но события в истории женской половины населения страны в это переломное время [Кулик, 1992].

Среди ученых, внесших наибольший вклад в изучение женской составляющей истории протестных движений в России начала XX в., стоит имя О. А. Хасбулатовой. Она первой рассказала о российских женских организациях, чья практика была направлена на реализацию требований о предоставлении женщинам равных с мужчинами экономических и политических прав, показала, что методом их борьбы была подача запросов в земства и городские думы. Именно она в своей диссертации выявила механизм взаимодействия женских организаций с депутатами Государственной думы и другими представителями органов власти, с демократически настроенной интеллигенцией, обобщила опыт этих организаций до 1917 г. [Хасбулатова, 1994].

Важным завоеванием «гендерных 90-х» (так это десятилетие назвала харьковская исследовательница И. А. Жеребкина) стали попытки разобраться в том, как идеологические догматы влияли на оценку женского вклада в события 1917 г. С. Г. Айвазова показала, как понятия «женская эмансипация», «женская личность» оказались заменены у марксистов (а следом во всей советской литературе) понятиями «женский вопрос», «женские массы». Пользуясь открывшейся возможностью критики марксистской теории освобождения женщин, она подчеркнула, что рассмотрение полового угнетения с помощью категорий классового анализа — это упрощение, ведь гендерное угнетение сложилось в доклассовую эпоху [Айвазова, 1995, 1998].

1990-е оказались для женской истории годами осторожной реабилитации феминизма как политического течения и как теории [Темкина, 1997]. Тут несомненна роль питерского социолога и историка И. И. Юкиной, первой начавшей публиковать труды русских феминисток и обратившей внимание на то, что факт обретения россиянками избирательных прав надо увязывать с деятельностью Временного правительства, а не большевиков [Закута, 1997; Юкина, Гусева, 2004]. Убежденная феминистка, И. И. Юкина и в последующие годы продолжала доносить до читателей и слушателей неискаженный большевизмом образ русского феминистского движения [Юкина, 2007].

В середине 1990-х историки прямо поставили вопрос: что же дали российским женщинам Февраль и Октябрь 1917 г.? [Пушкарева, 2002]. На него пытались ответить не только в научных журналах, но и в научно-популярных, самых читаемых. Одна из статей появилась в журнале «Семья и школа». Ее авторы утверждали, что первыми феминистками в нашей стране стали относительно обеспеченные, а значит, свободные женщины; никому из них не приходило в голову распространять феминистские идеи на низшие слои общества — крестьянство, «мастерской люд», пролетариат. Реальное же равенство женщин и мужчин одного статуса дал России не феминизм, считали авторы, а эгалитаризм новой власти, чья значимость оказалась деформирована государственным репрессивным воздействием более позднего времени и уродливыми целями (целью большевиков было не справедливое равенство полов, а привлечение в индустрию дешевой рабочей силы), тоталитарной андрогинией — постыдным уравниванием женщин с мужчинами на тяжелых работах [Ветринская, Огинский, 1999].

В конце 1990-х гг. прекратился выпуск биографий революционерок [Точёный, Точёная, 2001], а сама революционно-биографическая тема переродилась в беллетризированные описания извращенной сексуальной жизни лидеров большевизма. Характерны названия книг тех лет — «Любовь вождя. Крупская и Арманд», «“Я тебя очень любила...” Правда о Ленине и Арманд» [Мельниченко, 2002; Соколов, 2004]. При этом личные дела самых известных большевицек оставались недоступными исследователям, а некоторые засекречены до сих пор (в личном фонде, например, Н. К. Крупской) [Максименков, 2017:18].

О женском политическом участии на рубеже XX—XXI вв. стали писать чаще. Но парадоксальным образом именно тогда в России, Беларуси, а отчасти и в Украине начало формироваться сообщество отлично подготовленных историков-традиционалистов, которые изучали «женскую тему» прямо откровенно от феминистских идей [Сигалов, 1997]. Они были внутренне не готовы принять

феминистскую идеологию как основу собственного духовного мира и адаптировать к ней свою повседневную жизнь и свои исследования (особенно мужчины) [Протасов, 1996]. Некоторых из этих историков заинтересовал феномен женского терроризма, который предшествовал революциям и сопровождал их [Овруцкий, Разгон, 1989; Мкртчян, 1991; Василенко, 1994]. Так, А. В. Шур объясняла включение женщин в эту область борьбы обстоятельствами жизни террористов в замкнутом пространстве подполья и полагала, что женская психология, со своим собственным ее складу сильным воображением, влияла на подготовку каждого теракта [Шур, 1995]. Иначе оценивал женский терроризм О. В. Будницкий. Он видел в каждом поступке террористок религиозный момент (место Бога занял народ, считал автор, во имя народа и совершались теракты) [Будницкий, 2005].

Другая часть удаленных от феминизма российских исследователей активно изучали историю благотворительности [Постернак, 2001; Гаврюшин, 2002; Кулик, 2002; Козловцева, 2006]. Они внесли немалый вклад в освещение жизни женщин России в начале прошлого века, показали историческое значение движения трудовой помощи, общин сестер милосердия и благотворительных обществ, в которых жены предпринимателей и крупных чиновников играли огромную роль. Эта деятельность многое давала и самим благотворительницам — выход за рамки семейного мира, а подчас и новую профессию [Добрынина, 2000; Ульянова, 1999]. Изучая историю становления системы медицинской помощи на полях сражений, некоторые авторы коснулись сложной проблемы ломки гендерных стереотипов: отношения медсестер с фронтовиками складывались столетие назад не гладко и не однозначно, поскольку часть бойцов (в соответствии с устоявшимися воззрениями) относились к присутствию женщин на передовой отрицательно [Грицаева, 2008].

Преодолев старые представления о том, что равенство и свободу женщинам России дали именно большевики, российская историография 2000-х гг. обратилась к политической истории 1917 г. с позиций сопоставления фактов и выявления новых источников. Однако такая работа сильно зависела от предпонятий самих историков. И если автор 967-страничного труда «Красная смута» В. П. Булдаков был настроен к женской теме критически — значит, ей было суждено появиться в книге лишь в связи с бабьими бунтами и внесенной ими дезорганизацией жизни в стране [Булдаков, 2010: 119].

Совсем иначе та же страница истории представлена в диссертации С. В. Ворошиловой [Ворошилова, 2011]. Она доказала, что и до событий 1917 г. законодательство России, регулирующее избирательный процесс, предусматривало пассивное участие женщин, отвечающих цензовым требованиям в момент выборов (они передавали голоса по доверенностям родственникам-мужчинам). Значимость осуществленного политического прорыва после Февральской революции — это снятие подобных ограничений с доверенностями. Однако анализ списков голосовавших и выбранных убедил эту исследовательницу и ее коллегу из Москвы С. В. Крадецкую в том, что процент голосов, отданных избирателями и избирательницами за женщин в 1917 г., оказался крайне низок. Это «свидетельствовало о сложившихся в общественном сознании стереотипах, ориентирующих женщину на семью и воспитание детей, а не на участие в политической жизни» [Крадецкая, 2012: 3]. Обеим исследовательницам важно было

подчеркнуть своими работами, что уже в начале XX в. в России сформировался новый женский образ — образ женщины со светским менталитетом, свободной, самостоятельной, инициативной, предприимчивой, стремящейся к гражданским и политическим свободам.

В последние годы противоречие между высоким качеством работ по женской истории и сохранением маргинального статуса направления в поле российских исследований прошлого особенно очевидно. Никакое «вписывание женщин в историю» не привело в нашей стране к переопределению задач реконструкции исторических процессов, мало повлияло на доминирующие теоретические концепции. Поскольку работы теоретиков женской истории на русский язык не переводились, постольку у российских ученых отсутствовали представления об особых методах работы с источниками, которые применяют феминистски-ориентированные авторы [Куприна, 2000].

При этом сами исследования с точки зрения фактографической были очень солидными. Так, в статьях и диссертации П. П. Щербинина показаны особенности призрения семей фронтовиков в годы Первой мировой войны, освещена деятельность женских общественных организаций по оказанию помощи таким семьям, получению пенсионера за ушедших на войну. Автор собрал примеры дамской благотворительности, описал и волнения солдаток, устраивавших «осады» учреждений, не выдававших вовремя пособия за ушедших на войну мужей. Но ни Щербинин, ни подобные ему авторы не ставили задачу изучить механизмы воспроизводства неравенства женщин в обществе, а только фиксировали их факт [Вашурина, 2004; Щербинин, 2005; Васильев, 2014]. Крайне редко анализировались особенности именно женского поведения в экстремальных ситуациях [Пушкарева, Щербинин, 2005].

Любопытно, что в «стране победившего пролетариата» на протяжении всех семи десятилетий о работницах, их образе жизни, бюджете времени, культурных и духовных запросах до начала 2000-х гг., как это ни странно, вообще почти ничего не написали. Лишь диссертация О. Б. Вахромеевой стала в этом плане прорывом, позволив увидеть в женских трудовых ресурсах не объект воздействия ураганной идеологии большевизма, а дискриминированную по всем статьям социальную группу, члены которой были готовы преобразиться, обрести новый облик [Вахромеева, 2009].

Если сторонники и сторонницы традиционного историописания видели своею целью просто восстановление исторической справедливости и возвращение женских имен истории [Аракелова, Басистая, 2000; Ионов, 2000], то представительницы новой истории женщин настаивали на необходимости по-иному ставить исследовательские задачи. Именно в 1990-х гг. сложилась группа феминистски-ориентированных и гендерно-чувствительных исследовательниц. Все они старались вырваться из прокрустова ложа старой историографической традиции, по которой в женском движении подчеркивалась лишь его революционная составляющая и все оно сводилось к различным формам политического протеста [Юкина, 2003; Москалева, 2002; Коваленко, 2002; Успенская, 2002]. Общей целью этих ученых стало выявление корней и причин доминирования мужчин в политике, их нечувствительности к интересам значительной части общества, представленной женщинами. Благодаря исследованиям И. И. Юкиной,

О. А. Хасбулатовой, Н. В. Новиковой, Е. И. Фалько, Н. Б. Гафизовой и их единомышленниц удалось показать, что женское движение имело в России много уровней и формирование новых женских идентичностей (через публичную активность, высшее образование, новые профессии и т. п.) было важным элементом российской модернизации (см., напр.: [Хасбулатова, Гафизова, 2003]).

Гендерно-чувствительные методы работы с источниками помогали историкам этой группы анализировать и понимать побудительные мотивы «равноправов» начала XX в. Из их публикаций следовало, что подавляющая масса представительниц средних городских слоев поддерживала либеральные женские организации потому, что они отвергали радикальные, революционно-ниспровергательские методы. Этим ученым важно было рассмотреть трансформации в экономике, политике и социальной сфере с точки зрения широты или узости возможностей именно для женщин, выявить через эти возможности механизмы и пути укрепления женских политических объединений, постепенного расширения свободы слова.

Важным для понимания феминизма и большевизма в России оказалось исследование воронежского историка Н. В. Мартыненко; в нем она доказала, что именно раскольническое поведение социал-демократок после первой русской революции 1905—1907 гг. на долгое время задержало создание Всероссийского женского союза как общероссийской внепартийной организации [Мартыненко, 2002]. Автор полагает, что деятельность феминисток почти не изменила положения женщин в обществе после революции 1905 г., поскольку Союз женского равноправия перестал существовать. Формально это было действительно так, но в реальности политическая активность мелких либеральных женских групп нарастала, что и позволило в 1908 г. собрать Первый Всероссийский женский съезд. Он подтвердил приобретение опыта организаторской деятельности, безусловным успехом которой стали события 1917 г. (получение женщинами России избирательных прав).

Мозаика лиц и образов русских революционерок стала пополняться именами незаслуженно забытых или подвергавшихся насмешкам. Среди них одна из основательниц партии эсеров Е. К. Брешко-Брешковская. Ее жизни и деятельности посвящены статьи М. В. Фёдорова и М. В. Рабжаевой [Фёдоров, 2000; Рабжаева, 2000] и диссертация Ю. В. Иванишкиной [Иванишкина, 2006]. Впервые в нашей историографии были проанализированы причины того, почему эта «бабушка русской революции» энергично поддержала А. Ф. Керенского и Временное правительство и была не согласна с методами борьбы большевиков. Для женской истории важен был и тот факт, что Е. К. Брешко-Брешковская — как представительница партии эсеров — принимала участие в работе Государственного совещания в августе 1917 г., а в эмиграции продолжала пророссийскую (но не пробольшевистскую) политическую деятельность.

Другой, несколько неожиданной фигурой, привлечшей внимание молодого историка А. А. Колточихиной, оказалась либеральная народница писательница Е. П. Леткова-Султанова. Исследовательницу заинтересовал вклад этой женщины в «практический феминизм», когда «женщины не спорили на политических дебатах, но своей практической деятельностью стремились добиться равноправия с мужчинами». Показательно, что вслед за своей героиней, автор уви-

дела среди причин женской социальной активности в начале прошлого века «отсутствие семьи, непонимание родных и близких, неудачный брак». Похоже, подобные стереотипы помогают современным традиционалистам пропагандировать старые патриархатные взгляды о мифической женской сущности, которая якобы была утрачена многими защитницами женского равноправия [Колточихина, 2015: 5, 137, 161].

С такой постановкой вопроса и такой оценкой русского феминизма не согласны не только историки-гендерологи феминистской ориентации, но и те из социологов и философов, кто в 2000-х гг. скрупулезно изучал труды теоретиков российского феминизма — М. Трубниковой, А. Философовой, М. Цебриковой, О. Шапир [Ельникова, 2004; Сазонова, 2004]. Эти авторы выявили основные тематические блоки, формировавшие структуру пропаганды женского равноправия, показали, как создавалась сеть коллективной взаимопомощи для женщин, отважившихся отстаивать свои права, доказали своими диссертациями, что лидеры женского либерального движения в России начала XX в. сделали все от них зависящее для дальнейшей разработки теории эмансипации в ее западном понимании, для обоснования прав женщин на личностную состоятельность вне рамок мужской культуры.

С новых позиций писались в последние годы и диссертации о большевиках и их понимании «женского вопроса». Из блистательного исследования И. В. Алферовой «“Женский вопрос” в теории и практике большевизма» читатель с изумлением мог узнать, что до 1913 г. партия социал-демократов вообще не занималась пропагандой на женскую аудиторию в силу отрицания большевиками самостоятельного женского движения за свои права [Алферова, 2011]. Однако И. В. Алферова доказала, что в конце 1913 г. В. И. Ленин, заметив популярность «Правды» и «Вопросов страхования», пришел к выводу о необходимости специальной пропаганды среди женского пролетариата и выдвинул идею создания политического женского журнала «Работница», чье содержание строилось бы таким образом, чтобы у читательниц не было сомнений в том, какая из фракций российских социал-демократов защищает их интересы. Анализируя агитационные материалы, И. В. Алферова пришла к выводу, что большевики делали все возможное, чтобы не допустить растущего влияния феминистских организаций, а для победы в соперничестве с ними попросту заимствовали у них популярные лозунги. Охрана женского труда, организация семейного быта, воспитание детей, женское образование — все эти темы были взяты большевиками у феминисток и включены в свои программные обещания. Особую популярность у женщин обеспечивали лозунги с требованиями прекращения войны, ликвидации дороговизны и безработицы. Добившись же прихода к власти и относительной политической стабильности, выяснила И. В. Алферова, большевики утратили интерес к работе среди женской части населения, прекратили выпуск журнала «Работница» в январе 1918 г., а число женщин на ключевых государственных постах сократили до минимума.

Подводя итоги обзору публикаций по женской истории России начала XX в., нужно с сожалением констатировать, что обращение с женской историей как с чем-то иллюстративным, дополнительным по отношению к истории «большой», традиционной и «мужской» все еще не пережиток прошлого.

Без кардинальной смены инструментария и исследовательской «оптики», без умения оперировать аналитическими приемами гендерологов феминистской ориентации новой истории женщин России не написать, а местом статей, диссертаций и публикаций по гендерной тематике будут оставаться лишь «задворки» исторической науки [Юкина, 2003: 24]. Современные же россиянки, чей уровень жизни и жизненных стандартов далек от западноевропейского и американского, работающие в плохо оплачиваемых секторах экономики, сами не сформируют социального запроса на иное видение их собственной истории. В их умах зачастую господствуют старые представления о должном и требуемом, а массмедиа навязывают им консервативные взгляды на традицию и семейные ценности.

Вот почему представительницы феминистского направления российской исторической науки, сформировавшегося в «гендерные 90-е», выполняют особую историческую и социальную миссию. Именно им суждено своей скрупулезностью и научной смелостью в постановке новых проблем продолжать нести читательницам слово правды и справедливости.

Библиографический список

- Абакумова В. И.* Октябрьская революция и раскрепощение женщин. Л.: О-во по распространению полит. и науч. знаний РСФСР, Ленингр. отд-ние, 1958. 40 с.
- Айвазова С. Г.* Женское движение в России: традиции и современность // *Общественные науки и современность*. 1995. № 2. С. 121—130.
- Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия: очерки политической теории истории. М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
- Алферова И. В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма: (первое десятилетие советской власти, 1917—1927 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 496 с.
- Аракелова М. П., Басистая П. П.* Женщины России: опыт истории. М.: Звездапад, 2000. 154 с.
- Астрахан Х. М.* О женском батальоне, защищавшем Зимний дворец // *История СССР*. 1965. № 5. С. 93—97.
- Барулина А. Т.* Из истории борьбы партийных организаций Петрограда и Москвы за женские пролетарские массы в 1917 году // *Вестник Московского государственного университета*. Серия 9, История. 1962. № 5. С. 57—69.
- Бильшай-Пилипенко В. Л.* Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М.: Юриздат, 1948. 63 с.
- Бочкарёва Е., Любимова С.* Светлый путь: Коммунистическая партия Советского Союза — борец за свободу, равноправие и счастье женщины. М.: Политиздат, 1967. 198 с.
- Будницкий О.* Терроризм и террористы // *Знание — сила*. 2005. № 1. С. 28—29.
- Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.
- Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. М.: Наука, 1970. 1008 с.
- Буренин Н. Е.* Люди большевистского подполья. М.: Госполитиздат, 1958. 79 с.
- Василенко А.* Апокалипсис терроризма // *Молодая гвардия*. 1994. № 2. С. 159—165.
- Васильев М. В.* 1-й Петроградский женский батальон в событиях 1917 года // *Великая, Священная, Отечественная: Россия в Первой мировой: материалы конференции*. Калининград: Рос. воен.-ист. о-во, 2014.

- Вахромеева О. Б.* Женщины в системе трудовых ресурсов в России на рубеже XIX—XX вв. СПб.: Знаменитые университеты, 2009. 248 с.
- Вацурина З. П.* Исторический опыт привлечения женщин на военную службу в отечественные Вооруженные силы в XX веке: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 275 с.
- Велецкая Н. А.* Партия в борьбе за женские пролетарские массы // *Борьба большевистской партии за создание политической армии социалистической революции* (март — октябрь 1917 г.). М.: Профиздат, 1967. С. 296—340.
- Ветринская И., Огинский Р.* Истоки и смысл русского феминизма // *Семья и школа*. 1999. № 5—6. С. 21—23.
- Воронезцев А. В.* Земская интеллигенция Саратовской губернии в годы первой русской революции // *Четыре века: сборник статей*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 68—85.
- Ворошилова С. В.* Правовое положение женщин в России в XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. 406 с.
- Гаврюшин С. И.* Организационное устройство и деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии, 1797—1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 177 с.
- Галиуллина Г. Р.* Женский вопрос в России: региональный аспект (1900—1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995.
- Гафизова Н. Б.* Борьба против торга женщинами: опыт Российского общества защиты женщин // *Женщины России на рубеже XX—XXI веков*. Иваново: Юнона, 1998. С. 36—45.
- Грицаева А. Н.* Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 289 с.
- Гришина З. В.* Союз равноправности женщин (1905—1908) // *Проблемы истории СССР*. М.: Изд-во МГУ, 1977. Т. 6. С. 255—272.
- Добрынина А. М.* Неполитические общественные организации Владимирской губернии в 1860-х — феврале 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2000. 268 с.
- Ельникова Г. А.* Духовные и социокультурные основания российского феминизма: дис. ... д-ра социол. наук. Белгород, 2004. 436 с.
- Еникеев Э. А.* Большевики и учащая молодежь Казани. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 87 с.
- Женщины в революции* / сост. А. В. Артюхина, А. И. Вакурова, А. И. Нухрат, Е. А. Попова. М.: Госполитиздат, 1959. 470 с.
- Женщины в социальной истории России: сборник научных трудов*. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. 115 с.
- Женщины русской революции* / сост. Л. Жак, А. Иткина. М.: Политиздат, 1968. 592 с.
- Жукова Ю.* Первая женская организация в России: (женское патриотическое общество в Петербурге в период 1812—1826 гг.) // *Все люди — сестры*. 1996. № 4. С. 38—56.
- Закута О.* Как в революционное время Всероссийская лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин / публ. И. И. Юкиной // *Женщины в социальной истории России*. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. С. 97—105.
- Иванишкина Ю. В.* Е. К. Брешко-Брешковская: общественно-политические взгляды и деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 32 с.
- Игумнова З. П.* Женщины Москвы в годы Гражданской войны. М.: Моск. рабочий, 1958. 92 с.
- Ионов И. Н.* Женщины и власть в России: история и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 75—87.
- Коваленко Н. В.* Женские общественные движения в России: гендерный подход: дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2002. 212 с.

- Козловцева Е. Н.* Московские общины сестер милосердия во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 22 с.
- Коллонтай А. М.* Социальные основы женского вопроса. СПб.: Кн. по требованию, 1909. 431 с.
- Колточихина А. А. Е. П. Леткова-Султанова: общественно-политическая и литературная деятельность (1856—1937): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 24 с.*
- Крадецкая С. В.* Гражданская идентичность феминисток в России в начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 32 с.
- Кулик В. Н.* К истории женских общественных организаций 1917 г. // Общественные организации в политической системе России, 1917—1918 гг.: материалы конференции. М.; Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. С. 72—80.
- Кулик В. Н.* Российские женщины в 1917 году // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М.: Дрофа, 1997.
- Кулик В. Н.* Пути общественного служения женщин пореформенной России // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002.
- Куприна И. В.* Феминистское движение в России во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 147 с.
- Леонов М. И.* Эсеры и крестьянство Среднего Поволжья в революции 1905—1907 гг. // Классовая борьба в Поволжье в революции 1905—1907 гг. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1985. С. 50—68.
- Литовская О.* Первые русские феминистки // Женщина и российское общество: научно-исторический аспект: межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1995. С. 90—99.
- Любимова С. Т.* В первые годы. М.: Госполитиздат, 1958. 79 с.
- Любимова С. Т.* Октябрьская революция и положение женщин в СССР. М.: Знание, 1967. 32 с.
- Максименков Л.* Гостайна века // Огонек. 2017. № 1—2 (5449). С. 16—19.
- Мартыненко Н. К.* Женское движение в России во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 241 с.
- Мельниченко В. Е.* «Я тебя очень любила...»: (правда о Ленине и Арманд). М.: Воскресенье, 2002. 415 с.
- Мкртчян А.* «Не убий»: очерк истории индивидуального террора в России // Народный депутат. 1991. № 17. С. 122—127.
- Москалева М. Ю.* Общественная демократическая мысль и ее влияние на развитие женского движения в России, 1880—1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2002. 268 с.
- «Мы были тогда молодыми коммунистами»: воспоминание группы женщин-активисток // За власть Советов: воспоминания участников революционных событий 1917 г. в Саратовской губернии. Саратов: Сарат. кн. изд-во, 1957.
- Неволина В. С., Орлова В. П.* О международной женской социалистической конференции в 1915 г.: документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Исторический архив. 1960. № 4. С. 106—125.
- Овруцкий Л. М., Разгон А. И.* О чем молчат учебники // Родина. 1989. № 12.
- Орлова Н.* Партия большевиков — организатор пролетарского женского движения в России (1907 — 1914): дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
- Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 271 с.
- Подляцук П. И.* Товарищ Инесса: документальная повесть. М.: Политиздат, 1963. 248 с.

- Политические деятели России, 1917: биографический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 1993. 432 с.
- Постернак А. В.* Очерки по истории общин сестер милосердия. М.: Свято-Димитриев. уч-ще сестер милосердия, 2001. 252 с.
- Протасов Л. Г.* Женщина на выборах во Всероссийское Учредительное собрание // Революция и человек: социально-психологический аспект. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. С. 63—165.
- Пушкарева Н. Л.* У истоков русского феминизма: сходства и отличия России и Запада // Российские женщины и европейская культура. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2002. С. 79—86.
- Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П.* Из истории призрения семей нижних чинов запаса в годы войн начала XX в. // Нужда и порядок: история социальной работы в России / отв. ред. Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов. Саратов: Науч. кн.: Центр соц. политики и гендер. исслед., 2005. С. 204—229.
- Рабжаева М.* Женская эмансипация как опыт конструирования гендера // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 172—189.
- Сазонова Л. А.* Философско-мировоззренческие основания теории и практики женского нонконформизма в контексте формирования русской ментальности: дис. ... канд. филос. наук. Владивосток, 2004. 164 с.
- Сенин А. С.* Женские батальоны и военные команды в 1917 г. // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 176—182.
- Сердитова С. Н.* Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903 — февраль 1917). М.: Госполитиздат, 1959. 135 с.
- Сигалов А. А.* Женский вопрос в программах и деятельности политических партий 1900—1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- Славные большевички. М.: Госполитиздат, 1958. 324 с.
- Соколов Б. В.* Любовь вождя: Крупская и Арманд. М.: Аст-Пресс, 2004. 378 с.
- Строкова И. Х.* Женщины Самарской губернии в первой русской революции // Большевицкие организации Поволжья в революции 1905—1907 гг. / под ред. В. А. Степанова и др. Куйбышев: Куйбышев. гос. ун-т, 1977. С. 85—94.
- Темкина А. А.* Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради. СПб.: С.-Петербург. филиал Ин-та социологии РАН, 1997. Вып. 1. С. 60—75.
- Точёный Д. С., Точёная И. Г.* Фея симбирского просвещения // Исторические портреты, очерки и фельетоны. Ульяновск: Ульянов. гос. ун-т, 2001. С. 133—140.
- Ульянова Г. Н.* Благотворительность московских предпринимателей, 1860—1914. М.: Моск. об-ние архивов, 1999. 512 с.
- Успенская В. И.* По дороге к гендерному равенству: краткая хронология женского движения // Женщины. История. Общество. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 2002.
- Фёдоров М. В. Е. К.* Брешко-Брешковская и газета «Воля народа» // Женщина в массовой коммуникации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 12—14.
- Хасбулатова О. А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 135 с.
- Хасбулатова О. А.* Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 42 с.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б.* Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX века). Иваново: Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
- Хасбулатова О. А., Правкина И. А.* Традиции женского движения в России: история и современность // Женщина в российском обществе. 1997. № 1. С. 14—21.
- Шур А.* У террора женское лицо? // Родина. 1998. № 3. С. 73—78.

- Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины (XVIII — начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 489 с.
- Юкина И. И. Новая история женщин России // История женского движения и феминизма в России (1850-е — 1920-е годы). СПб.: Алетейя, 2003. С. 5—25.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- Юкина И. И., Гусева Ю. Е. Женский Петербург. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.

References

- Abakumova, V. I. (1958) *Oktiabr'skaia revoliutsiia i raskreposhchenie zhenshchin* [The October Revolution and the emancipation of women], Leningrad: Obshchestvo po rasprostraneniuiu politicheskikh i nauchnykh znaniĭ RSFSR.
- Aivazova, S. G. (1995) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii: traditsii i sovremennost'* [Women's movement in Russia: traditions and the present], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 121—130.
- Aivazova, S. G. (1998) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia: Ocherki politicheskoi teorii istorii* [Russian women in the labyrinth of equality: Essays on the political theory of history], Moscow: RIK Rusanova.
- Alferova, I. V. (2011) "*Zhenskiĭ vopros*" v teorii i praktike bol'shevizma: (Pervoe desiatiletie sovetской vlasti, 1917—1927 gg.): Dis. ... d-ra ist. nauk ["The women's question" in the theory and practice of bolshevism, 1917—1927: Diss. (Dr. Sc.)], St. Petersburg.
- Arakelova, M. P., Basistaia, P. P. (2000) *Zhenshchiny Rossii: opyt istorii* [Women of Russia: experience of history], Moscow: Zvezdopad.
- Astrakhan, Kh. M. (1965) O zhenskom batal'one, zashchishchavshem Zimniĭ dvorets [About the women's battalion defending the Winter Palace], *Istoriia SSSR*, no. 5, pp. 93—97.
- Barulina, A. T. (1962) Iz istorii bor'by partiinykh organizatsii Petrograda i Moskvy za zhenske proletarskie massy v 1917 godu [From the history of the struggle of the Party organizations of Petrograd and Moscow for the women's proletarian masses in 1917], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, serii 9, Istoriia, no. 5, pp. 57—69.
- Bil'shaĭ-Pilipenko, V. L. (1948) *Sovetskaia demokratiia i ravnopravie zhenshchin v SSSR* [Soviet democracy and the equality of women in the USSR], Moscow: Iurizdat.
- Bochkarĕva, E., Liubimova, S. (1967) *Svetlyĭ put': Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuza — borets za svobodu, ravnopravie i schast'e zhenshchiny* [Bright way: The Communist Party of the Soviet Union is a fighter for freedom, equality and happiness for women], Moscow: Politizdat.
- Budnitskiĭ, O. (2005) *Terrorizm i terroristy* [Terrorism and terrorists], *Znanie — sila*, no. 1, pp. 28—29.
- Buldaikov, V. P. (2010) *Krasnaia smuta: Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia* [The red troubles: The nature and consequences of revolutionary violence], Moscow: ROSSPĖN.
- Burdzhalov, E. N. (1970) *Vtoraia russkaia revoliutsiia* [The Second Russian Revolution], Moscow: Nauka.
- Burenin, N. E. (1958) *Liudi bol'shevistskogo podpol'ia* [People of the Bolshevik underground], Moscow: Gospolitizdat.
- Dobrynina, A. M. (2000) *Nepoliticheskie obshchestvennye organizatsii Vladimirskoi gubernii v 1860-kh — fevrale 1917 g.*: Dis. ... kand. ist. nauk [Non-political public organizations of the Vladimir province in 1860 — February 1917: Diss. (Cand. Sc.)], Ivanovo.

- El'nikova, G. A. (2004) *Dukhovnye i sotsiokul'turnye osnovaniia rossiiskogo feminizma*: Dis. ... d-ra sotsiol. nauk [Spiritual and sociocultural foundations of Russian feminism: Diss. (Dr. Sc.)], Belgorod.
- Enikeev, È. A. (1990) *Bol'sheviki i uchashchaisia molodëzh' Kazani* [Bolsheviks and pupils of the Kazan' youth], Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Fëdorov, M. V. (2000) E. K. Breshko-Breshkovskaia i gazeta "Volia naroda" [E. K. Breshko-Breshkovskaia and the newspaper of "The freedom of the people"], in: *Zhenshchina v massovoi kommunikatsii*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 12—14.
- Gafizova, N. B. (1998) Bor'ba protiv torga zhenshchinami: opyt Rossiiskogo obshchestva zashchity zhenshchin [The struggle against bargaining by women: the experience of the Russian Society for the Protection of Women], in: *Zhenshchiny Rossii na rubezhe XX—XXI vekov*, Ivanovo: Iunona, pp. 36—45.
- Galiullina, G. R. (1995) *Zhenskiĭ vopros v Rossii: regional'nyi aspekt (1900—1917 gg.)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Women's issue in Russia: the regional dimension (1900—1917): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Kazan'.
- Gavriushin, S. I. (2002) *Organizatsionnoe ustroĭstvo i deiatel'nost' Vedomstva uchrezhdeniĭ imperatritsy Marii, 1797—1917 gg.*: Dis. ... kand. ist. nauk [Organizational structure and activity of the Department of the Empress Mariia, 1797—1917: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Grishina, Z. V. (1977) Soiuz ravnopravnosti zhenshchin (1905—1908) [Union of Equal Rights for Women (1905—1908)], in: *Problemy istorii SSSR*, Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 6, pp. 255—272.
- Gritsaeva, A. N. (2008) *Blagotvoritel'nost' v Rossii v gody Pervoĭ mirovoi voĭny (1914 — fevral' 1917 g.): opyt pomoshchi postradavshim ot voennykh deĭstviĭ*: Dis. ... kand. ist. nauk [Charity in Russia during the First World War (1914 — February 1917): experience of assistance to victims of military action: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Igumnova, Z. P. (1958) *Zhenshchiny Moskvy v gody Grazhdanskoĭ voĭny* [Women of Moscow during the Civil War], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Ionov, I. N. (2000) Zhenshchiny i vlast' v Rossii: istoriia i perspektivy [Women and power in Russia: history and prospects], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 75—87.
- Iukina, I. I. (2003) Novaia istoriia zhenshchin Rossii [A new history of women in Russia], in: *Istoriia zhenskogo dvizheniia i feminizma v Rossii (1850-e — 1920-e gody)*, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 5—25.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkiĭ feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Iukina, I. I., Guseva, Iu. E. (2004) *Zhenskiĭ Peterburg* [Female Petersburg], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Ivanishkina, Iu. V. (2006) *E. K. Breshko-Breshkovskaia: obshchestvenno-politicheskie vzgliady i deiatel'nost'*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [E. K. Breshko-Breshkovskaia: socio-political views and activities: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Khasbulatova, O. A. (1994) *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii (1860—1917)* [Experience and traditions of the women's movement in Russia], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A. (1995) *Sotsial'no-istoricheskiĭ opyt i traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii*: Avtoref. ... dis. d-ra ist. nauk [Social and historical experience and traditions of the women's movement in Russia: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Moscow.
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [Women's movement in Russia (second half of the XIX — early XX century)], Ivanovo: Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

- Khasbulatova, O. A., Pravkina, I. A. (1997) Traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii: istoriia i sovremennost' [Traditions of the women's movement in Russia: history and modernity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 14—21.
- Kollontaï, A. M. (1909) *Sotsial'nye osnovy zhenskogo voprosa* [Social foundations of the women's issue], St. Petersburg: Kniga po trebovaniuu.
- Koltochikhina, A. A. (2015) *E. P. Letkova-Sultanova: obshchestvenno-politicheskaia i literaturnaia deiatel'nost' (1856—1937)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [E. P. Letkova-Sultanova: socio-political and literary activity: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Kovalenko, N. V. (2002) *Zhenskie obshchestvennye dvizheniia v Rossii: gendernyi podkhod*: Dis. ... kand. sotsiol. nauk [Female social movements in Russia: a gender approach: Diss. (Cand. Sc.)], Volgograd.
- Kozlovitseva, E. N. (2006) *Moskovskie obshchiny sestër miloserdiia vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Moscow communities of the Sister of Mercy in the second half of the XIX — early XX c.: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Kradetskaia, S. V. (2012) *Grazhdanskaia identichnost' feministok v Rossii v nachale XX v.*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Civic identity of feminists in Russia in the early XX c.: Synopsis of a thesis (Cand.Sc.)], Moscow.
- Kulik, V. N. (1992) K istorii zhenskikh obshchestvennykh organizatsii 1917 g. [To the history of women's social organizations of 1917], in: *Obshchestvennye organizatsii v politicheskoi sisteme Rossii 1917—1918 gg.*: Materialy konferentsii, Moscow, pp. 72—80.
- Kulik, V. N. (1997) Rossiiskie zhenshchiny v 1917 godu [Russian women in 1917], in: *Revoliutsiia i chelovek: Byt, nravy, povedenie, moral'*, Moscow: Drofa.
- Kulik, V. N. (2002) Puti obshchestvennogo sluzheniia zhenshchin poreformennoi Rossii [Ways of public service of women of post-reform Russia], in: *Zhenskie i gendernye issledovaniia v Tverskom gosudarstvennom universitete*, Tver': Tverskoï gosudarstvennyi universitet.
- Kuprina, I. V. (2000) *Feministское движение в России во второй половине XIX — начале XX в.*: Dis. ... kand. ist. nauk [Feminist movement in Russia in the second half of the XIX — early XX c.: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Leonov, M. I. (1985) Èsery i krest'ianstvo Srednego Povolzh'ia v revoliutsii 1905—1907 gg. [The Socialist revolutionaries and the peasantry of the Middle Volga Region in the Revolution of 1905—1907], in: *Klassovaia bor'ba v Povolzh'e v revoliutsii 1905—1907 gg.*, Kuibyshev: Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet, pp. 50—68.
- Litovskaia, O. (1995) Pervye russkie feministki [The first Russian feminists], in: *Zhenshchina i rossiiskoe obshchestvo: nauchno-istoricheskii aspekt*: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 90—99.
- Liubimova, S. T. (1958) *V pervye gody* [In the early years], Moscow: Gospolitizdat.
- Liubimova, S. T. (1967) *Oktiabr'skaia revoliutsiia i polozhenie zhenshchin v SSSR* [The October Revolution and the status of women in the USSR], Moscow: Znanie.
- Maksimov, L. (2017) Gostaïna veka [The state secret of the century], *Ogonëk*, no. 1—2 (5449), pp. 16—19.
- Martynenko, N. K. (2002) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.*: Dis. ... kand. ist. nauk [Women's movement in Russia in the second half of the XIX — early XX c.: Diss. (Cand. Sc.)], Voronezh.
- Mel'nichenko, V. (2002) *"Ja tebia ochen' lubila..."*: (*Pravda o Lenine i Armand*) ["I loved you very much": (The truth about Lenin and Armand)], Moscow: Voskresen'e.

- Mkrtichian, A. (1991) “Ne ubii”: Oчерk istorii individual’nogo terrora v Rossii [“Do not kill”: An essay on the history of individual terror in Russia], *Narodnyĭ deputat*, no. 17, pp. 122—127.
- Moskaleva, M. Iu. (2002) *Obshchestvennaia demokraticheskaia mysl’ i ee vliianie na razvitie zhenskogo dvizheniia v Rossii, 1880—1917*: Dis. ... kand. ist. nauk [Public democratic thought of Russia and its impact on the development of the women’s movement in Russia, 1880—1917: Diss. (Cand. Sc.)], Ivanovo.
- “My byli togda molodymi kommunistami”: vospominanie gruppy zhenshchin-aktivistok (1957) [“We were then young Communists”: Remembrance of a group of women activists], in: *Za vlast’ Sovetov: Vospominaniia uchastnikov revoliutsionnykh sobytii 1917 g. v Saratovskoi gubernii*, Saratov: Saratovskoe knizhnoe izdatel’stvo.
- Orlova, N. (1970) *Partiia bol’shevikov — organizator proletarskogo zhenskogo dvizheniia v Rossii (1907—1914)*: Dis. ... kand. ist. nauk [The Bolshevik Party is the organizer of the proletarian women’s movement in Russia (1907—1914): Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Ovrutskii, L. M., Razgon, A. I. (1989) O chem molchat uchebniki [What are the books silent about?], *Rodina*, no. 12.
- Pavliuchenko, E. A. (1988) *Zhenshchiny v russkom osvoboditel’nom dvizhenii ot Marii Volkonskoi do Very Figner* [Women in the Russian liberation movement from Maria Volkonskaya to Vera Figner], Moscow: Mysl’.
- Podliashchuk, P. I. (1963) *Tovarishch Inessa: Dokumental’naia povest’* [Comrade Inessa: A documentary novel], Moscow: Politizdat.
- Politicheskie deiateli Rossii, 1917*: Biograficheskiĭ slovar’ (1993) [Political figures of Russia, 1917: Biographical dictionary], Moscow: Bol’shaia rossiiskaia entsiklopediia.
- Posternak, A. V. (2001) *Oчерki po istorii obshchin sestër miloserdiia* [Essays on the history of common sisters of mercy], Moscow: Sviato-Dimitrievskoe uchilishche sestër miloserdiia.
- Protasov, L. G. (1996) Zhenshchina na vyborah vo Vserossiiskoe Uchreditel’noe sobranie [A woman at the elections to the All-Russian Constituent Assembly], in: *Revoliutsiia i chelovek: sotsial’no-psikhologicheskii aspekt*, Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 63—165.
- Pushkareva, N. L. (2002) U istokov russkogo feminizma: skhodstva i otlichii Rossii i Zapada [At the origins of Russian feminism: similarities and differences between Russia and the West], in: *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaia kul’tura*, St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 79—86.
- Pushkareva, N. L., Shcherbinin, P. P. (2005) Iz istorii prizreniia semeĭ nizhnikh chinov zapasa v gody voĭn nachala XX v. [From the history of charity of the families of the lower ranks of the reserve during the wars of the early XX c.], in: *Nuzhda i poriadok: Istoriia sotsial’noi raboty v Rossii*, Saratov: Nauchnaia kniga: Tsentr sotsial’noi politiki i gendernykh issledovaniĭ, pp. 204—229.
- Rabzhaeva, M. (2000) Zhenskaia emansipatsiia kak opyt konstruirovaniia gendera [Women’s emancipation as an experience in constructing gender], *Gendernye issledovaniia*, no. 5, pp. 172—189.
- Sazonova, L. A. (2004) *Filosofsko-mirovozzrencheskie osnovaniia teorii i praktiki zhenskogo nonkonformizma v kontekste formirovaniia rusскоi mental’nosti*: Dis. ... kand. filos. nauk [Philosophical and ideological foundations of the theory and practice of female nonconformism in the context of the formation of the Russian mentality: Diss. (Cand. Sc.)], Vladivostok.
- Senin, A. C. (1987) Zhenskie batal’ony i voennye komandy v 1917 g. [Women’s battalions and military teams in 1917], *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 176—182.

- Serditova, S. N. (1959) *Bol'sheviki v bor'be za zhenskie proletarskie massy (1903 — fevral' 1917)* [The Bolsheviks in the struggle for the women's proletarian masses (1903 — February 1917)], Moscow: Gospolizdat.
- Shcherbinin, P. P. (2005) *Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoï zhenshchiny (XVIII — nachalo XX v.)*: Dis. ... d-ra ist. nauk [Military factor in the everyday life of Russian women (XVIII — early XX c.): Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.
- Shur, A. (1998) U terrora zhenskoe litso? [Have a woman's face a terror?], *Rodina*, no. 3, pp. 73—78.
- Sigalov, A. A. (1997) *Zhenskiï vopros v programmakh i deiatel'nosti politicheskikh partiï 1900—1914 gg.*: Dis. ... kand. ist. nauk [The women's question in programmes and activity of political parties in 1900—1914: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Slavnye bol'shevichki* (1958) [Glorious Bolsheviks], Moscow: Gospolizdat.
- Sokolov, B. V. (2004) *Liubov' vozhdia: Krupskaiia i Armand* [Leader's love: Krupskaya and Armand], Moscow: Ast-Press.
- Strokova, I. Kh. (1977) *Zhenshchiny Samarskoï gubernii v pervoi russkoï revoliutsii* [Women of the Samara province in the first Russian revolution], in: Stepanov, V. A., et al. (eds), *Bol'shevistskie organizatsii Povolzh'ia v revoliutsii 1905—1907 gg.*, Kuibyshev: Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet, pp. 85—94.
- Temkina, A. A. (1997) *Zhenskoe dvizhenie kak obshchestvennoe dvizhenie: istoriia i teoriia* [Women's movement as a liberation movement: theory and practice], in: *Gendernye traditsii*, St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii filial Instituta sotsiologii RAN, vypusk 1, pp. 60—75.
- Tochënyi, D. S., Tochënaia, I. G. (2001) *Feia simbirskogo prosveshcheniia* [Fairy of the Simbirsk education], in: *Istoricheskie portrety, ocherki i fel'etony*, Ul'ianovsk: Ul'ianovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 133—140.
- Ul'ianova, G. N. (1999) *Blagotvoritel'nost' moskovskikh predprinimatelei, 1860—1914* [Charity of Moscow businessmen, 1860—1914], Moscow: Moskovskoe ob'edinenie arkhivov.
- Uspenskaia, V. I. (2002) *Po doroge k gendernomu ravenstvu: kratkaia khronologiia zhenskogo dvizheniia* [On the road to gender equality: a brief chronology of the women's movement], in: *Zhenshchiny. Istoriia. Obshchestvo*, Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo.
- Vakhromeeva, O. B. (2009) *Zhenshchiny v sisteme trudovykh resursov v Rossii na rubezhe XIX—XX vekov* [Women in the system of labor resources in Russia at the turn of the XIX—XX centuries], St. Petersburg: Znamenitye universitety.
- Vashurina, Z. P. (2004) *Istoricheskiï opyt privlecheniia zhenshchin na voennuiu sluzhbu v otechestvennye Vooruzhënnnye sily v XX veke*: Dis. ... kand. ist. nauk [Historical experience of involving women in military service in the Armed Forces in the XX century: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Vasilenko, A. (1994) *Apokalipsis terrorizma* [Apocalypse of terrorism], *Molodaia gvardiia*, no. 2, pp. 159—165.
- Vasil'ev, M. V. (2014) *Pervyi Petrogradskii zhenskiï batal'on v sobytiakh 1917 goda* [The first Petrograd women's battalion in the events of 1917], in: *Velikaia, Sviashchennaia, Otechestvennaia: Rossiia v Pervoi mirovoi*: Materialy konferentsii, Kaliningrad: Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo.
- Veletskaiia, N. A. (1967) *Partiia v bor'be za zhenskie proletarskie massy* [The party in the struggle for the women's proletarian masses], in: *Bor'ba bol'shevistskoï partii za sozdanie politicheskoi armii sotsialisticheskoi revoliutsii (mart — oktiabr' 1917 g.)*, Moscow: Profizdat, pp. 296—340.

- Vetrinskaia, I., Oginskiĭ, R. (1999) Istoki i smysl russkogo feminizma [The origins and meaning of Russian feminism], *Sem'ia i shkola*, no. 5—6, pp. 21—23.
- Voronezhtsev, A. V. (1991) Zemskaja intelligentsiia Saratovskoi gubernii v gody pervoi russkoi revoliutsii [Zemstvo intelligentsia of the Saratov province in the years of the first Russian revolution], in: *Chetyre veka: sbornik stateĭ*, Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, pp. 68—85.
- Voroshilova, S. V. (2011) *Pravovoe polozenie zhenshchin v Rossii v XIX — nachale XX veka: Dis. ... kand. ist. nauk* [The legal status of women in Russia in the XIX — early XX century (Cand. Sc.)], Saratov.
- Zakuta, O. (1997) Kak v revoliutsionnoe vremia Vserossiiskaia liga ravnopraviiia zhenshchin dobilas' izbiratel'nykh prav dlia russkikh zhenshchin [How in the revolutionary time did the All-Russian League for the Equality of Women achieve electoral rights for Russian women], in: *Zhenshchiny v sotsial'noi istorii Rossii*, Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, pp. 97—105.
- Zhenshchiny russkoi revoliutsii* (1968) [Women of the Russian revolution], Moscow: Politizdat.
- Zhenshchiny v revoliutsii* (1959) [Women in the Revolution], Moscow: Gospolitizdat.
- Zhenshchiny v sotsial'noi istorii Rossii: Sbornik nauchnykh trudov* (1997) [Women in the social history of Russia], Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet.
- Zhukova, Iu. (1996) *Pervaia zhenskaia organizatsiia v Rossii: (Zhenskoe patrioticheskoe obshchestvo v Peterburge v period 1812—1826 gg.)* [The first women's organization in Russia: (Women's patriotic society in St. Petersburg in the period 1812—1826)], *Vse liudi — sestry*, no. 4, pp. 38—56.

Статья поступила 13.02.2017 г.

НЕПОСЛУШНЫЕ ЖЕНЩИНЫ
И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.*

Показано, как в России начала XX в. окрепло и заявило о себе суфражистское движение, являвшееся частью общего революционного потока. Сделан обзор основных событий первых месяцев Великой русской революции, которую по согласованному признанию в российской и зарубежной историографии начали женщины в День женской солидарности (8 марта было 23 февраля по старому стилю). Но плодами революционных событий их участницы смогли воспользоваться лишь месяц спустя, развернув 40-тысячную демонстрацию с требованием предоставления женщинам избирательных прав. Добившись согласия председателя Временного правительства подписать соответствующий документ, женщины России сделали огромный прорыв, дали пример многим участницам суфражистского движения в других странах.

Обобщение данных о том, как осуществлялось включение женщин в общественную жизнь в 1917 г., путем изучения женского участия в демонстрациях, проходивших под политическими лозунгами не только весной того года, но и позже, анализ различных форм женской активности и борьбы за право принимать участие во всех значимых событиях года расширяют понимание этой революционной эпохи.

Ключевые слова: женская история, феминизм, женское движение, суфражизм, историография, Россия в 1917 г.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.3

**R. Ruthchild. Misbehaving women
and the Russian revolutions of 1917**

This text aims to reflect on the specific history of women's participation and women's agency in political events in Russia in 1917. The main goal was to investigate the problem of the origins of invisibility of gender issues in Russian revolutionary history and to fill the white spots. Synthesizing several decades of scholarship by historians East and West, Rochelle Ruthchild traces the major developments in the history of women struggle for suffrage in Russia and their impact on the history of the nation. She tries to underline that twenty-five years after the collapse of the Soviet Union, the Russian historical narrative too often

© Ратчайлд Р., 2017

© Пушкарева Н. Л., перевод на русский язык, 2017

Ратчайлд Рошель — профессор Гарвардского университета, ассоциированный член Центра Дэвиса по изучению России и Евразии, г. Бостон, США, ruthchil@yahoo.com (Professor at Harvard University, Associate Member of the Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Boston, USA).

* Сокращенный вариант материала из книги: *Ruthchild R. Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905—1917*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010.

remains unchallenged. Links between the events of February 1917, when Petrograd women took to the streets on International Women's Day to spark the revolution, the March 19 suffrage demonstration, the creation of the Women's Battalion, the July electoral law that granted full democratic rights to Russian women and the Constituent Assembly elections remain unexplored. She shows that women's suffrage was indeed one of the "forgotten" (in Russian historiography) achievements of the Provisional Government. And the result of the suffrage victory, in author's opinion, was that Lenin and the Bolsheviks gained control of a state in which women already had an experience of formally performing citizenship, through voting.

Integrating information about women's entry into the public sphere in 1917, through study of their participation in demonstrations, marches with a political purpose, the various forms of female activism in Spring 1917 and after, and the battle for women's suffrage, enhances the understanding of the revolutionary year in relation to questions of citizenship, democratic reform, and conceptions of gender and female agency.

Key words: women's history, feminism, women's movement, suffragism, scholarship, Russia in 1917.

1917-й — самый изученный год в истории России XX в. Тем не менее за небольшими исключениями в рассказах об этом революционном годе звучат по большей части мужские голоса: несмотря на успехи, достигнутые учеными, занимающимися женской историей, вопрос о роли женщин и гендера в самых важных событиях России 1917 г. по-прежнему малоисследован и слишком заметно зависит от традиционных (по сути же — советских еще) стереотипов.

Признание значения женщин и проблем пола — это не вопрос политкорректности. Это вопрос точности. Картина событий 1917 г. не полна без тех, кто составлял большинство населения России, без включения темы гендера в критически значимые события года. К тому же в женских и гендерных исследованиях, касающихся как всего позднеимперского времени, начала XX в., так и собственно 1917 г. и начала советского периода, достигнут очевидный прогресс. Но введение этих новых разработок в господствующий исторический нарратив все еще проблематично. Многое из произошедшего в 1917 г. достойно тщательного гендерного анализа — стремительное начало Февральской революции, демонстрация женщин с требованием предоставления избирательных прав 19 марта, создание женского батальона и выборы в Учредительное собрание. Эти события в случае применения анализа специалистом в области гендерных исследований по-иному освещают 1917 г.

Стремление российских женщин добиться права голоса, относительно быстрое достижение ими успеха — важная и недооцененная тема в изучении женской социальной и политической активности в тот революционный год. Она обогащает дискуссии о гражданском обществе и может повлиять на оценку политической отсталости России. Никакой сводный обзор о российских событиях 1917 г. не может считаться полным без упоминания о борьбе женщин за избирательные права и их получении. По сути, это была одна из наиболее масштабных демократических реформ XX в., сыгравшая роль объединяющего начала в революционном воодушевлении того времени.

Успешность борьбы женщин за право избирать и быть избранными коренится в характере российских оппозиционных движений. В середине XIX в. российские радикалы и инакомыслящие, в отличие от политических активистов множества других стран, сделали «женский вопрос» едва ли не главной проблемой общественных споров. Россия не была изолирована от Запада. Русские женщины участвовали в международных женских встречах, на которых обсуждались вопросы избирательного права, многие из этих участниц обучались в западноевропейских университетах. Их было столь много, что численность русских студенток иногда превосходила число местных. На протяжении более чем полувека женщины сохраняли заметное место в освободительном движении, и их долговременная включенность в общественные и политические события определила успех в борьбе за право голоса. Так что Временное правительство, а впоследствии и советские руководители не просто даровали женщинам право голоса — они ответили на требования демонстранток.

Международный женский день, Февральская революция и право женщин участвовать в голосовании

То, что Февральская революция началась в столице Российской империи Петрограде в Международный женский день (23 февраля по старому стилю соответствует 8 марта по новому), неоспоримо. Однако в дискуссиях о том, какова была в 1917 г. реальная роль женщин как социальной группы, связь между конкретными действиями — проявлениями женской социальной активности и борьбой женщин за свои права обычно преуменьшается. Рабочие и крестьянки, в соответствии с традиционным историописанием, в основном были озабочены экономическими потребностями. Если за женщинами и признается хоть какая-то роль в Февральской революции, то их изображают обычно как спонтанных участниц «хлебных бунтов», а не сознательных политических акторов. Сам факт того, что женские демонстрации, ставшие триггером Февральской революции, состоялись в День международной женской солидарности, считается менее важным, нежели то, что начатое женщинами поддержали рабочие-мужчины как революционный авангард.

Без понимания значимости Международного женского дня не разобраться в том, почему он сыграл столь важную роль в бурных событиях Февраля 1917 г. в Петрограде. Первый и единственный социалистический женский праздник был новым; впервые социалисты о нем заговорили 26 августа 1910 г. Именно тогда в поисках путей приобщения женщин к идеалам социализма ведущая деятельница международного движения К. Цеткин призвала к созданию «специального женского дня». А основной целью празднования должна была стать пропаганда борьбы женщин за право голоса. На Второй Международной конференции женщин-социалисток в Копенгагене К. Цеткин говорила о необходимости предоставления женщинам права принимать участие в выборах как о назревшей демократической реформе, проведение которой выгодно пролетариату. Она именовала этот праздник праздником всех женщин, а не только трудящихся (работниц), подчеркивая тем самым, что женщины — самостоятельная социальная категория.

Многие социалистические лидеры не сразу пришли к признанию необходимости борьбы за избирательные права женщин. Первоначально они враждебно

относились к этой цели общей борьбы, полагая, что данное требование является буржуазным. В 1908 г. А. Коллонтай заявила, что феминистская ориентация на борьбу за права и справедливость несовместима с ориентацией женщин-работниц на борьбу за корку хлеба, но со временем, заметив понятность цели борьбы за права женщинам-работницам, активистки социалистического движения пересмотрели отношение к вопросу об избирательном праве. Призыв отмечать Международный женский день — первый и единственный социалистический женский праздник — отражает факт этого пересмотра, а также признание того, что достижение равного с мужчинами права избирать и быть избранными в органы власти может считаться одной из ключевых задач и для женского пролетариата.

Впервые Международный женский день отмечался в России в 1913 г. Однако его празднование немедленно вызвало конфликт, поскольку активистки социалистического спектра заявили о том, что их праздник — особый: он есть повод к мобилизации женщин из среды рабочего класса к объединению со своими братьями в революционной борьбе. Так или иначе, но в 1917 г. Международный женский день праздновался не впервые и уже имел резонанс среди представительниц разрозненных секторов женского населения Петрограда. При этом нет никакого основания считать, что именно петроградские социалистические лидеры могли предположить, что празднование 8 Марта станет катализатором революции.

Зато тема женского «непослушания» явно присутствует в мемуаристике, записях нескольких мужчин-социалистов о начале революции. Весьма злобно на него пожаловался, говоря о вышедших на улицы 23 февраля, Л. Троцкий («Несмотря на все директивы, женщины на нескольких фабриках бастовали»). Большевик В. Каюров также утверждал, что еще накануне призвал работниц демонстрировать сдержанность и дисциплину, но они все же объявили забастовку. Подобные высказывания формировали образ женского «непослушания», «несоблюдения дисциплины», который соседствовал с образом «отсталости» — отсталой работницы, нуждающейся в помощи и наставничестве со стороны грамотных и просвещенных товарищей-мужчин. Международный женский день в 1917 г. был между тем отмечен лишь одним бюллетенем, распространенным в виде листовки, изданной Петербургским межрайонным комитетом РСДРП, и ставшим предметом многочисленных научных дискуссий. В начале этой листовки были провозглашены известные лозунги («Долой самодержавие!», «Да здравствует международная солидарность пролетариата!», «Да здравствует объединенная РСДРП!»). Далее же следовало некое разъяснение, неожиданно выстраивавшее иерархию: женщины, говорилось в тексте листка, только недавно стали частью семьи рабочих, а потому часто боятся и не знают, как следует предъявлять требования. Владельцы предприятий, утверждал автор листовки, эксплуатируют темноту и страхи женщин-работниц, которые должны участвовать в борьбе, начатой мужчинами. Таким образом, работниц заранее рисовали «отсталыми элементами» пролетариата, восприимчивыми к призывам не партийной, а гендерной солидарности, о которой пели сирены феминизма.

Подчеркивая озабоченность соблюдением революционной дисциплины женской частью пролетариата при наличии феминистской угрозы межклассовому единству, листовка межрайонного комитета РСДРП категорично отошла

от первоначальной идеи праздника объединения всех женщин социалистической ориентации. Тема классовой солидарности являлась в ней главной и никакого упоминания об избирательном праве не было. Название праздника «Международный женский день» трансформировалось в некий «День трудящихся женщин», «Женское 1 Мая» [Longley, 1989].

Э. Вуд точно подметила, что взгляд на женщин как на отстающие, импульсивные, ненадежные социальные элементы стал особенно очевиден после прихода большевиков к власти [Wood, 1997]. Но в самом начале развертывания Февральской революции, как это показали Ч. Четтерджи и И. И. Юкина, действия женщин прямо противоречили данному стереотипу. Женщины претворяли в жизнь свои революционные уроки даже более успешно, чем их товарищи-мужчины, часто были смелее, в то время как мужчины колебались, убеждая своих братьев-пролетариев прекращать работу и присоединяться к ним [Chatterjee, 2002; Юкина, 2007].

Незамеченная демонстрация

Демонстрация петроградских женщин 19 марта 1917 г., требовавших предоставления им избирательных прав, не упоминается ни в советском, ни в русском историописании. Если же о ней что-то и говорится, то содержание и сущность ее представлены устрашающе — как мероприятие «буржуазных феминисток». Фотографии этого марша часто используются для иллюстрации февральских событий, что совершенно неверно. Сами демонстрантки обычно бывают явлены как злобные непослушницы, вышедшие на улицы под влиянием неожиданного душевного порыва. Достаточно, однако, внимательно вчитаться в источники, чтобы убедиться, что история этого шествия может немало рассказать о женском политическом участии, немало добавить к спорам о том, насколько быстро складывалось в России гражданское общество, и о связи этой темы с темой предоставления женщинам избирательных прав, равно как и с темой мирового суфражистского движения.

После того как было свергнуто самодержавие и старое правительство, борьба за право голоса стала частью общих революционных демократических устремлений к реформированию, которому мешали как классовые, так и гендерные барьеры. Цель получения избирательных прав была созвучна интересам не только образованных женщин, интеллигенции, но также работниц и крестьянок. Сам факт требования распространить избирательные права на женщин говорит о том, насколько заметным стало женское политическое участие в революционных событиях для левых активистов столицы. Решимость женщин добиваться немедленного предоставления им избирательных прав перестала осуждаться как необоснованная прихоть представительниц привилегированного класса, что явилось признанным и закономерным последствием включения женщин в политическую борьбу, выхода на демонстрации, продвижения вперед революционных событий.

Пожалуй, требование предоставления женщинам избирательных прав было единственным в своем роде требованием, которое поддерживалось и женскими организациями, и организациями левых социал-демократов. А. Коллонтай усилила позиции последних тем, что добавила свой голос. Она утверждала,

что закрепление в законе равных прав мужчин и женщин, скорее всего, завершит революцию. Это суждение опубликовано ею в ее первой (после возвращения из ссылки) статье в «Правде» от 21 марта 1917 г. В ней А. Коллонтай, в частности, писала: «...разве не мы, женщины, вышли первыми на улицу... <...> Почему же теперь... закрадывается этот страх, что свобода, отвоеванная героическим пролетариатом обоого пола — солдатами и солдатками, может обойти половину населения освобожденной России?» [Коллонтай, 1917].

Неудовлетворенные тем, что Временное правительство повело себя неуверенно и не смогло быстро принять решение по вопросу о предоставлении женщинам избирательных прав, политические активистки развернули действительно масштабное выступление женщин 19 марта 1917 г. Среди тех, кто возглавил работу по его организации, П. Шишкина-Явейн, врач-гинеколог по профессии и президент Российской лиги равноправия женщин. В крупнейшей в истории страны женской демонстрации, участницы которой требовали предоставления женщинам равных прав, в том числе в политической сфере, приняли участие около 40 тыс. человек, свыше 90 женских организаций столицы. Шествие началось от городской думы на Невском проспекте, т. е. от самого центра города, откуда направилось в Государственную думу, к Таврическому дворцу. В начале колонны демонстранток ехала открытая машина, в ней стояли женские лидеры — П. Шишкина-Явейн и В. Фигнер.

Изучение истории этой демонстрации и ее последствий позволяет рассмотреть, как Временное правительство и Советы непротиворечиво сотрудничали в первые дни революции. Феминистки на тот момент были решительны и воинственны, позиции их были прочны. В общей неопределенности первых недель свершившейся революции возможностей противодействовать феминисткам как у лидеров Советов, так и у Временного правительства было мало, применение силы против женщин было немыслимым, нереальным.

В тех ранних событиях 1917 г. женщин как бы слышали, но солидаризироваться с ними не спешили. Однако 19 марта женщины-лидеры оказались уже вполне заметны, названы и столкнулись с влиятельными мужчинами на публичной демонстрации. В заметках, написанных членом женской лиги О. Закутой сразу после событий, можно найти подробную информацию о переговорах П. Шишкиной-Явейн с Временным правительством и руководством Советов [Закута, 2012]. Именно Шишкина-Явейн от имени тысяч демонстрантов заставила председателя Совета Н. С. Чхеидзе и председателя Думы М. В. Родзянко дать ответ на запрос о предоставлении женщинам права голоса и с согласия князя Г. Е. Львова, главы Временного правительства, добилась реализации этого запроса, т. е. получила положительный ответ лидеров и Временного правительства, и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Избирательный закон от 20 июня ратифицировал право российских женщин голосовать и баллотироваться на предстоящих выборах в Учредительное собрание [The Russian Provisional Government... , 1961: 455].

Почему в России лидеры Временного правительства капитулировали после одной лишь женской демонстрации, в то время как во многих развитых западных демократиях бесчисленные выборы в избирательные органы мало что определяли? Тут сыграли свою роль сразу несколько факторов. В России, в отличие

от более старых демократий, не было политиков, убежденно выступавших против предоставления женщинам избирательных прав. Ни Временное правительство, ни руководство Петросовета в этом замечены не были, и даже лидер кадетов П. Н. Милюков, изначально скептически относящийся к участию женщин в голосовании, давно изменил свою позицию. Поддержка идеи женского равноправия стала стандартом в документах социалистических и иных левых партий. Что же касается более консервативных членов правительства, вроде М. В. Родзянко, то и они были вынуждены в тех обстоятельствах признать, что предоставление избирательного права женщинам — неотъемлемая составляющая современного государства.

Женский батальон и гражданство

М. В. Родзянко, как и другие члены правительства, явно считал предоставление женщинам гражданских прав способом заручиться поддержкой женщин в вопросе об отношении к событиям на фронтах [Stoff, 2006: 74—76]. Действительно, многие лидеры женского движения, получив обещание предоставить женщинам всю полноту гражданских прав, сочли себя обязанными увязать свои требования и с военным вопросом. На встречах, организованных ими, вдохновленные данными правительством обещаниями, они обсуждали тему предоставления женщинам гражданских прав наравне с темой поддержки воюющих на фронтах. М. В. Родзянко, узнав в мае 1917-го о существовании М. Бочкарёвой, специально встретился с ней и попросил об агитации за «войну до победного конца» в войсках Петроградского гарнизона и среди делегатов съезда солдатских депутатов Петросовета [Edmondson, 2001: 160]. По сути, с этого взяло начало создание женского батальона. Идея не была нова ни для столичного общества, ни для военных кругов; ухудшающаяся военная обстановка и надежды, которые всколыхнула революция, лишь подтолкнули к ее осуществлению. Набор в женский батальон делал видимыми новые права и обязанности женщин как равноправных граждан. Создание батальона было способом аккумуляции средств на военные нужды, в том числе за рубежом, в странах-союзниках. Так, Э. Панкхерст, лидер британских женских организаций, поощряемая премьером Д. Ллойд-Джорджем, стараясь помочь укреплению позиций в борьбе за предоставление избирательных прав женщинам в своей стране и поддерживая русских женщин в стране-союзнице, посетила боевые рубежи, бараки русского женского батальона и присутствовала на вручении белого знамени батальона в Исаакиевском соборе Петрограда.

Выборы в Учредительное собрание и участие в них женщин

К вечеру 3 апреля, когда В. И. Ленин прибыл на Финляндский вокзал и сформулировал свои знаменитые «Апрельские тезисы», призывавшие большевиков не оказывать никакой поддержки Временному правительству и союзным с ним социалистам, избирательное право для русских женщин было уже почти законом. Шесть с половиной месяцев спустя В. И. Ленин и большевики захватили власть во второй и решающей русской революции 1917 г. По большому счету, ночь с 24 на 25 октября, когда большевики свергли Временное правительство,

может считаться завершением истории российской демократии, поскольку «при однопартийной системе право голоса политически мало значимо» [Вишняк, 1932: 83]. И все же установление однопартийной системы произошло не сразу. В начальный период после октябрьских событий направление развития революции было еще неясным. Полагаясь на мандат огромной популярности, Ленин разрешил провести выборы в Учредительное собрание, подготовка к которым началась 12 ноября 1917 г. и продолжалась большую часть этого месяца. Женщины, вышедшие на улицы в начале разворачивания революционных событий, сильно повлияли на их ход, но их политическая активность, по сути значимая для всей страны, имела место именно в столице. Право участвовать в голосовании касалось всех взрослых россиянок. Но, согласно стандартному выводу, женщины не слишком позаботились о том, чтобы их право было реализовано на практике. Правда, скрупулезные исследования тамбовского историка Л. Г. Протасова бросают вызов и этому расхожему убеждению [Протасов, 2001].

Выборы в Учредительное собрание стали первыми выборами, на которых русские женщины старше двадцати лет могли не только голосовать, но и баллотироваться сами, это были самые свободные выборы в российской истории с 1917 до 1991 г. В выборах приняло участие (как полагают Дж. К. Кордер и К. Уолбрехт) более 40 млн жителей страны. В отличие от США, где официальные и неофициальные расовые и классовые барьеры неоднократно влияли на итоги голосования, в многонациональной революционной России таких барьеров не было. Несмотря на то что страна в то время продолжала вести бои на фронтах, россияне пришли на выборы, и массовость их участия не сопоставима с картиной выборов в США — известной стране западной демократии, где первые общенациональные выборы, в которых принимали участие женщины, проводились в мирное время. Исследовавшие историю президентских выборов 1920 г. в США полагают, что женщины тогда составили примерно 37 % участников, мужчины — в среднем около 55 % [Enderlein, 2004: 139].

С феминистскими организациями и феминистскими журналами в конце 1917 г. расправились с большевистским триумфом, поскольку новое советское правительство запретило деятельность любых независимых групп, равно как и публикацию оппозиционных мнений. Оказавшиеся у кормила власти большевики заявили о своей победе в деле предоставления всем женщинам страны избирательных прав, изобразив это событие частью собственных усилий и закономерным итогом всей истории женского эмансипационного проекта, поспешив стереть и обесценить достижения российских феминисток.

Спустя двадцать пять лет после распада Советского Союза большевистский нарратив о событиях 1917 г. остается несправедливо бесспорным. Современным исследователям еще предстоит тщательно проанализировать связи между событиями Февраля, когда петроградские женщины вышли на улицы в Международный женский день и разожгли огонь революции, демонстрацией за предоставление женщинам избирательных прав 19 марта 1917 г., созданием женского батальона и летним постановлением правительства, ставшим избирательным законом. История закона, давшего женщинам полноту демократических прав, равно как история выборов в Учредительное собрание, заслуживает

дальнейшего изучения. Предоставление женщинам России избирательных прав — самое убедительное достижение Временного правительства; не стоит забывать, что В. И. Ленин и большевики получили в октябре контроль над государством, в котором женщины уже имели опыт формального обретения гражданских прав и участия в политической жизни путем голосования.

Обобщение данных о том, как осуществлялось включение женщин в общественную жизнь в 1917 г., путем изучения женского участия в демонстрациях, проходивших под политическими лозунгами, анализ различных форм женской активности и борьбы за право принимать участие в голосовании расширяют понимание той революционной эпохи, углубляют наши знания о восприятии демократических реформ в то время, представления о формах и пределах женского социально-политического участия. Диапазон голосов, повествующих об истории России 1917 г., должен быть полным.

Библиографический список

- Вишняк М. Всероссийское Учредительное собрание. Париж: Соврем. записки, 1932. 253 с.
- Закута О. Как в революционное время Всероссийская лига равноправия женщин добилась избирательных прав для русских женщин // *Aspasia*. 2012. Vol. 6. P. 117—124.
- Коллонтай А. М. Работницы и Учредительное собрание // *Правда*. 1917. 21 марта.
- Протасов Л. Г. Женщина и Всероссийское Учредительное собрание // От мужских и женских к гендерным исследованиям: материалы научной конференции / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Тамб. центр гендер. исслед.; отв. ред. П. П. Щербинин. Тамбов: Тамб. гос. ун-т, 2001. С. 46—54.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 539 с.
- Chatterjee Ch. Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910—1939. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002. 240 p.
- Edmondson L. Women's rights, gender and citizenship in tsarist Russia, 1860—1920: the question of difference // *Women's Rights and Human Rights: International Historical Perspectives* / ed. by P. Grimshaw, K. Holmes, M. Lake. Houndmills; Basingstoke; Hampshire: Palgrave, 2001. P. 153—167.
- Enderlein E. Yesterday was tomorrow: reflections on the First All-Russian Women's Congress of 1908 // *New Sources and New Methodologies in Women's Studies Research* / ed. by G. Leduc. Paris: L'Harmattan, 2004. P. 129—143.
- Longley D. A. The mezhraionka, the bolsheviks, and International Women's Day: in response to Michael Melancon // *Soviet Studies*. 1989. Vol. 41, № 4. P. 625—645.
- Stoff L. S. They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution. Lawrence: University Press of Kansas, 2006. 304 p.
- The Russian Provisional Government, 1917: documents / ed. by R. Browder, A. Kerensky. Stanford: Stanford University Press, 1961. 1875 p.
- Wood E. A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 318 p.

References

- Browder, R., Kerensky, A. (eds) (1961) *The Russian Provisional Government, 1917*, Stanford: Stanford University Press.
- Chatterjee, Ch. (2002) *Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910—1939*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Edmondson, L. (2001) Women's rights, gender and citizenship in tsarist Russia, 1860—1920: the question of difference, in: Grimshaw, P., Holmes, K., Lake, M. (eds), *Women's Rights and Human Rights: International Historical Perspectives*, Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave, pp. 153—167.
- Enderlein, É. (2004) Yesterday was tomorrow: reflections on the First All-Russian Women's Congress of 1908, in: Leduc, G. (ed.), *New sources and new methodologies in women's studies research*, Paris: L'Harmattan, pp. 129—143.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge of modernity], St. Petersburg: Aleteiia.
- Longley, D. A. (1989) The mezhraionka, the bolsheviks, and International Women's Day: in response to Michael Melancon, *Soviet Studies*, vol. 41, no. 4, pp. 625—645.
- Protasov, L. G. (2001) Zhenshchina i Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie [Woman and the All-Russian Constituent Assembly], in: *Ot muzhskikh i zhenskikh k gendernym issledovaniiam: Materialy nauchnoi konferentsii*, Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 46—54.
- Stoff, L. S. (2006) *They Fought for the Motherland: Russia's Women Soldiers in World War I and the Revolution*, Lawrence: University Press of Kansas.
- Vishniak, M. (1932) *Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie* [The All-Russian Constituent Assembly], Paris: Sovremennye zapiski.
- Wood, E. A. (1997) *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*, Bloomington: Indiana University Press.
- Zakuta, O. (2012) Kak v revoliutsionnoe vremia Vserossiiskaia liga ravnopraviiia zhenshchin dobilas' izbiratel'nykh prav dlia russkikh zhenshchin [As the All-Russian League of Equality of Women achieved electoral rights for Russian women in the revolutionary era], *Aspasia*, vol. 6, pp. 117—124.

Статья поступила 02.02.2017 г.

**«СВОБОДА СОЗДАНА НЕ ТОЛЬКО МУЖСКИМИ РУКАМИ»:
ФЕМИНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
И НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ**

Статья посвящена изучению феминистского движения в России рубежа XIX—XX вв. и его роли в событиях Февраля 1917 г. На основе анализа организационного и идейного развития движения делается вывод о том, что к 1917 г. оно обладало необходимым теоретическим и практическим потенциалом для реализации своей политической программы, а именно завоевания избирательных прав. Показателем мобилизационных способностей российского феминизма в условиях Февральской революции стало проведение женского митинга 19 марта в Петрограде и получение женщинами избирательных прав 21 марта 1917 г. Однако во многом маргинальное положение феминистского движения, а также настороженное отношение к нему властей не позволили его активисткам упрочить и развить эту победу в будущем.

Ключевые слова: феминизм, феминистское движение, мобилизационный ресурс, коллективные действия, избирательные права, Февральская революция.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.4

**S. V. Kradeckaya. “A freedom was created not only by men”:
the feminist movement and the beginning
of revolution in Russia**

The article covers the history of the feminist movement in the Russian Empire at the turn of XIX—XX cc. and its role in the February Revolution of 1917. Analyzing organizational and ideological development of feminism, the author demonstrates that by 1917 feminist organizations had their theoretical and practical potential, which allowed to mobilize a large number of women and implement their political program. The best illustration of the mobilization capacity of Russian feminists was women’s demonstration in Petrograd on the 19th of March and obtaining voting rights for women on the 21st of March. However, the marginal position of the feminist movement in Russia at the beginning of the XX c. and cautious attitude of the authorities didn’t let feminists strengthen and develop their victory in the future.

Key words: feminism, feminist movement, mobilization capacity, collective actions, suffrage, February Revolution.

© Крадецкая С. В., 2017

Крадецкая Сусанна Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент Центра гуманитарного образования, Московский политехнический университет, г. Москва, Россия, susanna.mosca@gmail.com (Cand. Sc., Associate Professor at the Center of Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia).

В историографию Великой российской революции 1917—1922 гг. в последние годы внесены заметные изменения, связанные прежде всего с изучением роли различных социально-демографических групп и соотношения в их действиях факторов стихийности и организованности [Колоницкий, 2001; Анатомия революции, 1994]. Среди неорганизованных, но массовых акторов революции теперь часто упоминаются и женщины, однако авторы работ неустанно повторяют лишь известные факты о том, что женщины сыграли свою роль только в стихийных «хлебных бунтах» первых дней Февраля 1917 г. [Первая мировая война... , 2014]. Встречаются и более радикальные заявления: женщины представляются носительницами неких неконтролируемых начал «социальной истерии», свойственной русской революции [Булдаков, 1997]. Такие оценки часто соседствуют с пренебрежительным отношением к эмпирическому материалу; в итоге же из истории 1917 г. фактически пропадают ключевые события. К одному из них смело можно отнести завоевание женщинами избирательных прав.

Между тем вопрос о том, действительно ли женщины играли в революционных событиях лишь стихийную и «толпообразующую» роль или же их действия были организованы в соответствии с определенной политической культурой, является весьма важным в рамках изучения феномена революции в целом. Это позволяет добавить к общей картине значительные, но забытые элементы, без которых многие эпизоды того знаменательного года останутся непонятыми. Чтобы изменить традиционный ракурс изучения роли женщин в событиях Февраля 1917 г., «вернуть» их истории, нужно выяснить, была ли в это время в России сила, способная организовать «женские массы», создавшая определенную политическую культуру, в рамках которой женщины могли принять осознанное и конструктивное участие в революционных событиях.

Обращение в этой связи к общей истории женского движения в России эвристически полезно. В данном случае необходимо поставить следующие вопросы. Обладало ли российское феминистское движение должным организационным и идеологическим ресурсом, своей политической программой, могли ли феминистки мобилизовать женщин на коллективные действия и достичь успеха? Можно ли проследить динамику развития политической культуры движения, проанализировать действия феминистских организаций в ходе революционных событий и реакцию правительственных структур? Для ответа на эти вопросы следует обратиться к программным документам женских организаций, материалам периодической печати (феминистские журналы), эго-документам.

Данной проблеме уделяли внимание в основном зарубежные историки, особенно Р. Стайтс и Л. Эдмондсон [Стайтс, 2004; Edmondson, 1984]. В их работах впервые были проанализированы не только этапы развития движения, но и накопленный к 1917 г. опыт, его реализация. Р. Ратчайлд и Б. Пиетров-Эннкер продолжили эту исследовательскую традицию, представив скрупулезный обзор деталей истории движения, сочтя 1917 г. его кульминацией [Пиетров-Эннкер, 2005; Ruthchild, 2010]. В последние годы российские ученые внесли свой вклад в изучение истории феминизма в России и его практик в революционное время [Хасбулатова, Гафизова, 2003; Юкина, 2007]. Борьба женщин за права и их завоевание в 1917 г. рассматриваются и с точки зрения гендерной политической

теории как частное проявление общего алгоритма слома «традиционных гендерных логик» [Айвазова, 2009: 5] (см. также: [Айвазова, 2016]). Однако в большинстве работ, посвященных собственно революции 1917 г., участие в ней женщин, и тем более феминисток, игнорируется.

Между тем к 1917 г. за плечами российских «равноправок» уже была многолетняя история.

Ее начало относят к 1860-м гг., когда демократически настроенные общественные деятели, по сути, поставили «женский вопрос». На их глазах зародилось движение, главной целью которого была интеграция женщин в общественную жизнь через образование и профессиональный труд [Пушкарева, 2002; Питетров-Эннкер, 2005]. «Шестидесятницы» во многом подготовили почву для возникновения и развития российского феминизма, сформулировали важнейшие темы будущего феминистского дискурса (женское образование, женский труд, женское здоровье, права женщин), опробовали на практике новые формы коллективных действий (благотворительные организации женской взаимопомощи). В дальнейшем ряд этих деятельниц продолжали участвовать уже в феминистских акциях, входили в состав крупнейших феминистских организаций, символизируя связь двух этапов развития женского движения.

Рубежным в истории феминизма стало начало XX в., когда под влиянием макроисторических условий движение быстро политизировалось, а его проблемное поле расширилось. К этому привел ряд законодательных инициатив российского правительства, реализованных осенью — зимой 1905 г., в том числе указы от 17 октября и 11 декабря, которые даровали избирательное право мужскому населению империи. Правда, в части Российской империи — Великом княжестве Финляндском — женщины в 1906 г. получили избирательные права, но на основной ее территории они были исключены из пространства публичной политики. Это и вызвало их возмущение. Гендерное «бесправное равенство» российского общества было нарушено уже самим предоставлением особого статуса женщинам на северо-западе [Юкина, 2004: 283], но это лишь способствовало политизации и даже радикализации женщин: «Конец прошлого года не только разрушил надежды женщин на равноправность, но и поставил перед ними в высшей степени удивительный вопрос: могут ли они считаться населением или нет?» [Женщины не признаются... , 1906: 1].

Протесты женщин были поддержаны уже существовавшим к тому времени Русским женским взаимоблаготворительным обществом (1895 г.). Одновременно велась активная работа по созданию новых объединений: Российского союза равноправия женщин (1905 г.), Женской прогрессивной партии (1906 г.), Российской лиги равноправия женщин (1907 г.). Новая ситуация заставляла активисток говорить и действовать по-новому. На первый план вышла идеология защиты женских прав, новая политическая практика, позволившая изменить дискурсивное поле движения, расширить социальный состав участниц.

Идеология защиты интересов и прав женщин стала своеобразной стратегической теорией, нацеленной на трансформацию традиционной социокультурной системы. В основе ее лежала критика патриархатных гендерных ролей, отношений и иерархий [Юкина, 2003: 357]. «Равноправки» призывали к радикальному переустройству общества на началах гендерной симметрии. Первым шагом

на пути такого переустройства было получение женщинами избирательных прав, их участие в законодательстве. При этом активистки считали, что «избирательное право не есть конечная цель женского движения»: «Оно — только ближайшая цель, средство, рычаг к достижению главной цели» [Кальманович, 1908: 2].

Хотя в программных требованиях и тактике российских либерально-феминистских организаций были свои нюансы, общими для всех являлись объект критического анализа (гендерно-неравноправное общество) и оценка положения женщин в настоящем и будущем. По сути, женщина впервые в истории российской общественно-политической мысли признавалась социальным субъектом, наравне с мужчиной имевшим право принимать активное участие во всех сферах жизни общества. Для наилучшего исполнения своих общественных обязанностей она должна была быть начитанна (право на образование), самостоятельна и независима (право на труд), социально активна и ответственна (общественная работа для «оздоровления», переустройства общества): «Современная женщина, в ее передовых типах, гордится не количеством томящихся обожателей, лежащих у ее ног, а количеством самых разнообразных обязанностей, которые она уже способна выполнить» [Кускова, 1908: 2].

Завоеванные женщинами права и приобретенные качества должны были повлиять и на частную жизнь каждой разделяющей новые убеждения, на ее положение в семье. «Новые» женщины не могли вести семейную жизнь в старых рамках. Их «дом» должен был быть реформирован на основе признания принципа свободы женщины. В вопросах, касавшихся семейно-брачных отношений, это предполагало освобождение жены от правовой, экономической, сексуальной и психологической зависимости от мужа (пропагандировался гражданский брак, облегченная практика разводов, изменение внутрисемейных отношений на основе принципов эгалитаризма) [Программа... , 1906; Рутцен, 1908].

Распространяя свои идеи, российские «равноправки» использовали огромный потенциал средств культурной репрезентации движения. С начала XX в. женщины можно было увидеть на публичных мероприятиях (митинги, собрания, публичные лекции, съезды), в этом им помогала и периодическая печать. В 1904 г. врач-гигиенист и лидер Женской прогрессивной партии М. И. Покровская начала издавать журнал «Женский вестник», ставший на следующие 13 лет одной из основных политических трибун «равноправок». В 1907 г. появился новый печатный орган — «Союз женщин»; его редактором и издательницей была М. А. Чехова, лидер Союза равноправия женщин.

Во время публичных мероприятий компоненты феминистского дискурса, конструировавшегося на страницах журналов, проходили своеобразную апробацию. Эти мероприятия были и своеобразной тренировкой для тех, кто не имел опыта общественных дискуссий. Опережая время и современные нам концепции, российские «равноправки» первыми проблематизировали женское «безмолвие» [Коатс, 2005; Пушкарева, 2007], призвав бороться с ним, «откинув ложный стыд и ни на чем не основанную робость, громко высказывать свой взгляд и мнение» [Иванова, 1908: 160].

Посредством статей в периодической печати, выступлений и митингов активистки российского женского движения создавали пространства взаимодействия и коммуникации, общались между собой, делились своими нуждами и интересами,

учились практике общественно-политической работы и борьбы. Сплочение путем речевой коммуникации (непосредственной, как в случае с публичными мероприятиями, или опосредованной публицистическими текстами) порождало у женщин чувство сопричастности общему делу и принадлежности к сообществу женщин, разделяющих убеждения. Его можно обозначить словом «сестринство», хотя этот термин в литературе чаще используется применительно к западному феминизму второй половины XX в. [Брайсон, 2001: 188—201]. Однако анализ идей и практик российских «равноправок», действовавших тремя четвертями века ранее, показывает, что в их среде были попытки сформировать сообщество единомышленниц на основе социальной коммуникации и групповой идентичности, общего опыта борьбы против несправедливости, единого для всех «сестер».

Многие «равноправки» уверенно утверждали, что «общее бесправие может объединить женщин всех классов и побудить их к совместной борьбе за права» [Покровская, 1909а: 2]. Само желание добиться создания подобной общности и убеждение в том, что это, в принципе, возможно благодаря наличию объединяющего всех женщин фактора, свидетельствуют об активном стремлении феминисток найти и реализовать новые формы социальной солидарности, основанные на особом, гендерно-окрашенном варианте коллективной идентичности. Каждая женщина, принимавшая феминистские идеалы «сестринства», могла почувствовать себя частью сплоченной группы, имеющей свои интересы и отстаивающей их.

Результатами политического «взросления» женского движения в начале XX в. были не только изменения в повседневной жизни многих горожанок, начавших следовать новым жизненным ориентирам, но и их готовность к коллективным действиям для отстаивания общегрупповых женских интересов. Феминистки постепенно выходили на новый уровень влияния [Юкина, 2008]. Движение завоевывало все большую популярность, его акции широко освещались в прессе [Юкина, 2007].

К началу Великой российской революции 1917—1922 гг. «равноправки» показали себя и идейно, и организационно готовыми продолжать борьбу. Во главу угла было поставлено движение за политическое равноправие, после его получения предполагались более масштабные перемены. Буквально с начала 1917 г. активистки развернули широкую работу, направленную на достижение своей цели. Они больше не надеялись на то, что мужчины, завоевав себе права, даруют их женщинам. Подобное «роковое заблуждение» осталось в далеком 1905 г. [Кальманович, 1905: 309]. Образованные горожанки стремились заявить о себе как о реальных политических акторах. «Гражданки, требуйте участия женщин в Учредительном собрании. Требуйте предоставления женщинам гражданских и политических прав», — призывали они [Женское дело, 1917: 1].

Характерно, что многие лидеры женских организаций убеждали в необходимости относиться к происходящему с осторожностью, не забывая уроков, полученных женщинами в прошлом. В частности, Покровская уже в первые революционные дни предостерегала своих единомышленниц от чрезмерного доверия по отношению к мужчинам в вопросе получения прав. Лидер Женской прогрессивной партии объясняла это тем, что под словом «всеобщее» мужчины обычно «подразумевают только самих себя» [Покровская, 1917: 40].

Лига равноправия (ставшая к тому времени крупнейшей женской организацией) развернула агитацию, пытаясь наладить диалог с властями. Действовать предполагалось через петиции с резолютивной частью (в которой содержалось требование уточнить позицию по вопросу женских прав). «В эти дни женское движение в Петрограде значительно увеличилось, — вспоминала одна из активисток организации, — толпы женщин осаждали помещение Лиги от утра до поздней ночи. Бесперывно происходили заседания разных групп женщин, объединившихся вокруг Лиги, которая совместно с ними вырабатывала план деятельности в данный момент» [Закута, 1917: 4]. Главным показателем готовности и способности движения к конструктивному участию в революционных событиях стал митинг 19 марта, организованный Лигой при участии различных феминистских и нефеминистских групп.

Лига усиленно и целенаправленно мобилизовывала женщин на митинг [там же: 5—6]. К подготовке удалось привлечь около 90 женских организаций столицы и других городов. Цели акции были конкретны: отказавшись от практики ожидания, «ранопрвки» были решительно настроены получить права, прежде всего избирательные. Провоцирующим и разочаровывающим фактором послужила декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г., в которой заявлялось о подготовке к созыву Учредительного собрания «на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования» и об «отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений в пользовании общественными правами» (цит. по: [Юкина, 2007: 415]). Однако об отмене ограничений по признаку пола не было сказано ничего.

19 марта на улицы Петрограда вышло около 40 тыс. женщин, принадлежавших к разным социальным группам, имевшим разное образование и профессию [Закута, 1917: 6]. Среди них были и интеллигентки (врачи, учительницы), и простые работницы. После митинга состоялось шествие к Таврическому дворцу, где находились штаб-квартиры Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов. Одна из участниц шествия отмечала не только блестящую организацию, но и символическое оформление акции. «Впереди — женщины-амазонки на лошадях для поддержания порядка и большое знамя “Российская лига равноправия женщин” и 2 оркестра музыки. Посередине шествия окруженный слушательницами Бестужевских курсов двигался автомобиль, в котором была одна из крупнейших борцов за свободу России — Вера Николаевна Фигнер в сопровождении председательницы совета Российской лиги равноправия женщин П. Н. Шишкиной-Явейн» [там же: 6]. Процессия двигалась под звуки «Марсельезы». Среди баннеров и растяжек иногда мелькали красные флаги [Юкина, 2007: 418].

Очевидно, что лидеры «равноправов» понимали важность внешнего оформления мероприятия, визуального представления не только своих требований, но и их массовой поддержки всей женской половиной населения независимо от социальной принадлежности или политических взглядов. Соединение революционной символики («Марсельеза», красные флаги) с феминистскими лозунгами («Избирательные права женщинам!», «Женщины, объединяйтесь!») должно было еще раз продемонстрировать идеалы «сестринства», доказать, что феминизм — это «идея, равняющая всех» [Покровская, 1909b: 164].

Кульминация митинга наступила, когда женская делегация вошла в Таврический дворец для встречи с властями. По описаниям свидетелей, реакция представителей Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов на требование высказать свое отношение к избирательному праву женщин была нерешительной и разочаровывающей [Закута, 1917: 6—11].

Председатель Совета меньшевик Н. С. Чхеидзе поначалу даже отказывался говорить, ссылаясь на потерю голоса [там же: 7]. Однако «равноправки» не собирались сдаваться. Им удалось добиться устного заверения в поддержке от представителей обеих властей (в стране господствовало двоевластие). 21 марта 1917 г. новая делегация получила подтверждение согласия с требованиями от председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова [Юкина, 2007: 421]. 21 и 26 марта в газетах было опубликовано сообщение о том, что Учредительное собрание будет созвано на началах всеобщего, *без различия пола*, голосования [Избирательные права... , 1917: 71]. В изданном 15 апреля 1917 г. постановлении Временного правительства (приложение 1 к отделу 2, п. 3) значится: «Правом участия в выборах гласных пользуются российские граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет, если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение, или состоят там на службе, или же имеют иные, связанные с городом, определенные занятия» [Постановление...].

Официальное положение о выборах было принято 20 июня 1917 г. и вступило в силу закона 11 сентября. Феминистки добились своей цели. При этом они настаивали на том, что само по себе получение избирательных прав не означает окончания борьбы. Скорее наоборот. «Отныне женщина в России свободная гражданка, — писали в «Женском вестнике». — Однако название свободной гражданки не решает еще всего. Наоборот. Это неожиданное право выдвигает перед нами целый ряд функций, с которыми наша обязанность справляться. <...> Со старыми предрассудками многих нам еще немало придется побороться, но в сознании того, что мы — свободные женщины» [Волконовская, 1917: 69—70].

Организация митинга 19 марта и тактика достижения его результатов, безусловно, говорят о сплоченности российских активисток как на идейном, так и на практическом уровне. Большое количество участниц, непосредственно не вовлеченных ранее в женское движение, свидетельствует о той роли, которую феминистская политическая культура играла в общественно-политических событиях того времени, а также о мобилизационном ресурсе российских «равноправок». Даже беглый анализ позволяет сделать вывод о том, что феминизм в России был организованной политической силой со своей идеологией, четкими целями, стратегией их достижения, силой, не только способной мобилизовать женщин на коллективное политическое действие, но и реализовавшей эту способность. Следовательно, тезис о «стихийности» женских выступлений весной 1917 г. может быть отнесен к умышленным искажениям, которых в советской историографии немало.

Вопрос о реакции властей на действия «равноправок» практически не изучен. С одной стороны, желание забыть такую важную страницу российской женской истории, изобразить ее малозначимой деталью в масштабном историческом

полотне Великой русской революции 1917—1922 гг. представляется вполне типичным для патриархатной культуры, где сила женского протеста оценивается как стихийная и деструктивная, а потому опасная и подлежащая контролю. С другой стороны, слабая изученность деталей событий в женской истории 1917 г. показывает маргинальное положение темы в рамках сложного многообразия политических культур, существовавших в начале XX в. Члены Российской лиги равноправия предлагали своим идейным сестрам и вообще женщинам России альтернативный путь, который не связывал их традиционными представлениями о предназначении женщины, но и не уводил в террор и радикализм. В сложных социокультурных условиях эпохи тот ресурс не смог стать полностью востребованным. Неслучайная победа 19—21 марта 1917 г. так и осталась для российских активисток единичной.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Политическое участие женщин: немного истории и теории // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 3—12.
- Айвазова С. Г.* Гендерный ракурс массовой политики // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1. С. 24—34.
- Анатомия революции: 1917 г. в России: массы, партии, власть.* СПб.: Глаголь, 1994. 443 с.
- Брайсон В.* Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, 2001. 304 с.
- Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 373 с.
- Волконовская С.* Женщина и демократизм // *Женский вестник*. 1917. № 5—6. С. 69—70.
- Женщины не признаются в России населением // Женский вестник*. 1906. № 1. С. 1.
- Женское дело*. 1917. № 6—7.
- Закута О.* Как в революционное время Всероссийская лига равноправия женщин добила избирательных прав для русских женщин. Пг.: Тип. А. Г. Сытина, 1917. 11 с.
- Иванова.* Астраханский женский клуб // *Женский вестник*. 1908. № 6. С. 159—160.
- Избирательные права женщин // Женский вестник*. 1917. № 5—6. С. 71—81.
- Кальманович А. А.* Женское движение за границей // *Женский вестник*. 1905. № 10. С. 309—311.
- Кальманович А. А.* Конечная цель женского движения // *Союз женщин*. 1908. № 9. С. 2—7.
- Коатс Дж.* Женщины, мужчины и язык // *Гендер и язык*. М.: Языки славян. культуры, 2005. С. 33—234.
- Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 347 с.
- Кускова Е.* Женщины и равноправие // *Союз женщин*. 1908. № 12. С. 1—3.
- Первая мировая война и конец Российской империи.* СПб.: Лики России, 2014. Т. 3: Февральская революция. 429 с.
- Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005. 444 с.
- Покровская М. И.* Первый Всероссийский женский съезд // *Женский вестник*. 1909а. № 1. С. 1—4.
- Покровская М. И.* Провинция откликнулась // *Женский вестник*. 1909б. № 9. С. 161—167.
- Покровская М. И.* Права женщин // *Женский вестник*. 1917. № 3. С. 40—42.
- Постановление Временного правительства 1917 года о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях. URL: http://vasilievaa.narod.ru/mu/stat_rab/books/mpsf/7-3.htm (дата обращения: 10.01.2017).

- Программа Женской прогрессивной партии // Женский вестник. 1906. № 1. С. 26—29.
- Пушкарева Н. Л. «Дерзкие и беспокойные»: (женская история в России 1801—1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52—66.
- Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 496 с.
- Рутцен Л. Фамилия замужней женщины в крестьянской среде // Союз женщин. 1908. № 10. С. 11.
- Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
- Хасбулатова О. А. Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX века). Иваново: Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 255 с.
- Юкина И. И. Идеология российского феминизма первой волны // Социальная история: женская и гендерная история. М.: РОССПЭН, 2003. С. 352—367.
- Юкина И. И. Женское движение в России, ценз пола и суфражизм // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2004. С. 279—300.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 544 с.
- Юкина И. И. Всероссийские женские съезды как точки роста феминистского движения в России // Женщина в российском обществе. 2008. № 4. С. 46—53.
- Edmondson L. H. *Feminism in Russia, 1900—1917*. Stanford: Stanford University Press, 1984. 197 p.
- Ruthchild R. G. *Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905—1917*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. 356 p.

References

- Aivazova, S. G. (2009) *Politicheskoe uchastie zhenshchin: nemnogo istorii i teorii* [Political participation of women: some history and theory], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—12.
- Aivazova, S. G. (2016) *Gendernyi rakurs massovoi politiki* [Gender aspect of mass policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 24—34.
- Anatomiia revoliutsii: 1917 g. v Rossii: massy, partii, vlast'* (1994) [Anatomy of revolution: 1917 in Russia: people, parties, regime], St. Petersburg: Glagol'.
- Braïson, V. (2001) *Politicheskaiia teoriia feminizma* [Feminist political theory], Moscow: Ideia-Press.
- Buldaikov, V. P. (1997) *Krasnaia smuta: Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia* [Red smuta: The origin and consequences of the revolutionary violence], Moscow: ROSSPЭN.
- Edmondson, L. H. (1984) *Feminism in Russia, 1900—1917*, Stanford: Stanford University Press.
- Iukina, I. I. (2003) *Ideologiia rossiiskogo feminizma pervoi volny* [The ideology of Russian feminism of the first wave], in: *Sotsial'naia istoriia: Zhenskaia i gendernaia istoriia*, Moscow: ROSSPЭN, pp. 352—367.
- Iukina, I. I. (2004) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii, tsenz pola i sufrazhizm* [The women's movement in Russia, the restriction on gender and suffragism], in: *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh sistem*, St. Petersburg: Aleteïia, pp. 279—300.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteïia.
- Iukina, I. I. (2008) *Vserossiiskie zhenskie s'ezdy kak tochki rosta feministского dvizheniia v Rossii* [The All-Russian women congresses as the point of growth of feminist movement in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 46—53.

-
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [The women's movement in Russia (second half of the XIX — beginning of the XX century)], Ivanovo: Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Koats, Dzh. (2005) Zhenshchiny, muzhchiny i iazyk [Women, men and language], in: *Gender i iazyk*, Moscow: Iazyki slavianskoï kul'tury, pp. 33—234.
- Kolonitskii, B. I. (2001) *Simvol' vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revoliutsii 1917 goda* [Symbols of power and struggle for power: Studying the political culture of the Russian revolution 1917], St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Pervaia mirovaia voïna i konets Rossiiskoi imperii* (2014) [The First World War and the end of the Russian Empire], St. Petersburg: Liki Rossii, vol. 3.
- Petrov-Ennker, B. (2005) "Novye liudi" Rossii: Razvitie zhenskogo dvizheniia ot istokov do Oktiabr'skoi revoliutsii ["The new people" of Russia: Development of the women's movement from the origins to the October Revolution], Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Pushkareva, N. L. (2002) "Derzkie i bespokoïnye": (Zhenskaia istoriia v Rossii 1801—1905 gg.: formy sotsial'noi aktivnosti) ["Daring and uneasy": (Women's history in Russia 1801—1905: forms of social activity)], *Otechestvennaia istoriia*, no. 6, pp. 52—66.
- Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge], St. Petersburg: Aleteïa.
- Ruthchild R. G. (2010) *Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905—1917*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Staïts, R. (2004) *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860—1930* [The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and Bolshevism, 1860—1930], Moscow: ROSSPĖN.

Статья поступила 04.03.2017 г.

П. В. Волошун

**«ЖЕНЩИНА ОНА С РЕПУТАЦИЕЙ УМНОЙ»:
ЖЕНА РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА
В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1917 г.**

Образ последней российской императрицы Александры Федоровны Романовой по-прежнему представляется неоднозначным и вызывает вопросы у исследователей. Трагические события, переживаемые личностью в повседневной жизни, определяют ее поведение, что, в свою очередь, выявляет ее истинные стремления, а также черты характера. Для императрицы Александры Федоровны таким событием стала Февральская революция и отречение от престола в 1917 г. Возникает вопрос: как она переживала эти дни — как императрица или как обычная женщина? Данное исследование позволяет увидеть новые оттенки при изучении одного из ключевых событий в истории России — Февральской революции 1917 г.

Ключевые слова: история повседневности, женская повседневность, женская история, Романовы, императорская семья, императрица Александра Федоровна, Февральская революция 1917 г.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.5

**P. V. Voloshun. “She is the woman with the reputation
of a smart person”: the wife of the Russian Emperor
in February of 1917**

The image of the last Russian Empress Alexandra Feodorovna Romanova remains ambiguous and raises questions. The tragic events experienced by a person in everyday life determine her behavior, which in turn demonstrates her true desires and aspirations, and also reveals the traits of character. For the Empress Alexandra Feodorovna, such an event was the February Revolution and the abdication in 1917, the study of which raises the question — how Alix experienced those days — as an empress or an ordinary woman. The author suggested that Alix’s strategy of behavior was oriented towards the social status of the spouse, and was not her own. However, it was during those days that Alexandra Feodorovna showed herself. Studying women’s biographies, life strategies and individual

actions reflected in them, the modern historian can appreciate the emotional regime of the era and compare his own life motivation with the motivation of those who lived long before us. This study allows to single out new shades and nuances while studying one of the key events in the history of Russia — the February Revolution of 1917.

Key words: history of everyday life, women's daily life, women's history, the Romanovs, the Imperial family, the Empress Alexandra Feodorovna, the Tsarina Alexandra Feodorovna, the February Revolution of 1917.

Личность последней российской императрицы Александры Федоровны, урожденной принцессы Виктории Алисы Елены Луизы Беатрисы Гессен-Дармштадтской, которую муж называл просто Аликс, не раз привлекала внимание историков и просто любителей прошлого. Отношение к ней неоднозначно, а оценки порой полярны. Противоречивым было и отношение к ней современников [Богданович, 1990: 487; Чеботарева, 1991: 205; Илиодор, 1917], многие из которых считали ее «странной особой» [Витте, 1991: 594]. Чего только не было в их заметках: обвинения в распутстве и в нетрадиционной ориентации [Богданович, 1990: 459, 467, 468, 493, 494, 503], в пособничестве немцам [Воспоминания великой княгини Марии Павловны, 2004: 173; Чеботарева, 1990: 175], в участии в оккультных практиках [Вырубова, 2012: 105; Мосолов, 2006: 53; Богданович, 1990: 467] и сектантстве [Богданович, 1990: 595, 507]. Весьма противоречивые оценки Александры Федоровны можно встретить и в советской историографии (обусловлено цензурой и антимонархическими настроениями) [Касвинов, 1988]. Эти оценки противоположны, в свою очередь, тому, что пишется и писалось сочувствующими [Савченко, 1939; Дивный свет, 2016; Государыня императрица... , 2009; Боханов, 2013; Кузнецов, 2003].

Тем интереснее попытаться составить собственное представление об этой женской личности и дать возможность судить о ней другим по ее эго-документам. Зарубежная историография в этом направлении мало что добавила: авторы ограничиваются описанием хронологии событий [Kurth, 1998; Erickson, 2003; Vovk, 2012; Rounding, 2012; Мэсси, 2006], воспринимая «Alix and Nicky» как пару, что лишает возможности оценить личность самой этой женщины, вознесенной замужеством на вершину российской власти. Для ответа на вопрос, какой же была последняя русская императрица и как она пережила события 1917 г., стоит обратиться к изучению ее повседневной жизни, проанализировать ее личность через призму гендерной принадлежности, происхождения и воспитания, семейных отношений и ценностей.

При изучении исторической женской личности важны ее субъективные представления о себе самой, ведь пережитый женский травматический опыт всегда более проговорен в сравнении с мужским [Пушкарева, 2014]. Специалисты по женской истории, посвящающие исследования женщинам в 1917 г., чаще пишут о «равноправках» (И. В. Крыкова, И. И. Юкина, О. А. Патрикеева, Я. Б. Руднева, Е. Н. Меньшикова, М. Ю. Семенов, В. Н. Кулик и другие), о политическом участии женщин (Т. А. Королева, А. Н. Шабанова, Е. Н. Полищук, А. В. Петров, Ю. В. Кокорева), о военном факторе в женской повседневности (П. П. Щербинин), но редко думают о тех, кто был «по другую сторону баррикад». Вот почему нами поставлена задача проанализировать поступки женщины,

в силу обстоятельств оказавшейся на вершине власти, оценить ее эмоциональный мир, переживания в февральские дни 1917 г., закончившиеся отречением ее мужа от престола. Кем она была в эти дни: «просто» супругой или все же облеченной властью императрицей? Что было для нее самым ценным в жизни? [Пушкарева, 2002].

Личности императрицы Александры Федоровны в своих работах касались А. В. Белова, В. Д. Фетисов, О. М. Морозова, Ю. В. Варфоломеев, Ю. Н. Кряжев, Н. О. Адибекян, Е. Д. Боршукова, Т. В. Чумакова и другие. Однако актуальность данного вопроса сохраняется ввиду отсутствия исследований собственно о самой императрице. Для ответа на поставленные вопросы обратимся к пятому тому переписки императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, изданному в 1927 г. [Переписка... , 1927], а именно письмам супругов, созданным в период с 22 февраля по 4 марта 1917 г. В то время Аликс было 44 года, за 23 года брака она пять раз рожала (старшей дочери было уже 22 года, младшему ребенку 13 лет). Количество писем от Аликс к Ники (они пронумерованы ею же) в два раза больше написанных мужем, ведь эпистолярная форма самовыражения — женская прерогатива. Содержание написанного («чрезвычайно быстро, лежа на кушетке» [Вырубова, 2012: 42]) выявляет особую значимость для императрицы ежедневного общения с мужем. О степени их интимности можно судить по упоминанию о женском нездоровье подруги императрицы А. А. Вырубовой [Переписка... , 1927: 222], а о готовности всем делиться — по числу писем: 10 за 11 дней конца февраля 1917 г. Помимо переписки императорской четы, в статье использованы воспоминания подруг Аликс — А. А. Вырубовой и Ю. А. Ден, которые были вовлечены в повседневную жизнь дворца с 22 февраля до 5 марта 1917 г. [Буксгевден, 2006: 393—418] и опубликовали свои воспоминания об императрице в 1922 г. Слова Ю. А. Ден о государыне самым явственным образом выражают восхищение и, пожалуй, преклонение перед ней: «Большинство людей, оказавшихся в положении Императрицы, которой нужно было спешно уезжать (после отречения мужа. — П. В.), стали бы упаковывать... драгоценности. Но драгоценности всегда были для Государыни второстепенной деталью. Главные Ее сокровища относились к области чувств и воспоминаний» [Ден, 2013: 158].

Обратившись к историко-биографическому методу, позволяющему выявлять и анализировать образ личности путем реконструкции обстоятельств жизни [Пушкарева, 1998, 2007], мы ставим целью оценить поведение императрицы как личности, обладавшей на тот момент значительным индивидуальным жизненным и женским опытом, понять мотивы ее поступков, их эмоциональную нагруженность, аксиосферу с целью обнаружить типичные психосоциальные реакции женщины в экстремальной ситуации.

«Она [Александра Федоровна] — жена русского императора, и только... — писал, например, не без пренебрежения и чувства превосходства С. Ю. Витте. — Несомненно, что она его любит, желает ему добра — ведь в его счастье ее счастье» [Витте, 1991: 596]. Имел ли он право так судить о ней? Совсем по-иному ее оценивала бабушка — королева Великобритании Виктория (1819—1901). В одном из писем 1894 г., созданном в связи с предстоящим бракосочетанием Аликс с наследником российского престола, она сокрушалась: «Все мои страхи о ее будущем замужестве сейчас представляются так очевидно, и моя кровь

леденеет, когда я думаю о ней, *такой* молодой на столь небезопасном троне... но, увы, я уверена, что это будет *могущественная Императрица!*» [Advice to My Grand-Daughter, 1976: 126—127].

Пытаясь дать оценку поведению Аликс в дни, предшествующие отречению ее мужа от престола, трудно забыть о том, что высшее русское общество недолюбливало ее хотя бы потому, что долгожданный наследник родился не скоро и слабым, а медицинские представления того времени делали именно женщину ответственной за пол будущего ребенка [Фишер-Дюккельман, 1903: 450—451]. Императрица Мария Федоровна, по мнению собственных детей являвшаяся больше венценосной особой, нежели матерью [Мемуары великой княгини Ольги... , 2004: 34], ценила сыновей в прямой связи с их функцией заместителей престола [Вырубова, 2012: 56]. Это была стратегия истинной императрицы. В отличие от свекрови, Александра Федоровна относилась к проблеме престолонаследия внешне безучастно, но в момент получения известия об отречении она все же испытала шок [Ден, 2013: 152—153; Вырубова, 2012: 128], унижение [Переписка... , 1927: 227, 229]; считала униженным и мужа [там же: 234]. Униженной себя ощущала и императрица-мать Мария Федоровна [Мемуары великой княгини Ольги... , 2004: 164].

Впоследствии Аликс в письмах компенсировала утрату «работы» мужа: «Ты будешь коронован своим Богом на этой земле, в своей стране» [Переписка... , 1927: 232]. О своих предчувствиях света, солнца и позитивного будущего с возвращением самодержавия она говорит и в последующих письмах [там же: 233]. Ободряя мужа, она использовала слова «герой», «спаситель», «Помазанник Божий».

Допустимо предположить, что стратегия поведения Аликс, ориентированная на социальный статус супруга, не являлась ее собственной. Косвенно это подтверждают письма, в которых она чередовала строчки о домашних заботах с доходившими до нее новостями, упоминала беспорядки на Васильевском острове и на Невском проспекте [там же: 214; Палеолог, 1991: 235; Голицына, 2009: 57], аресты, совещания Думы [Переписка... , 1927: 222; Чеботарева, 1991: 211—212]. В этом ощущается некоторая рутинность. Когда императрице донесли о беспорядках в Литовском и Волынском полках, она сказала: «Не могу этого понять. Никогда не поверю, что возможна революция» [Ден, 2013: 139].

И все же происходящее в Петрограде беспокоило императрицу, но она была уверена, что это не более чем «хулиганское движение, мальчишки и девочки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение» [Переписка... , 1927: 217—219]. Ситуация усугублялась сорокаградусными морозами [Палеолог, 1991: 235], люди собирались в очереди в ожидании хлеба [Барятинская, 2006: 274], нарастала паника [Чеботарева, 1991: 210]. Графиня О. Гендрикова отмечала в те же дни: «Толпы ходили по улицам столицы и кричали: “Хлеба, хлеба!”», однако она же писала, что такие «проявления были незначительными, без политического обоснования» [Hendrikoff, 2012: 31]. Императрица считала, что «все обожают» ее мужа и только «хотят хлеба» [Переписка... , 1927: 221]. И действительно, в булочной на Литейном любой мог быть «поражен злым выражением на лицах всех бедных людей, стоявших в хвосте, из которых большинство провело там всю ночь» [Палеолог, 1991: 235].

Императрица жаловалась, что продовольственный вопрос «может свести с ума», извинялась за скучное письмо [Переписка... , 1927: 220]. Современники эти события «скучными» не считали [Голицын, 2007: 563].

Императрица рассуждала о карточной системе как методе борьбы с беспорядками [Переписка... , 1927: 219], писала об этом два дня подряд, апеллируя к опыту других государств, раздражаясь по поводу соотечественников: «У нас же — идиоты» [там же: 221]. По ее мнению, люди запутались, «ничего не понимали», «в них сидит какой-то микроб» [там же: 228].

Рассуждения императрицы и рекомендации по пресечению забастовок [там же: 219] говорили о ее изолированности от столицы и общества. Сообщение о первых событиях революции не вызвало в ней страха, скорее ощущение бессилия. А. А. Вырубова записала, что государыня понимала, что «ничего спасти нельзя» [Вырубова, 2012: 126]. Она считала, что императрица была «спокойная», действовала «со спокойствием», в то время как Ю. А. Ден по ровному голосу императрицы как раз и поняла, что та готовится к худшему [Ден, 2013: 150].

Потребность в муже, значимость регулярного, повседневного общения с ним ясно проявилась в революционные дни. В первых письмах Аликс еще выполняла роль императрицы: «Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мной прежде, чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде» [Переписка... , 1927: 226]. Императрица считала конституцию ужасом, потому что два месяца назад спирит-предсказатель «т-г Филипп» (Низье Антельм Филипп) сказал, что нельзя «давать конституции», так как она «будет гибелью России» и царя [там же: 190]. Идею великого князя Павла Александровича «всех спасти» путем принятия конституции по окончании войны императрица назвала «благородным и безумным способом», но сам манифест с планами реализации — «идиотским» [там же: 227].

Осознав, что как императрица ничем мужу не поможет, она предоставила Николаю II быть «самим собой» [там же: 228—229]. Смена стратегии поведения нашла отражение в ее письме: «Теперь она (здесь императрица пишет о себе в третьем лице. — П. В.) только мать при больных детях. Не может ничего сделать из страха навредить, так как не имеет никаких известий от своего милого» [там же: 232]. Без мужа повседневность матери при больных детях (в те февральские дни они болели корью) наполнилась «гнусными» и «раздирающими сердце» слухами [там же], ощущения были самые мрачные («Все кругом черно, как ночь» [там же]).

Тем временем во дворце сломался лифт, прекратилась подача воды [Бяртинская, 2006: 282], лопнула труба от морозов, перед домом дежурили солдаты [Переписка... , 1927: 228]. На фоне болезни детей и своего недомогания (сердечные боли Александра Федоровна купировала вероналом и писала, что «буквально пропитана им» [Ден, 2013: 131]) в письмах она уверяла мужа, что настроение ее «совершенно бодрое и боевое» [Переписка... , 1927: 228]. Также Аликс писала о детях, терпеливо переносящих невзгоды, что делало их «достойными» своего отца и императора [там же: 229]. Стоило императору «появиться на проводе», как она «проворно, словно шестнадцатилетняя девочка, бежала из комнаты», чтобы поговорить с ним [там же: 161]. Стремительное развитие февральских событий заставило ее стать мужу надежным близким другом, стараться понимать и оправдывать каждый его шаг. После отречения Николая Александра

Федоровна, полагая что отречение состоялось в пользу их сына, которого она растила для российского престола, неожиданно испытала острое нежелание расставаться с ребенком [там же: 154—155], даже если ему предстояло выполнить ту роль, для которой его готовили всю жизнь. В этом проявилась вся она — не столько императрица, сколько мать.

Изучая женские биографии, отразившиеся в них жизненные стратегии и отдельные поступки, современный историк может оценить эмоциональный режим эпохи и сравнить собственную жизненную мотивацию с мотивацией тех, кто жил задолго до нас.

Библиографический список

- Барятинская М. С.* Моя русская жизнь: воспоминания великосветской дамы, 1870—1918. М.: Центрполиграф, 2006. 367 с.
- Богданович А. В.* Три последних самодержца: дневник. М.: Новости, 1990. 608 с.
- Боханов А. Н.* Оклеветанная Анна: жизнеописание А. А. Вырубовой-Танеевой. М.: Вече, 2013. 334 с.
- Буксгевден С. К.* Венценосная мученица: жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. М.: Русский Хронографъ, 2006. 528 с.
- Витте С. Ю.* Избранные воспоминания, 1849—1911 гг. М.: Мысль, 1991. 708 с.
- Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М.: Захаров, 2004. 512 с.
- Вырубова А. А.* Воспоминания. Страницы моей жизни. М.: Захаров, 2012. 432 с.
- Голицын М. В.* Мои воспоминания (1873—1917). М.: Русский миръ: Жизнь и мысль, 2007. 768 с.
- Голицына И. Д.* Воспоминания о России (1900—1932) / пер. с англ. Т. И. Голицыной, О. И. Несмеяновой. М.: Айрис-пресс, 2009. 216 с.
- Государыня императрица Александра Федоровна.* Слова добрые: дневниковые записи 1908—1915 гг. М.: Русский Паломник, 2009. 34 с.
- Ден Ю. А.* Подлинная царица. М.: Вече, 2013. 304 с.
- Дивный свет: дневниковые записи, переписка, жизнеописание / сост. монахиня Нектария. М.: Русский Паломник, 2016. 656 с.
- Илиодор, монах.* Святой черт: (записки о Распутине). М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1917. 204 с.
- Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1988. 544 с.
- Кузнецов В. В.* Русская Голгофа. СПб.: Нева: Олма-Пресс, 2003. 512 с.
- Мемуары великой княгини Ольги Александровны / запись Я. Ворреса. М.: Захаров, 2004. 272 с.
- Мосолов А. А.* При дворе последнего царя: воспоминания начальника дворцовой канцелярии, 1900—1916. М.: Центрполиграф, 2006. 271 с.
- Мэсси Р.* Николай и Александра: биография. М.: Захаров, 2006. 640 с.
- Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.: Междунар. отношения, 1991. 336 с.
- Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. 5. 512 с.
- Пушкарева Н. Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76—89.
- Пушкарева Н. Л.* «Пишите себя!» Задачи исследования ранних женских автобиографий // Gender-forschung in der Slawistik. Wien, 2002. С. 333—349. (Wiener slawistischer Almanach; Sbd. 55).
- Пушкарева Н. Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетея, 2007. 496 с.

- Пушкарева Н. Л. Об эмпатии в антропологии и важности раздельного описания и изучения мужской и женской повседневности // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 3—11.
- Савченко П. Государыня императрица Александра Федоровна. Белград, 1939. 119 с.
- Фишер-Дюккельман А. Женщина как домашний врач / пер. с нем. Б. Е. Шехтера. СПб.: Изд. Аскарханова, 1903. 563 с.
- Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе: дневник, 14 июля 1915 — 5 января 1918 // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1990. Кн. 181. С. 173—243.
- Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе: дневник, 14 июля 1915 — 5 января 1918 // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1991. Кн. 182. С. 202—272.
- Advice to My Grand-Daughter: Letters from Queen Victoria to Princess Victoria of Hesse. New York: Simon and Schuster, 1976. 156 p.
- Erickson C. Alexandra: the Last Tsarina: the Tragic Story of the Last Empress of Russia. London: Robinson Publishers, 2003. 320 p.
- Hendrikoff O. A Countess in Limbo: Diaries in War and Revolution, Russia 1914—1920, France 1939—1947. Vancouver, 2012. 458 p.
- Kurth P. Tsar: the Lost Word of Nicholas and Alexandra. Toronto: Back Bay Books, 1998. 230 p.
- Rounding V. Alix and Nicky: the Passion of the Last Tsar and Tsarina. London: St. Martin's Press, 2012. 400 p.
- Vovk J. Imperial Requiem: Four Royal Women and the Fall of the Age of Empress. Bloomington: iUniverse, 2012. 640 p.

References

- Baryatinskaia, M. S. (2006) *Moia russkaia zhizn': Vospominaniia velikosvetskoï damy, 1870—1918* [My Russian life: Memoirs of a high-society lady, 1870—1918], Moscow: Tsentrpoligraf.
- Bogdanovich, A. V. (1990) *Tri poslednikh samoderzhtsa: Dnevnik* [The last three autocrats: A diary], Moscow: Novosti.
- Bokhanov, A. N. (2013) *Oklevetannaya Anna: Zhizneopisanie A. A. Vyrubovoi-Taneevoi* [Slandered Anna: Biography of A. A. Vyrubova-Taneyeva], Moscow: Veche.
- Buksgevdn, S. K. (2006) *Ventsenosnaia muchenitsa: Zhizn' i tragediia Aleksandry Feodorovny, imperatritsy vserossiïskoi* [Crowned martyr: Life and tragedy of Alexandra Feodorovna, Empress All-Russian], Moscow: Russkii Chronograph.
- Chebotareva, V. (1990) V dvortsovom lazarete v Tsarskom Sele: Dnevnik, 14 iulia 1915 — 5 ianvaria 1918 [In the palace hospital in Tsarskoye Selo: The diary, July 14, 1915 — January 5, 1918], *Novyi zhurnal*, New York, no. 181, pp. 173—243.
- Chebotareva, V. (1991) V dvortsovom lazarete v Tsarskom Sele: Dnevnik, 14 iulia 1915 — 5 ianvaria 1918 [In the palace hospital in Tsarskoye Selo: The diary, July 14, 1915 — January 5, 1918], *Novyi zhurnal*, New York, no. 182, pp. 202—272.
- Den, Iu. A. (2013) *Podlinnaia tsaritsa* [The real queen], Moscow: Veche.
- Divnyi svet. Dnevnikovye zapisi, perepiska, zhizneopisanie (2016) [Marvelous light: Diary entries, correspondence, biography], Moscow: Russkii Palomnik.
- Érickson, C. (2003) *Alexandra: The Last Tsarina: The Tragic Story of the Last Empress of Russia*, London: Robinson Publishers.
- Fisher-Diukkel'man, A. (1903) *Zhenshchina kak domashnii vrach* [Woman as a home doctor], St. Petersburg: Izdanie Askarkhanova.
- Golitsyn, M. V. (2007) *Moi vospominaniia (1873—1917)* [My memories (1873—1917)], Moscow: Russkii mir, Zhizn' i mysl'.
- Golitsyna, I. D. (2009) *Vospominaniia o Rossii (1900—1932)* [Memories of Russia (1900—1932)], Moscow: Airis-Press.

- Gosudarynia imperatritsa Aleksandra Fedorovna (2009) *Slova dobrye: Dnevnikovye zapisi 1908—1915 gg.* [Words are good: The diary entries of 1908—1915], Moscow: Russkii Palomnik.
- Hendrikoff, O. (2012) *A Countess in Limbo: Diaries in War and Revolution, Russia 1914—1920, France 1939—1947*, Vancouver.
- Iliodor, monakh (1917) *Sviatoi chërt: (Zapiski o Rasputine)* [Holy features: (Notes about Rasputin)], Moscow: Tipografiia Tovarishchestva Riabushinskikh.
- Kasvinov, M. K. (1988) *Dvadtsat' tri stupeni vniz* [Twenty-three steps down], Kishinëv: Kartia moldoveniaskë.
- Kurth, P. (1998) *Tsar: The Lost Word of Nicholas and Alexandra*, Toronto: Back Bay Books.
- Kuznetsov, V. V. (2003) *Russkaia Golgofa* [Russian Calvary], St. Petersburg: Neva, Olma-Press.
- Memuary velikoï kniagini Ol'gi Aleksandrovny* (2004) [Memoirs of the Grand Duchess Olga Alexandrovna], Moscow: Zakharov.
- Messi, R. (2006) *Nikolaï i Aleksandra: biografiia* [Nicholas and Alexandra: biography], Moscow: Zakharov.
- Mosolov A. A. (2006) *Pri dvore poslednego tsarya: vospominaniia nachal'nika dvortsovoi kantseliarii, 1900—1916* [At the court of the last King: Memoirs of the chief of the palace chancery, 1900—1916], Moscow: Tsentrpoligraf.
- Paleolog, M. (1991) *Tsarskaia Rossiia nakanune revoliutsii* [Tsarskaya Russia on the eve of the revolution], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Perepiska Nikolaia i Aleksandry Romanovykh* (1927) [Correspondence between Nikolai and Alexandra Romanov], Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Pushkareva, N. L. (1998) Gendernye issledovaniia: rozhdenie, stanovlenie, metody i perspektivy [Gender studies: birth, formation, methods and perspectives], *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 76—89.
- Pushkareva, N. L. (2002) “Pishite sebja!” Zadachi issledovaniia rannikh zhenskikh avtobiografiï [“Write yourself!” The tasks of the study of early female autobiographies], *Wiener slawistischer Almanach*, vol. 55, SS. 333—349.
- Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge], St. Petersburg: Aleteïa.
- Pushkareva, N. L. (2014) Ob èmpatii v antropologii i vazhnosti razdel'nogo opisaniia i izucheniia muzhskoi i zhenskoi povsednevnosti [About empathy in anthropology and the importance of separating the description and study of male and female daily life], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—11.
- Rounding, V. (2012) *Alix and Nicky: The Passion of the Last Tsar and Tsarina*, London: St. Martin's Press.
- Savchenko, P. (1939) *Gosudarynia imperatritsa Aleksandra Fedorovna* [Empress Alexandra Feodorovna], Belgrad.
- Vitte, S. Iu. (1991) *Izbrannye vospominaniia, 1849—1911 gg.* [Selected memories, 1849—1911], Moscow: Mysl'.
- Vospominaniia velikoï kniagini Marii Pavlovny* (2004) [Memories of the Grand Duchess Maria Pavlovna], Moscow: Zakharov.
- Vovk, J. (2012) *Imperial Requiem: Four Royal Women and the Fall of the Age of Empress*, Bloomington: iUniverse.
- Vyrubova, A. A. (2012) *Vospominaniia. Stranitsy moeï zhizni* [Memories. Pages of my life], Moscow: Zakharov.

О. М. Морозова, Т. И. Трошина

ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ СЛЕД В ЖЕНСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 63—73

На материалах автобиографических повествований активных участниц событий изучается женское поведение в период политических и социальных катаклизмов начала XX в. Выдвинуто предположение, что политическая активность, проявляемая работницами, имела в своей основе сугубо традиционалистскую подоплеку. Участие в сообществах артельно-земляческого типа подготавливало женщину к кружковой работе, авторитет мужа и старших мог привести ее вслед за ними «в политику» в качестве преданной исполнительницы. Опасливость сочеталась у женщин с чувствительностью к абстрактным обещаниям, например лучшей жизни, а их публичное скандальное поведение становилось провокацией массовых акций.

Ключевые слова: русская революция, гендерная история, женские нарративы, традиционно-патриархальные модели женского поведения.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.6

O. M. Morozova, T. I. Troshina. Patriarchal trace in female revolutionary activity

The authors of the article emphasize that the reconstruction of revolutionary events in the most accessible synchronic documents, deposited in the archives, and in the other sources does not reflect the some of the semantic aspects of these events that do not clearly show the special role in this events of women. This seems to be true not only of women of those stratum, which already during the decades before 1917 enriched the ranks of revolutionaries (nobility, clergy, intelligentsia), but also from traditionalist, peasant layers — and not only in cases where women were marginalized, without the support of the family or moving to the “urban lower classes”.

The lack of sufficiently representative documents that could reconstruct the real activity of women in revolutionary events prompted the authors to carefully

© Морозова О. М., Трошина Т. И., 2017

Морозова Ольга Михайловна — доктор исторических наук, профессор кафедры связей с общественностью, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, olgafrost@gmail.com (Dr. Sc., Professor at the Public Relations Department, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia).

Трошина Татьяна Игоревна — доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия, tatr-arh@mail.ru (Dr. Sc., Professor at the Social Work and Social Security Department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia).

analyze the few sources, primarily of personal origins (memories, later recorded stories, etc.), in which there is some information about the motives for women involvement in revolutionary activities, the reasons that forced them to break out of patriarchal chains — which however hard and difficult — still provided some protection.

This article studies behavior of women in the period of political and social cataclysms at the beginning of the XX c., based on autobiographical narratives written by women — active participants in events. The authors suggest a version that the political activity shown by female workers was based on a purely traditionalist background. Participation in artel and territorial types of communities could lead to a participation in political and other forms of collaboration. The authority of a husband and other men could encourage a woman (wife, daughter, sister, sometimes even a mother) to follow them “into politics” as a devoted performer. The inherent caution of women was combined with their sensitivity to abstract promises, for example, the promise of a better life. The scandalous public behavior of the women acted as a trigger of mass actions.

On a large number of concrete life histories the authors present pictures of the inclusion of women in various forms of self-protective, emancipatory, political activities.

Key words: the Russian revolution, gender history, female stories, traditional and patriarchal models of female behavior.

Удивившее человечество в начале XX в. явление — социалистическая революция в далеко не передовой в социальном и экономическом отношении стране — задало правоверным марксистам загадку, кто же выступил в этой революции орудием прогресса. В самом низу российской пирамиды доминирования находились миллионы женщин-простолюдинок, крестьянок и мещанок, подчиненных всем — от царя-батюшки до отца-деспота и мужа-самодура. Но ни один бунт не обходился без их участия. В годы Первой мировой войны женщины — солдатки и работницы были основными подстрекателями и зачинщиками беспорядков в тылу [Канищев, 2001; Кирьянов, 1993]. В газетах 1917 г. отдельно отмечается активное участие женщин в митингах, демонстрациях и других общественных акциях. Ликвидация в феврале 1917 г. традиционных авторитетов — монарха и всей завязанной на нем властной вертикали — привела к усилению в стране общественной активности, причиной которой было в числе прочего повышение нервозности населения в условиях исчезновения привычных ориентиров. Женщины по причине их высокой эмоциональности оказались наиболее уязвимы и беззащитны перед этим испытанием. Спустя годы активные участницы революционных событий охотно писали воспоминания, заявляя о своей природной предрасположенности к идеям классовой борьбы и сознательном восприятии задач пролетарской революции.

В 2015 г. авторы данной статьи закончили исследование в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Женский революционный нарратив: исторический, психологический, социальный контекст», в ходе которого собрали и изучили хранящиеся в архивах Российской Федерации, Украины, Азербайджана, Латвии многочисленные воспоминания тех, кто именовали себя старыми революционерками. Основная масса их — представительницы низших слоев, женщины с невысоким уровнем образования и столь же невысокой степенью

рефлексии. Среди вопросов, ответы на которые мы искали в этих документах, выделялся главный: что же толкнуло этих женщин в гущу событий? Для интерпретации наиболее спорных моментов в текстах привлекалась разработанная архангельским психологом М. Л. Кубышкиной экспертная система ВААЛ (2005 г.), в основу которой был положен контент-анализ в сочетании с психолингвистическими методами [Кубышкина, 1997]. Неожиданным стал вывод специалиста о том, что для большинства мемуаристок была характерна традиционная модель женского поведения, тем не менее она не воспрепятствовала их активному участию в революционных и военных событиях.

В связи с этим выводом мы поставили отдельную задачу — выявить конкретные социальные и ситуативные условия и ментальные императивы, которые влияли на массовое женское поведение в предреволюционные годы и в самом начале революции. Объектом исследовательского внимания стали женщины-простолюдинки, в основном те, кто до 1917 г. работали по найму за гроши и никакими «идеями» не интересовались.

Данный аспект прошлого освещен недостаточно, преимущественно авторы обращались к судьбам выдающихся женщин-революционерок. Это было в традиции советской историографии и характерно для современных исследований [Головков, 2010; Женщины-террористки в России, 2000]. Если же речь и заходила о бабах-бунтарках, то как о части народных движений. На «массовичек» обратили внимание в своей третьей книге о женском революционном движении в России А. Хильяр и Дж. Мак-Дермид [Hillyar, McDermid, 2000]. Ее основой стали биографические материалы, собиравшиеся в 1920-х гг. по линии Истпарта, Общества старых большевиков и Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, т. е. серийные документы с довольно стандартизированной структурой и содержанием, а также материалы из столичных архивов. Мы же изучали поведение наиболее массового слоя женщин, вовлеченных в протестное движение в предреволюционный период и проявивших политическую активность сразу после ликвидации монархии. Хотя и «сознательные работницы» интересовали нас как своего рода контрольная группа по отношению к этим «массовичкам». Да и граница между ними крайне зыбка: «сознательные» не реже несознательных путали эсеров с большевиками, а управу исполкома с Советом депутатов.

А. М. Коллонтай утверждала, что революция породила новый тип женщины, незамужней и независимой. Она работает и самостоятельно определяет свой образ жизни. В действительности такой женский тип появился задолго до революции под влиянием демографического перехода, индустриализации и урбанизации. Новым по своей сути этот типаж не был. В нем органично сочетались традиционные женские роли с чертами, появившимися под влиянием широких социальных трансформаций.

На рубеже XIX—XX вв. социальные и экономические требования, влияющие на формы устройства в жизни выходцев из малоимущих слоев общества, изменились. Возникла объективная необходимость в женских профессиях, нужных эпохе индустриального развития. Из наиболее массовых была профессия портнихи. Путь к ней лежал через ученичество — время унижений и обид, а потом наступал другой тяжелый период — работа в мастерской на хозяйку. Бывшие портнихи есть и среди известных революционерок: Г. Гельфман,

Ц. Зеликсон-Бобровская. Только когда портниха приобретала опыт, клиентуру, покупала собственную швейную машинку, она становилась по-настоящему уважаемым человеком, но горечь старых обид делала ее чувствительной к любым разговорам о лучшем устройстве мира. Так, в 1905 г. в бакинском союзе портных тон задавали высокочеловеческие портнихи, которые, пользуясь своим исключительным положением, помогали радикалам не только деньгами, но и активным содействием [АПД УДПАР, д. 55, л. 4 об.].

В Архангельской губернии судьбы женщин в эпоху индустриализации, которая пришлась на рубеж XIX—XX вв., были примерно схожи. Крестьянки в детстве и ранней юности работали в городе прислугой. На Севере не считалось зазорным, чтобы девушка до замужества заработала «на сарафан» (т. е. на скромное приданое). Архангельск был небольшим городом, его численность стала возрастать только в начале XX в. в основном за счет сельского населения. У подавляющего большинства горожан были родственники в деревне, земляки. Девушки-крестьянки обычно нанимались на работу в знакомые или родственные городские семьи.

Любопытство, а также желание познакомиться с молодыми людьми из своего круга заставляли девушек в нарушение традиционной застенчивости выходить на улицу, в том числе и во время различных массовых мероприятий. Митинг в данном случае мог стать заменой традиционных посиделок и погулянок. Работница одного из архангельских лесозаводов, Прасковья Фролова, бывшая первоначально прислугой, описывала свой первый опыт участия в демонстрациях 1905 г., после чего ее «все время звали политиканткой», потому что она «всем интересовалась» [ГААО ОДСПИ, оп. 4, д. 144, л. 4—5].

Если девушка-прислуга не была просватана за крестьянина, она нередко не возвращалась в деревню, оставалась в городе и переходила на фабрично-заводскую работу. На заводах женщины стали трудиться только в годы Первой мировой войны (в Архангельской губернии это была тяжелая, неквалифицированная работа на лесопильных и деревообрабатывающих предприятиях). До этого они были «держателями» казарм — общежитий для одиноких рабочих, т. е. выполняли ту же работу прислуги: убирали казармы, стирали белье, готовили. Так или иначе они включались в политическую деятельность проживавших в казармах мужчин. Крестьянки становились работницами и тогда, когда различные обстоятельства вынуждали их приехать в город к мужу-отходнику, чей заработок не позволял содержать семью.

Далеко не каждая молодая работница оказывалась в сфере влияния радикальных идей. Для этого нужны были особые качества. Как отмечала дочь стрелочника Паша Карташева, была она в молодости бедовая, вот ребята из мастерских и втянули ее в стачки и в распространение прокламаций [ЦДНИРО, д. 1328, л. 137—138]. Но и сопротивление патриархальной среды было существенным. В 1903 г. отец зверски избил табачницу Волкову, имевшую кружковое прозвище Жанна, за то, что она ходила на собрания, отбил ей легкие, и она вскоре умерла [там же, д. 303, л. 1].

Случалось, что провоцирующим массовые волнения моментом были обиды, нанесенные женщинам. Стачка рабочих Владикавказской железной дороги в мае 1902 г. началась на станции Тихорецкая на волне возмущения делом

Золотовой, подвергшейся групповому изнасилованию в полицейском участке [там же, д. 1354, л. 5]. Ноябрьская стачка того же года в Ростове-на-Дону приобрела общегородской характер после избиения казаками работниц табачных фабрик Асмолова, Кушнарева, Асланиди [там же, л. 13]. Но это не значит, что мужчины поднялись движимые чувством благородного негодования. Их к тому подвигли немилосердные стенания баб, которые ругали мужчин на чем свет стоит, призывая отомстить и провоцируя на протестное выступление. А. Н. Энгельгардт писал: «Бабы всегда осиливают мужиков. И тот, кто заводит какое-нибудь новое дело, чтобы иметь успех, должен прежде всего обратить внимание, насколько будут задеты бабы интересы в этом деле, потому что вся сила в бабах» [Энгельгардт, 1956: 175].

Важную роль в приобщении женщин-простолюдинок к революционному движению играло видение ими путей социального и материального подъема. Нередко эти пути лежали через кружковую деятельность. В кружке можно было получить помощь в подготовке к экзаменам, деньги для оплаты курсов, т. е. поддержку, которой многие девушки были лишены в жизни. Первоначально девушек-работниц привлекала возможность найти там бесплатных репетиторов, чтобы приобрести знания для сдачи экзаменов, которые были условием получения хорошо оплачиваемой работы. Дополнительный интерес представляло повышение в глазах окружающих личного статуса, возможность завести в кружке престижные знакомства (среди студентов и служащих) и даже выйти замуж. Девушка из бедной семьи Софья Цукерблюм нашла в кружке мужа-учителя [НАРА ХДНИ, д. 74, л. 12], работница табачной фабрики Елизавета Торсуева — мужа-врача, М. М. Резанова [Анисимова, Бобров, 1968]. Так революционность становится одной из стратегий жизненного устройства.

Крестьянская девочка Малова, уроженка Казанской губернии, поступившая на службу прислугой к учительнице Виноградовой, была буквально соблазнена «прелестными речами» приехавших на лето студентов. Они ее уверили, что если она будет им предана и будет выполнять их поручения, то случится так, что ее безземельный отец станет землевладельцем, а сама она больше не будет служить своей хозяйке. Ей было дано задание по ночам, переодевшись в мужскую одежду, чтобы не привлекать ненужного любопытства, подбрасывать во дворы книжки «возбуждающего характера». Студенты купили ее отцу лошадь, и он возил их по окрестным селам, когда они приезжали в уезд из города. Но в 1905 г. во время крестьянских волнений отец погиб. Годы после этого Малова жила обычной жизнью. Февраль 1917 г. ее застал в Тифлисе, где работала горничной у поручика. Он среагировал на неожиданные для него речи прислуги о наступившей свободе закономерно — указал ей на дверь. Оказавшись на родине, девушка связалась со старыми знакомыми и включилась в революционную деятельность [ЦДНИРО, д. 727, л. 1].

Но все же типичным для женщин-простолюдинок было убеждение в ответственности мироустройства с царем-батюшкой и господами наверху. Когда одна из ростовских трамвайщиц, бывшая деревенская девушка, впервые услышала речь о необходимости свержения царя, то испытала сильное потрясение [там же, д. 1328, л. 18].

Патриархальный мир не готов был сдаваться. Ц. С. Зеликсон-Бобровская, работавшая в 1904 г. в Баку под кличкой Ольга Петровна, вспоминала реакцию жен рабочих на ее участие в митинге: они говорили, что она взялась не за свое дело, называли бесстыдницей. Она также отмечала, что политическую активность проявляли лишь ремесленницы, т. е. женщины, зарабатывавшие своим трудом. И только после того как в результате забастовки была увеличена зарплата и сокращен рабочий день, бабы перестали пилить своих мужей за оставку работы [АПД УДПАР, д. 212, л. 19, 22].

На ростовских табачных фабриках трудились в основном женщины, небольшое количество мужчин-слесарей предпочитали держаться отдельно от них. Забастовки и локауты, устраиваемые табачниками, они считали для себя необязательными, продолжали работать и даже не давали табачникам бить представителей администрации, которые знали, что в острый момент можно укрыться за спинами слесарей. В 1917 г. после образования союза табачников в него вошли только женщины, мужчины вступили в союз металлистов [ЦДНИРО, д. 1328, л. 4]. Проявилось традиционное деление на мужские и женские занятия.

Когда весной 1917 г. Анну Коростылёву избрали в Совет депутатов, об этом было сообщено в газете — ее мать пришла от этой новости в крайнее беспокойство. Анна в дальнейшем описала это событие такими словами: «...и она поняла, что это нехорошее дело, чтоб женщину-солдатку в газете протянули! Прихожу домой с работы — она, обняв газету руками, сидит и плачет. Я спрашиваю, что случилось, а она меня хлестает по щекам: до чего ты, дескать, домоталась, что даже в газету попала. Тут пришли соседи, объяснили ей, что это дело неплохое, что это выбирают лучших людей, а она все твердит, что гласным думы мог быть только барин, а тебя, дуру, в насмешку поставили» [там же, д. 604, л. 29 об.].

Эта инерция имела и свои плюсы — для революции, конечно. До 1917 г. градоначальство, полиция, жандармерия продолжали не замечать активность женщин-работниц. Если мужчины, участвовавшие в экономических забастовках, ночами дома не показывались, чтобы не быть арестованными, то женщин, также принимавших в них участие, не трогали, считая их «барашками», которых куда погонят, туда они и идут [там же, д. 1328, л. 17].

Очевидным является утверждение, что неудовлетворенность толкала в протестный лагерь. Но в случае с недовольными женщинами важен был и фактор неудавшейся семейной жизни. Ульяна Тумская, 1875 года рождения, и после замужества продолжала работать. В 1902 г. она впервые услышала речь агитатора, сказавшего, что придет время и власть будет в рабочих руках, и стала завсегдатаем всех сходок и митингов: «С тех пор у меня пошло это стремление, где что ни говорили, я была везде» [там же, л. 142]. Там она познакомилась со слесарем Алексеем и вышла за него замуж. После Февральской революции тот активно сотрудничал с советскими органами и эвакуировался вместе с ними в мае 1918 г. Ульяна уехала тоже, но вскоре уговорила мужа вернуться назад. И их дом стал явочной квартирой ростовских подпольщиков [там же, л. 142—145].

Среди деревенских насельников всегда встречались семьи лохмотников. Неудачи во всех делах рождали протест по отношению ко всему, он передавался от отцов к детям. Так, отец уже упоминавшейся Анны Коростылёвой, народный

учитель, был, по ее словам, «протестантом», не верил ни в Бога, ни в царскую власть. Он намеренно провоцировал общественное мнение своим безбожием, конфликтовал с местными властями, за что и был осужден к заключению, а семью оставил в нищете и безденежье, хотя часто говорил о неизбежности лучшей жизни. Протест становился поведенческой матрицей, руководящей реакцией на всякие острые ситуации. Ребенком Анна переступала запреты, казавшиеся ей несправедливыми. Наказания и унижения только укрепляли ее сопротивление. Повзрослев, она стала открыто выражать свое несогласие с решениями лиц, которые другим женщинам ее круга казались непререкаемыми авторитетами. Это и привело ее в 1917 г. к роли лидера ростовских солдаток.

Число работающих женщин особенно выросло в годы Первой мировой войны: требовался приток новых человеческих сил в сферы занятости, освобождаемые мобилизованными, и расширение числа участвующих в работе обороны и тыла. Летом 1915 г. ростовская газета «Приазовский край» сообщала о появлении новой профессии как о событии, из ряда вон выходящем: «Кондукторша — это очень грубо, гораздо приятнее звучит кондуктриса. Называют же начальниц женских гимназий директрисами...» [ГАРО, ф. Р-2599, оп. 1, д. 53, л. 162]. Ростовский трамвай принадлежал бельгийскому акционерному обществу, поэтому там существовал профсоюз, который добился, чтобы на места демобилизованных на войну рабочих принимали их жен; так первыми женщинами-кондукторами стали жены трамвайщиков. Принимали на эту должность только грамотных, умеющих писать и считать. Когда в октябре того же года профсоюз начал экономическую забастовку, администрация рассчитывала использовать трамвайщиц в качестве штрейкбрехеров, пообещав двойную оплату за работу во время забастовки. Некоторые женщины согласились, но далеко не все. Забастовка закончилась победой, и зарплата была повышена. Многим это придало уверенности в своих силах [там же, л. 165].

Удивительным образом все, что происходило в те годы, толкало людей в поле общественной активности конфликтного характера. Так, солдатка, пока ей полагался от государства паек, была желанным членом в семье мужа. Когда паек перестал выдаваться (в 1917 г. в связи с пересмотром условий предоставления такой социальной помощи, а также по причине недостатка средств на местах), родственники мужа могли выгнать ее из дома, и она была вынуждена пойти на сожительство с мужчиной, согласившимся ее приютить. Вернувшийся с фронта муж требовал развода, и женщина при поддержке односельчанок начинала бороться за свое право при разводе получить долю в общем хозяйстве [ГААО, ф. Р-124, оп. 1, д. 402, л. 169, 169 об.].

Именно на женщин могли опереться советские активисты, занимавшиеся «учетом» продовольственных запасов у зажиточных граждан и промышленных товаров в торговых лавках, а также переделом земли. Содействуя им, женщины решали проблему обеспечения питанием своих семейств [ГААО ОДСПИ, оп. 4, д. 144, л. 19].

С 1916 г. прием женщин на промышленные производства приобрел широкие масштабы. Они работали помощницами слесарей, разметчицами, браковщицами, фасовщицами. Начавшийся в 1917 г. развал армии сказался на положении женщин, занятых на промышленных производствах. В июне в Таганроге на Русско-Балтийском заводе работала комиссия городского Совета рабочих и солдатских

депутатов, задача которой заключалась в выявлении лиц, имеющих иные источники к существованию, помимо заработка, с целью освобождения рабочих мест для безработных. Среди назначенных комиссией к расчету оказались разметчицы, браковщицы, реже — работающие у станка. Как средства к существованию у таких работниц рассматривались: заработок хотя бы одного из членов семьи, состоящей пусть даже из 13 душ, сдача углов и комнат в собственном доме и наличие другой специальности (многие из работниц в молодости обучались портняжному делу). Заработок этих женщин мог составлять до 100 руб. в месяц, что и стало причиной «охоты на ведьм» на заводе. Инициатива удаления с производств женщин принадлежала солдатской секции Совета. Демобилизованные или отправленные в длительный отпуск для излечения от ран и болезней солдаты нуждались в рабочих местах. Традиционно считалось, что обеспечением женщин должны заниматься мужчины их семей. Поэтому женщин в первую очередь лишали должностей, не учитывая их реального материального положения. Это касалось и тех должностей, которые требовали особого образования или навыков. На места машинисток, стенографисток, секретарш не задумываясь принимали солдат-инвалидов, нередко почти неграмотных.

Подобная «зачистка» производств проходила по всей стране. Нуждаясь в заработке, женщины уходили на должности нянечек и санитарок в военно-полевые госпитали, а в их составе им была прямая дорога в одну из армий [ГАОО].

Но большинство женщин приветствовали возвращение мужчин с фронта, ведь война приводила к разладу в семейном хозяйстве. В сентябре 1916 г. Ростовским отделением военной цензуры была задержана открытка, склеенная из двух. Внутри был обнаружен текст предосудительного содержания. Меланья Филипповна Дуванова писала мужу-военнопленному в Германию: «Сергей Васильевич, у нас Россия почти гола и голодна. У нас в Богославке хлеба почти нет. Должно, заскубют нашего Николку; ума нема... воевать; только люди пропадают» [ГАРО, ф. 116, оп. 1, д. 15, л. 59]. В 1917 г. женская часть митингующих стала проявлять симпатии к большевистским ораторам благодаря их антивоенным речам [ЦДНИРО, д. 303, л. 3].

Крестьянки и мещанки восприняли революцию как освобождение от семейного угнетения и домашнего затворничества. Из речей архангельских крестьянок на собраниях, посвященных сбору воспоминаний о революции, следует, что избавление от ига капитала и побоев мужа были для них равноценны. И это при том, что у одной из выступавших муж сидел при белых в тюрьме и она преданно добивалась свидания с ним [ГААО ОДСПИ, оп. 3, д. 581, л. 14]. Майкопские бабы обсуждали свободу так: «Пусть мне муж больше не говорит “стерва”» [НАРА ХДНИ, д. 66, л. 64 об.—65].

Политические формы новой демократии тяжело давались народным массам. Их реакции на нововведения настолько поражали просвещенную публику, что ее представители особенно старательно фиксировали примеры подобного рода. Допуск женщин к участию в сельских сходах сопровождался обменом остротами. Мужики-односельчане говорили: «Проходите вперед, бабоньки, ведь вы у нас теперь равноправные, вместе воевать пойдем». И получали на это достойный ответ: «Ладно, мы воевать, а вам придется ребят рожать да нянчить» [ГАНИПО].

Выборы в Учредительное собрание вообще были за гранью их понимания. Девушка-прислуга, явившись в исполком Ростовского Совета за разъяснениями, рассказала следующее: «Наш приказчик один говорил, что тут есть такой список, если за него подпишешься, то больше работницей не будешь, потому что тогда не будет ни бедных, ни богатых, а будут все равны и называться будут “товарищи”» [ЦДНИРО, д. 84, л. 2]. Деревенские бабы нередко становились объектом недобросовестной агитации в день выборов. Местная милиция сгоняла их в помещение правления и настойчиво рекомендовала голосовать за № 1. «Нонче у нас всех баб сгоняют в школу, квитки какие-то отбирать будут», — говорила деревенская «свободная, равноправная гражданка» [СОМК].

В условиях беспрецедентной агитационной работы среди всех слоев населения во время подготовки к выборам 1917 г. (в Учредительное собрание, в местные органы власти различных видов, в земства, прежде всего в волостные) женщины оказались разделены на группы в зависимости от своего статуса именно в традиционной среде. Например, замужние женщины, чьи мужья были дома, или те, кто относительно благополучно проживали в семьях отцов либо свекров, готовы были передать свое «право голоса» старшим мужчинам. Другие женщины, прежде всего в деревнях, у которых мужчины были на фронте или погибли там, находились в плену или на городских работах, становились особым объектом агитации. Политические партии боролись за их голоса не столько между собой, сколько с семейными авторитетами. Так, направленный в отдаленную волость Каргопольского уезда для организации выборов волостного земства помощник уездного комиссара сообщал, что хотя его предложение прошло большинством голосов, но это большинство женское. А так как против волостного земского самоуправления выступали в основном старики, то у него не было уверенности, что при соответствующем внушении женщины не изменят своего мнения во время повторного голосования [ГААО, ф. 1988, оп. 1, д. 43, л. 16, 24, 25].

1917 г. раскачал ситуацию в стране. На окраинах России началась трехлетняя «чехарда» режимов. Женские массы в этих условиях вели себя столь же неровно. Донские «старые революционерки» откровенно рассказывали на истпартовских вечерах воспоминаний, что при Советах они охотно участвовали в различных мероприятиях, а при казаках уходили полностью в семью и быт [ЦДНИРО, д. 1328, л. 7].

Смена властей непременно сопровождалась уличными расправами, где женщины выступали как основной провоцирующий элемент. Уход советских отрядов из Ростова в декабре 1917 г. после недельной власти коммуны открыл первый период уличного террора, в котором женщины сыграли свою роль. Одни намеренно выдавали всех связанных с ушедшими отрядами. Другие могли делать это по бабьей глупости. Бывший красногвардеец Николаенко вспоминал: «Я живу в Нахичевани, 7-я линия, у дяди, на квартире еще одна семья сапожника с фабрики; волнуюсь, боюсь попасть на язык к бабе, что был с винтовкой...» [там же, д. 813, л. 4].

Во время же установления советской власти погибало немало гимназистов, студентов, чиновников технических ведомств, на которых женщины натравливали красноармейцев как на офицеров. Не только посторонняя баба могла показать, где живет «офицер» или даже «генерал», но и прислуга, обиженная

каким-то притеснением [Мокиевская-Зубок, 2001: 243]. После начала военных столкновений между противоборствующими сторонами именно женщины заправляли расправами над пленными, которых они обвиняли в гибели своих близких [Моисеев, 1960: 22]. Горожанки и крестьянки сначала терзали буржуазию, потом так же яростно разоблачали большевиков. По мнению очевидца таких изобличений, они руководствовались злобой и чувством мщения за пережитый страх [Борьба за Советы на Севере... , 1926: 98].

Таким образом, эмпирический материал, собранный в архивах, показывает разрыв между внешними проявлениями человеческого поведения и их глубинной подоплекой. За активной общественной ролью, соответствующей, казалось бы, высокой степени социальной зрелости, проступают реакции агрессии и растерянности, рожденные страхом и неопытностью. Так, вхождение покинувшей дом и семью женщины в сообщества, образованные по типу артельно-земляческих групп, могло сделать ее участницей нелегальной деятельности. Исполнение традиционно-патриархальной роли жены нередко приводило ее вслед за мужем «в политику». Опасливость, подозрительность по отношению к чужим и малознакомым людям сочетались с доверчивостью к абстрактным обещаниям, например лучшей жизни. Соблюдение патриархальной иерархии в подчинении и распоряжении делало из женщин преданных исполнительниц, а их скандальное поведение в публичном пространстве становилось провокацией массовых акций (обычай позволял женщине в определенных ситуациях демонстративную делинквентность как свидетельство ее отчаянного положения).

Библиографический список

- Анисимова М., Бобров В.* В конце века: распространение марксизма на Дону // Молот. 1968. 6 мая.
АПД УДПАР (Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики). Ф. 276. Оп. 2.
Борьба за Советы на Севере (1918—1919) / Истпарт Архангельского губкома ВКП (б). Архангельск: Изд. кооп. товарищества «Призыв», 1926. 182 с.
ГААО (Государственный архив Архангельской области).
ГААО ОДСПИ (Государственный архив Архангельской области. Отдел документации социально-политической истории). Ф. 8660.
ГАНИПО (Государственный архив новейшей истории Псковской области). Ф. 9952. Оп. 2. Д. 21. Л. 6.
ГАОО (Государственный архив Одесской области). Ф. 13. Оп. 3. Д. 45. Л. 3.
ГАРО (Государственный архив Ростовской области).
Головков Г. З. Женское лицо русской революции, 1861—1917. М.: Флинта, 2010. 517 с.
Женщины-террористки в России: [бескорыстные убийцы] / сост. О. В. Будницкий. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 640 с.
Канищев В. В. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе: труды VII конференции ассоциации «История и компьютер». М.: Мосгорархив, 2001. С. 134—159.
Кириянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 8—9.

- Кубышкина М. Л. Психологические особенности мотивации социального успеха: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1997. 222 с.
- Моисеев С. И. Полк рабочей Москвы. М.: Воениздат, 1960. 108 с.
- Мокиевская-Зубок З. С. Гражданская война в России, эвакуация и «сидение» в Галлиполи глазами сестры милосердия военного времени (1917—1923) // Добровольцы: сборник воспоминаний. М.: Русский путь, 2001. С. 241—329. (Наше недавнее; вып. 8).
- НАРА ХДНИ (Национальный архив Республики Адыгея. Хранилище документов новейшей истории). Ф. П-1293. Оп. 1-л.
- СОМК (Старооскольский музей краеведения, Белгородская область). Ф. 5. Оп. 2. Д. 4. Л. 45.
- ЦДНИРО (Центр документации новейшей истории Ростовской области). Ф. Р-12. Оп. 3.
- Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872—1887. М.: Сельхозгиз, 1956. 491 с.
- Hillyar A., McDermid J. *Revolutionary Women in Russia, 1870—1917: a Study in Collective Biography*. Manchester; New York: Manchester University Press, 2000. 232 p.

References

- Anisimova, M., Bobrov, V. (1968) V kontse veka: rasprostranenie marksizma na Donu [At the end of the century: the spread of Marxism on the Don], *Molot*, 6th May.
- Bor'ba za Sovety na Severe (1918 — 1919) (1926) [Fight for the Soviets in the North (1918—1919)], Arkhangel'sk: Izdanie kooperativnogo tovarishchestva "Prizyv".
- Engel'gardt, A. N. (1956) *Iz derevni: 12 pisem, 1872—1887* [From the village: 12 letters, 1872—1887], Moscow: Sel'skokhoziaistvennoe izdatel'stvo.
- Golovkov, G. Z. (2010) *Zhenskoe litso russkoï revoliutsii, 1861—1917* [The female face of the Russian revolution, 1861—1917], Moscow: Flinta.
- Hillyar, A., McDermid, J. (2000) *Revolutionary Women in Russia, 1870—1917: A Study in Collective Biography*, Manchester, New York: Manchester University Press.
- Kanishchev, V. V. (2001) *Mozhno li izmerit' parametry "russkogo bunta"?* [Is it possible to measure the parameters of the "Russian revolt"?], in: *Krug ideï: Istoricheskaia informatika v informatsionnom obshchestve: Trudy VII konferentsii assotsiatsii "Istoriia i komp'iuter"*, Moscow: Moskovskii gorodskoi arkhiv, pp. 134—159.
- Kir'ianov, Iu. I. (1993) *Massovye vystupleniia na pochve dorogovizny v Rossii (1914—fevral' 1917 g.)* [Mass demonstrations on the grounds of high costs in Russia (1914—February 1917)], *Otechestvennaia istoriia*, no. 3, pp. 8—9.
- Kubyshkina, M. L. (1997) *Psikhologicheskie osobennosti motivatsii sotsial'nogo uspekha*: Dis. ... kand. psikhol. nauk [Psychological features of motivation of social success: Diss. (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Moiseev, S. I. (1960) *Polk rabocheï Moskvy* [Regiment working in Moscow], Moscow: Voennoe izdatel'stvo.
- Mokievskaiia-Zubok, Z. S. (2001) *Grazhdanskaia voïna v Rossii, èvakuatsiia i "sidenie" v Gallipoli glazami sestry miloserdiia voennogo vremeni (1917—1923)* [Civil War in Russia, the evacuation and the "seat" of Gallipoli in the eyes of the sister of mercy in time of war (1917—1923)], in: *Dobrovolitsy: Sbornik vospominaniï*, Moscow: Russkii put', pp. 241—329.
- Zhenshchiny-terroristki v Rossii* (1996) [Female bombers in Russia], Rostov-on-Don: Feniks.

ББК 63.3(2)53-284.3

Н. Б. Гафизова

**ФЕМИНИЗМ, КЛАСС И ПАРТИЯ
В СТРАТЕГИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО
ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX в.**

Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 74–83

Анализируется опыт взаимодействия международного и российского женского движения в начале XX в. Выявляется специфика сотрудничества российских женских организаций с такими международными женскими объединениями, как Международный женский совет, Международный женский суфражистский альянс, Международный женский социалистический секретариат. Делается вывод о том, что стратегии либерально-реформистских и левых социалистических организаций в их взаимодействии с международными структурами определялись спецификой соотношения женских, классовых и партийных интересов.

Ключевые слова: феминизм, женское движение, международное женское движение, Международный женский совет, Международный женский суфражистский альянс, Международный женский социалистический секретариат, класс, партия.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.7

**N. B. Gafizova. Feminism, class and party in the strategies
of interaction between international and Russian women's
movements in the beginning of the XX c.**

The article is devoted to the strategies of interaction between Russian and international women's movements in the beginning of the XX c. The author analyzes the interaction with International Council of Women, International Women's Suffrage Alliance and International Women's Socialist Secretariat. All these organizations defined their mission in different ways.

The central idea of International Council of Women was "global sisterhood" and its activity was aimed at consolidating all women regardless of their class, party and nationality affiliations. The mission of International Women's

© Гафизова Н. Б., 2017

Гафизова Наталья Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории управления, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново, Россия, gafizovanb@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Theory of Management, Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo, Russia).

Suffrage Alliance was political equality for women as a condition for their further emancipation. The activity of International Women's Socialist Secretariat was devoted to consolidation of proletarian women based on their class interests. Class and party interests played a big role in the relationship with International Women's Socialist Secretariat. These ideological principles of international organizations determined the results of interaction.

The interaction with International Council of Women put forward the feminist ideas in Russia and stimulated consolidation of women into National Council. The interaction with International Women's Suffrage Alliance was successful in organizational terms and supported Russian suffrage groups' activities. It also contributed to the acquisition of voting rights by Russian women. In interaction with the International Women's Socialist Secretariat, a large role was played by party and fractional conflicts. The conflict of these interests led to the disintegration of IWSS.

The author concludes that the strategies of interaction with international women's organizations were determined by the specifics of the organizational structure of international association and the character of its membership, ideology, which prioritized women's, class and party interests.

Key words: feminism, women's movement, international women's movement, International Council of Women, International Women's Suffrage Alliance, International Women's Socialist Secretariat, gender, class, party.

Вводные замечания

Статья посвящена анализу стратегий взаимодействия российского женского движения с международным. Центральной гипотезой исследования стало предположение о том, что идеологическая платформа каждой международной женской организации определяла своеобразное сочетание женских, классовых и партийных интересов. В свою очередь, эта конфигурация обуславливала стратегии взаимодействия на уровне международного сотрудничества и тактику коллективных действий на национальном уровне.

Исследовательская традиция и методология

Библиография по социологии и истории женского движения довольно обширна. Начиная с конца 1980-х гг. исследование феминизма и женского движения перестает быть табуированным, а открывшиеся возможности изучения трудов западных ученых, освоение новых подходов обусловили появление большого количества работ по этой тематике. Среди концептуальных исследований конца 1980-х — 1990-х гг., посвященных различным этапам жизни женщин и эволюции женского движения в России, важно отметить труды как западных историков — Л. Энгельштейн, Л. Х. Эдмондсон, Р. Стайтса, так и российских — О. А. Хасбулатовой, Н. Л. Пушкаревой, С. Г. Айвазовой [Энгельштейн, 1996; Edmondson, 1984; Stites, 1991; Хасбулатова, 1994; Пушкарева, 1996; Айвазова, 1998]. Главной заслугой этих ученых стало то, что они подняли огромный

пласт исторических источников, систематизировали ранее отрывочные и крайне фрагментарные сведения о женском движении в России на разных его этапах. Среди трудов, которые раскрывали новые для российской науки западные социологические подходы к изучению женского движения как общественного (парадигма коллективного действия, теория мобилизации ресурсов, теория политических процессов, гендерная теория), — работы А. А. Темкиной (см., напр.: [Темкина, 1997]).

В начале XXI в. в российской науке происходит становление гендерного понятийного аппарата, в том числе психологического, философского, политологического [Клецина, 2004; Рябов, 2001; Рябова, 2008]. Появляются работы, переосмысливающие историю женского общественного активизма, прежде всего с позиций гендерной теории и современных подходов к анализу женского движения [Хасбулатова, Гафизова, 2003; Хасбулатова, 2005; Юкина, 2004, 2007; Королева, 2007].

В данной статье история российского женского движения начала XX в. рассматривается в контексте взаимодействия с международным женским движением как глобальным движением за равноправие женщин. Под женским движением понимается «совокупность женских организаций, групп и объединений с фиксированным и нефиксированным членством, которые активно действуют в обществе для достижения общей цели — полного и фактического равноправия с мужчинами» [Хасбулатова, 1994: 8]. Поскольку ведущей идеологией женского движения выступает феминизм, то важно также учесть, что в основе женского движения лежит принцип и практика рассмотрения всех социальных проблем с позиции женщин. «Женское движение продуцирует дискурсы и практики, которые определяют социальные условия жизни женщин как дискриминационные и предлагают различные способы изменения этих условий» [Юкина, 2004: 280]. Международное женское движение рассматривается как совокупность международных женских организаций с фиксированным и нефиксированным членством, деятельность которых направлена на улучшение положения женщин и устранение мужской доминации во всем мире.

Стратегии взаимодействия российского и международного женского движения

В начале XX в. наиболее влиятельными международными женскими организациями были Международный женский совет (МЖС), созданный в 1888 г. и объединявший национальные женские ассоциации реформистского толка, Международный женский суфражистский альянс (МЖСА), с 1902 г. ставший организационным центром борьбы за равные избирательные права женщин, Международный женский социалистический секретариат (МЖСС), объединивший в 1907 г. как самостоятельные, так и ассоциированные с социал-демократическими партиями группы работниц.

Обращаясь к анализу взаимодействия российского женского либерально-реформистского движения с *Международным женским советом*, отмечу, что идеология МЖС исходила из идеи «всемирного сестринства», т. е. призна-

ния общности интересов всех женщин без различия по классовой и партийной принадлежности, вероисповедания и национальности [Women in changing world, 1966: 14]. Устав МЖС предполагал коллективное членство национальных советов женщин. Именно поэтому все усилия Русского женского взаимоблаготворительного общества были направлены на объединение разрозненных женских групп в единый национальный совет независимо от их классовой идентификации и партийности.

В 1907 г., когда было принято решение об объединении женских организаций Петербурга, вице-президент МЖС А. П. Философова обратилась через печать с воззванием «К русскому обществу и русским женщинам!», в котором агитировала женские организации объединиться «без различия национальности и вероисповедания... для совместной дружной культурной работы» [Философова, 1907: 23]. Однако все последующие усилия: агитация в женской прессе, пропагандистская деятельность среди женской общественности, попытки объединения на Первом Всероссийском женском съезде — не увенчались успехом. Отсутствие официального полноценного членства существенно обедняло спектр возможных форм взаимодействия. Ведущими формами интеракций выступали участие в конгрессах и конференциях МЖС, личные контакты и переписка лидеров, трансляция идей и опыта практической деятельности Совета в специализированной женской и либеральной прессе.

В годы после начала Первой мировой войны изменился общественно-политический контекст, в котором развивалась деятельность по объединению женских организаций в единый национальный совет. Так, в 1914 г. на Римском конгрессе МЖС А. Н. Шабанова, почетный вице-президент Совета от России, отмечала, что именно отрицательное отношение со стороны правительства делает невозможным создание организации [Шабанова, 1915: 164]. И только в 1916 г. благодаря настойчивости А. Н. Шабановой было достигнуто фактическое соглашение женских организаций Москвы, Петрограда, Харькова, Симферополя, подано прошение министру внутренних дел об утверждении Устава Всероссийского женского совета [Всероссийское женское общество, 1916: 161—168]. Осенью 1917 г. читатели «Женского вестника» были извещены о присоединении Всероссийского женского совета к МЖС.

В целом взаимодействие российских женских организаций с МЖС дало значительные результаты. Среди них — развитие инфраструктуры женского либерального движения, расширение контактов между ранее разрозненными провинциальными и столичными женскими объединениями, распространение либеральных феминистских идей. Ведущей стратегией формирования коллективной идентичности либералок стала деятельность по объединению разнообразных по классовому составу и партийной принадлежности женских групп на основе идеи общих для всех женщин интересов и потребностей.

Взаимодействие с *Международным женским суфражистским альянсом* осуществлялось на иных принципах. К тому времени суфражистское движение представляло собой многочисленные группы — от крайне умеренных суфражисток, считавших возможным постепенное движение к политическому равноправию, в том числе и путем обретения ограниченных (например, имущественным цензом) прав, до радикальных суфражистских групп (так называемых мили-

танток), которые считали, что вопрос о предоставлении женщинам избирательных прав нужно решать кардинально и окончательно. Идеологическая платформа Альянса строилась на приоритете содружества женщин разных классов во имя достижения равных с мужчинами избирательных прав. Устав МЖСА предполагал возможным членство нескольких женских организаций от одной страны. Россия была представлена в Альянсе двумя организациями: в 1906 г. к нему присоединился Союз равноправия женщин, в 1909 г. — Женская прогрессивная партия.

В годы первой русской революции суфражистские идеи в России стали очень популярны и надежды на обретение женщинами равных избирательных прав были высоки. Поэтому членство российских женских организаций сулило выгоды обеим сторонам. В 1907 г. делегация Союза равноправия женщин приняла участие в Копенгагенском конгрессе МЖСА. Интерес к делегации был настолько значительным, что делегаткам из России выделялось времени для выступлений в два раза больше, чем остальным. По свидетельству Н. Минович, иностранные участницы конгресса были изумлены «силой и быстротой освободительного движения, которое создавало впечатление особой загадочности, какую представляет для иностранцев необъятная наша страна» [Мирович, 1907: 6].

Основными направлениями сотрудничества в рассматриваемый период стали совместная пропагандистская деятельность, личные контакты активисток. Лидеры российского суфражизма активно сотрудничали с зарубежными феминистскими изданиями, такими как «Jus Suffragii», «La Femme»; изучали опыт суфражистских объединений других стран в плане организации работы с национальным парламентом, со средствами массовой информации, осуществления агитационной деятельности.

Взаимодействие с МЖСА было значимым ресурсом для российских женских организаций в аспекте пропаганды суфражистских идей, освоения разнообразных форм и методов продвижения идеи политических прав женщин в политических партиях и Государственной думе. Главной стратегией формирования коллективной идентичности либералок стало стремление объединить всех женщин на основе идеи равных избирательных прав.

Обращаясь к рассмотрению взаимодействия российского женского движения с *Международным женским социалистическим секретариатом*, следует отметить одну его важную особенность. МЖСС возник как подструктура II Интернационала, поэтому Секретариат не обладал той самостоятельностью, что была характерна для МЖС и МЖСА. Позиция национальных женских делегаций на мероприятиях Секретариата всегда отражала линию партии — члена Интернационала (для России — РСДРП) в области равноправия женщин.

С момента создания МЖСС поставил перед собой задачу не просто объединить всех женщин-пролетарок, но прежде всего уменьшить среди них влияние феминизма. По мнению К. Цеткин, руководителя МЖСС, Секретариат должен был стать специальным органом пропаганды идей марксизма среди работниц, основой для «слитности в партийной организации мужской и женской половины рабочего класса, при выделенности и самостоятельности агитации среди женщин рабочего класса» [Цеткин, 1960: 21].

В начале XX в. российское женское рабочее движение было представлено немногочисленными женскими организациями. Отсутствие массовости компенсировалось наличием целой когорты партийных женщин-активисток, которые нашли свою нишу во внутрипартийной жизни и имели довольно сильное влияние. Среди них — А. М. Коллонтай, Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд и ряд других. Безусловным лидером была А. М. Коллонтай.

А. М. Коллонтай приняла активное участие в создании МЖСС. Она считала, что выделение женщин-социалисток в автономный Секретариат в структуре II Интернационала позволит преодолеть неустойчивую тактику социал-демократических партий и Интернационала в целом по женскому вопросу, а также отвлечет работниц от идей либерального феминизма.

Следовательно, перед А. М. Коллонтай и ее соратницами стояла важная организационная задача: не только создать женскую группу в структуре партии, но и определить символические границы женской пролетарской идентичности. Для решения этой задачи использовались следующие стратегии. Во-первых, утверждение коллективной идентичности на основании схожести классовых и гендерных характеристик. Внутригрупповая общность формировалась за счет признания того, что пролетарских женщин объединяют общие задачи и потребности: «охрана и обеспечение рожениц, законодательное нормирование труда, борьба с проституцией, с детской смертностью, требование политических прав для женщин, улучшение квартирных условий, борьба с дороговизной жизни и т. д.» [Коллонтай, 1972: 110]. Во-вторых, путь жесткого противопоставления интересов женщин по классово-партийному признаку. Наиболее ярко эта стратегия может быть продемонстрирована на примере поведения рабочей группы под руководством А. М. Коллонтай на Первом Всероссийском женском съезде. Еще в момент подготовки к съезду Коллонтай поставила вопрос таким образом: «...использовать съезд в целях агитации, а также для привлечения в наши ряды рабочих элементов, затронутых женским буржуазным движением» [РЦХИДНИ].

Это в конечном счете позволило А. М. Коллонтай решить две задачи: четко обозначить идеологические границы женского либерального движения и социалистических женских групп и дискредитировать феминистские объединения перед лицом правительства, не допустить создания национального женского совета. Так была достигнута цель символического партийного размежевания и классового разграничения среди женщин.

Таким образом, формирование коллективного «Я» женского социалистического движения лежало на пересечении трех аспектов: гендерного, классового, партийного. Последние два выступали доминантами. Основной стратегией формирования идентичности стала дискредитация идеи общности интересов всех женщин. Сложившиеся в ходе взаимодействия с феминистскими организациями нормы и стереотипы поведения впоследствии активно использовались А. М. Коллонтай и ее коллегами-женщинами по левому крылу РСДРП для раскола МЖСС.

Начавшаяся Первая мировая война максимально обострила противостояние двух оформившихся в рамках II Интернационала идеологических течений — социал-демократизма и ортодоксально-радикального марксизма. Сторонники первого течения занимали преимущественно патриотические

и пацифистские позиции, поскольку в большинстве европейских стран уже признавались значимыми парламентскими силами. Сторонники второго течения, возглавляемые В. И. Лениным, использовали военную ситуацию для укрепления собственных позиций среди левых Европы и России. Центральной идеей, которая объединила все радикальные силы, стал тезис В. И. Ленина о перерастании империалистической войны в революционную борьбу пролетариата с капитализмом.

Поскольку все официальные структуры II Интернационала были под влиянием пацифистски настроенных лидеров, В. И. Ленин использовал МЖСС в качестве легитимной площадки для озвучивания своей позиции и продвижения влияния радикальных идей в европейской социал-демократии. Несмотря на то что лидер МЖСС К. Цеткин занимала центристскую позицию и поддерживала пацифистские идеи, В. И. Ленин сумел перетянуть часть активисток МЖСС на свою сторону, что укрепило его позицию, но ослабило позицию женского социалистического движения на международном уровне. Немаловажную роль в этом процессе сыграла А. М. Коллонтай.

На последней конференции МЖСС (Берн, 26—28 марта 1915 г.) Коллонтай предложила вариант резолюции конференции, подготовленной В. И. Лениным (!). Это привело к расколу женского социалистического движения. Конференция в Берне стала последним международным мероприятием МЖСС. Вся последующая организованная работа среди пролетарок велась в рамках Коминтерна и Международного женского секретариата Коминтерна, созданного только в июле 1920 г. по решению Международной конференции работниц для организации и координации политической деятельности среди трудящихся женщин тем самым левым крылом партии, которое, по сути, развалило прежний Секретариат.

Таким образом, к 1916 г. всякое организованное по линии МЖСС взаимодействие женщин было прекращено. Самостоятельное социалистическое женское движение в России и мире, возникшее в рамках II Интернационала, перестало существовать.

Выводы

Итоги выглядят противоречиво. Взаимодействие с Международным женским советом, несмотря на то что главная цель — объединение всех женщин в единый совет — не была достигнута, в общем носило прогрессивный характер и могло бы стать основой для демократизации политических процессов в России и эмансипации женщин. Сотрудничество с Международным женским суфражистским альянсом было успешным в организационном плане и в плане достижения главной цели российских суфражисток — обретения женщинами избирательных прав. Но события последующих лет привели к полной дискредитации идей феминизма и суфражизма. В течение всей советской эпохи господствовал миф о том, что женские политические права — исключительная заслуга большевиков. Взаимодействие с Международным женским социалистическим секретариатом с организационной точки зрения было наименее

удачным, хотя бы потому что массовых женских пролетарских организаций в России просто не существовало. Именно россиянки в лице А. М. Коллонтай способствовали распаду Международного женского социалистического секретариата из-за партийных противоречий.

В целом стратегии взаимодействия российских женских организаций с международными в начале XX в. стали отражением ряда факторов: специфики структуры международного объединения и характера членства; идеологии, расставлявшей акценты и приоритеты женских/классовых/партийных интересов; тактики внутривластной деятельности.

Библиографический список

- Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
- Всероссийское женское общество // Женский вестник. 1916. № 11. С. 161—168.
- Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
- Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972. 430 с.
- Королева Т. В. Женское либеральное движение и государственная политика в области женского образования во Франции в XIX — начале XX века. Иваново: Иван. гос. энерг. ун-т им. В. И. Ленина, 2007. 227 с.
- Мирович Н. Женское движение в Европе и Америке. М., 1907. 12 с.
- Пушкарева Н. Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М.: РАН, 1996. 301 с.
- РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории). Ф. 134. Оп. 1. Д. 399. Л. 6.
- Рябов О. В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 202 с.
- Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
- Темкина А. А. Женское движение как общественное движение: история и теория // Гендерные тетради. СПб.: Санкт-Петербург. филиал Ин-та социологии РАН, 1997. Вып. 1 / под ред. А. Клецина. С. 183—190.
- Философова А. П. К русскому обществу и русским женщинам! // Союз женщин. 1907. № 2. С. 23.
- Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860—1917). Иваново: Иван. гос. ун-т, 1994. 136 с.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX века). Иваново: Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
- Цеткин К. Социализм придет к победе только вместе с женщиной-пролетаркой. М.: Госполитиздат, 1960. 100 с.
- Шабанова А. О Международном женском конгрессе в Риме в мае 1914 г. // Женский вестник. 1915. № 10. С. 164.
- Энгельштейн Л. Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков. М.: TERRA, 1996. 527 с.

- Юкина И. И. Женское движение России, ценз пола и суфражизм // Гендерная реконструкция политических систем / под ред. Н. М. Степановой, М. М. Кириченко, Е. В. Кочкиной. СПб.: Алетея, 2004. С. 279—299.
- Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетея, 2007. 544 с.
- Edmondson L. H. *Feminism in Russia, 1900—1917*. Stanford: Stanford University Press, 1984. 212 p.
- Stites R. *Women's Liberation Movement in Russia: Nihilism, Feminism and Bolshevism, 1860—1930*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1991. 512 p.
- Women in Changing World: the Dynamic Story of the ICW since 1888. London: Routledge, 1966. 46 p.

References

- Aïvasova, S. G. (1998) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia* [Russian women in the labyrinth of equality], Moscow: RIK Rusanova.
- Edmondson, L. H. (1984) *Feminism in Russia, 1900—1917*, Stanford: Stanford University Press.
- Ëngel'shteïn, L. (1996) *Kliuchi shchast'ia: Seks i poiski puteï obnoveniia Rossii na rubezhe XIX—XX vekov* [The keys of happiness: Sex and the search for ways to renew Russia in the end of the XIX — the beginning of the XX century], Moscow: TERRA.
- Filosofova, A. P. (1907) K russkomu obshchestvu i russkim zhenshchinam! [To Russian society and Russian women!], *Soiuz zhenshchin*, no. 2, p. 23.
- Iukina, I. I. (2004) Zhenskoe dvizhenie Rossii, tsenz pola i sufrazhizm [Russian women's movement, gender qualification and suffrage movement], in: Stepanova, N. M., Kirichenko, M. M., Kochkina, E. V. (eds) *Gendernaiia rekonstruktsiia politicheskikh sistem*, St. Petersburg: Aleteïa, pp. 279—299.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteïa.
- Khasbulatova, O. A. (1994) *Opyt i traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii (1860—1917)* [Experience and traditions of the women's movement in Russia (1860—1917)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy during XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [Women's movement in Russia (the second part of the XIX — the beginning of the XX century)], Ivanovo: Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kletsina, I. S. (2004) *Psikhologiia gendernykh otnosheniï: teoriia i praktika* [Psychology of gender relations: theory and practice], St. Petersburg: Aleteïa.
- Kollontaï, A. M. (1972) *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches], Moscow: Politicheskoe izdatel'stvo.
- Koroleva, T. V. (2007) *Zhenskoe liberal'noe dvizhenie i gosudarstvennaia politika v oblasti zhenskogo obrazovaniia vo Frantsii v XIX — nachale XX veka* [Women's liberal movement and state policy in the field of women's education in France in the XIX — the beginning of the XX century], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi énergeticheskii universitet imeni V. I. Lenina.
- Mirovich, N. (1907) *Zhenskoe dvizhenie v Evrope i Amerike* [Woman's movement in Europe and Amerika], Moscow.

- Pushkareva, N. L. (1996) *Zhenshchiny Rossii i Evropy na poroge Novogo vremeni* [Women of Russia and Europe on the threshold of the Modern history], Moscow: RAN.
- Riabov, O. V. (2001) “*Matushka-Rus’*”: *Opyt gendernogo analiza poiskov natsional’noi identichnosti Rossii v otechestvennoi i zapadnoi istoriosofii* [“Mother Russia”: An experience of gender analysis of searches for Russian national identity in Russian and Western philosophy of history], Moscow: Ladamir.
- Riabova, T. B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoi rossiiskoi politike* [Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian politics], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Shabanova, A. (1915) O Mezhdunarodnom zhenskom kongresse v Rime v mae 1914 g. [About the International Women’s Congress in Rome in May 1914], *Zhenskii vestnik*, no. 10, p. 164.
- Stites, R. (1991) *Women’s Liberation Movement in Russia: Nihilism, Feminism and Bolshevism, 1860—1930*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Temkina, A. A. (1997) Zhenskoe dvizhenie kak obshchestvennoe dvizhenie: istoriia i teoriia [Women’s movement as a social movement: history and theory], *Gendernye tetradi*, St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii filial Instituta sotsiologii RAN, no. 1, pp. 183—190.
- Tsetkin, K. (1960) *Sotsializm pridet k pobede tol’ko vmeste s zhenshchinoi-proletarkoi* [Socialism will come to victory only together with the proletarian woman], Moscow: Gosudarstvennoe politicheskoe izdatel’stvo.
- Vserossiiskoe zhenskoe obshchestvo (1916) [All-Russian Women’s Society], *Zhenskii vestnik*, no. 11, pp. 161—168.
- Women in Changing World: The Dynamic Story of the ICW since 1888* (1966), London: Routledge.

Статья поступила 25.04.2017 г.

ББК 83.3(2=411.2)53-3

О. В. Рябов

«РОДИНА-МАТЬ»
В РЕВОЛЮЦИОННОЙ КАРИКАТУРЕ НАЧАЛА XX в.:
ЛЕГИТИМАЦИЯ И ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ

Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 84—97

Анализируется использование материнского символа России в революционном дискурсе 1905—1917 гг. на материале сатирических журналов. Автор показывает, что «Родина-мать» выступает важным ресурсом легитимации власти. Вместе с тем революционный дискурс привлекает его к оспариванию легитимности власти. Различимы два модуса делегитимации. Борьба за обладание этим символом, за право говорить от его имени характерна для одного из них, который связан с народнической идеологией; Родина-мать была здесь представлена как жертва государства. Другой модус, в большей степени связанный с либеральным и большевистским дискурсами, предполагал по преимуществу девальвацию данного символа.

Ключевые слова: «Родина-мать», легитимация власти, революция 1905—1907 гг., Февральская революция 1917 г., Октябрьская революция 1917 г., сатирические журналы, карикатура.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.8

O. V. Riabov. The “Motherland” in the revolutionary caricature of early XX c.: legitimation and delegitimation of power

The article, focusing on Russian satirical journals research, dwells upon role of the symbol of the Motherland in discourses of Russian revolutions of 1905 and 1917. The author points out that the symbol was exploited by majority of political forces. The authorities employed it in maintaining legitimacy of power. The author discerns two modes of delegitimation of power with the help of the symbol. The first one implies symbolic struggle for possessing the symbol, for the right to speak on behalf of the Motherland. It is based on the populist (the *narodnik*) image of the Mother Russia as a victim of the Russian state. The second, that was connected with the Bolshevik and liberal ideologies, implies devaluation and desacralization of the symbol.

Key words: the symbol of Motherland, legitimation of power, the Russian Revolution of 1905—1907, the February Revolution of 1917, the October Revolution of 1917, Russian satirical journals, caricature.

© Рябов О. В., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России».

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, консультант проректора по научной работе, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, Riabov1@inbox.ru (Dr. Sc., Professor, Consultant of Vice-Rector for Research, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia).

Основным вопросом революции, как подчеркнул В. Ленин, является вопрос о власти; очевидно, это справедливо и в отношении революции символической, когда противоборствующие стороны сражаются за символическую власть (понимаемую П. Бурдые как способность создавать или изменять категории восприятия и оценки социального мира, которые, в свою очередь, могут оказывать непосредственное влияние на его организацию [Бурдые, 2007]). Важнейшее место в этих процессах занимает проблема легитимности власти. Д. Битэм определяет легитимную власть как власть правомерную постольку, поскольку она соответствует нормативным критериям ее получения и использования [Beetham, 2013: X].

В революционном дискурсе начала XX в. политические акторы использовали различные способы легитимации власти, равно как и оспаривания ее легитимности. Среди них заметную роль играло привлечение материнского символа России. Как власть включала этот символ в обоснование собственной легитимности в период революционных событий 1905—1917 гг.? Как различные политические силы используют его в делегитимации власти? Какие изменения в этих процессах происходят в данный период? В настоящей статье эти вопросы рассматриваются на таком виде источников, как сатирические журналы. Belle Époque занимает особое место в истории мировой сатирической графики. Возникший в конце XIX в. югендстиль дал мощный импульс развитию политической карикатуры, что было связано с появлением выдающихся сатирических журналов — в первую очередь мюнхенского «Симплициссимуса». И в России этот период был временем расцвета политической карикатуры. Революционные события сопровождались появлением огромного количества сатирических журналов, которые издавали представители всех основных политических сил страны. Если до 1905 г. в России выходило 47 сатирических журналов, то за годы революции их число достигло 485; общее количество выпусков сатирических журналов, опубликованных в период революции, оценивают в 2,5 тысячи [Жуков, 1989: 52; Боцяновский, Голлербах, 1925; Бочаров, Ипполит, 1930].

«Родина-мать» в визуальной культуре начала XX в.

Появившись как «Мать-сыра земля» в языческое время, материнский образ страны проходит через всю историю отечественной культуры, принимая различные формы: Русская земля, Святая Русь, Россия-матушка, Родина-мать [Рябов, 2007]. В рассматриваемый период в политическом лексиконе использовались прежде всего такие концепты, как «Россия-матушка» и «Родина-мать». Вопрос о том, в какой степени можно говорить об их синонимичности, нуждается в отдельном исследовании. На данной стадии понимания проблемы мы можем предположить, что в официальном дискурсе — например в речах и манифестах Николая II — больше используется первый термин (хотя встречается и второй); термин «Родина-мать» чаще привлекают для демонстрации уязвимости России, включаясь в призывы к защите ее от внешних и внутренних врагов.

Первые изображения России в женском облике относятся к началу XVIII в. За два века после этого исследуемый символ получил воплощение в различных способах визуализации: в монументальной скульптуре и мелкой пластике, медальонах и банкнотах, почтовых открытках и календарях. Появляется

он и в карикатурах, опубликованных в сатирических журналах второй половины XIX в. [Рябов, 2014]. Карикатура — это текст-изображение, основанный на художественном и публицистическом искажении реальности, продиктованном необходимостью воздействия на аудиторию с целью вызвать у нее смех [Айнутдинов, 2010]. Выделяют социологический и собственно художественный аспекты карикатуры как фактора политики. Социологический аспект обусловлен тем, что в отличие от других форм визуализации произведения карикатуристов распространяются широко и оперативно, их «потребление» не требует специальной подготовки, а нередко и знания языка. Что касается собственно художественного аспекта, то карикатура обладает особыми возможностями в плане производства ирреального мира; получая значительную изобразительную свободу, художник может заострять одни черты культуры и затушевывать другие. Особое значение способность карикатуры к гиперболизации приобретает в процессах коллективной идентификации, позволяя проводить символическую границу между «своими» и «чужими» ярко и отчетливо. Эти черты карикатуры дают возможность использовать ее в политической борьбе [Гайлите, 2013].

К началу XX в. был сформирован канон аллегорического изображения России, которому следовали и художники, работавшие в сатирических журналах. Россию рисовали молодой, полной сил женщиной со славянскими чертами лица. Заслуживает внимания ее одежда. Если для образов России, созданных в XVIII в., характерен наряд античный, то с начала следующего столетия — национальный: кокошник или шапка Мономаха, платье времен допетровской Руси; как правило, она представлена со щитом, украшенным изображением двуглавого орла. Иногда Россия принимала облик воительницы: на ней была кольчуга и древнерусский островерхий шлем, в руках — меч и щит. Заметим, что те же закономерности можно увидеть и в женских аллегориях других наций: символы страны были представлены в одеяниях античных («Британия») или средневековых («Германия») (в то время как символизирующие страну мужчины были облачены в современный костюм — например «Джон Буль» в Англии). Женские образы были призваны персонифицировать нечто незыблемое, те вечные ценности, которые противостоят «современной порочной цивилизации» [Mosse, 1985: 23, 64]. Наконец, интерес в контексте нашего исследования представляет рост аллегории России: она изображалась одинакового роста с антропоморфными аллегориями других стран, но как значительно более высокая, чем ее «дети» — подданные Российской империи (прил., ил. 1). Вместе с тем начиная с первых изображений XVIII в. она рисовалась соразмерной по росту там, где была представлена с царем. Это вполне объяснимо, если принимать во внимание, что, как показано в известном исследовании Э. Канторовича, монарх обладает двумя телами [Kantorowicz, 1957] и вот его второе — священное, политическое — тело было вполне соразмерно телу России.

«Родина-мать» в революционной карикатуре 1905—1907 гг.

Образ особых отношений царя и России и выступал одной из форм легитимации власти. Широкое распространение речевой формулы «Царь-батюшка и Россия-матушка» может свидетельствовать, что мифология иерогамии, священного брака Правителя и Земли, известная со времен древневосточных государств

[*ibid.*], являлась важным элементом символической конструкции российской государственности исследуемого периода¹. Все помыслы царя проникнуты заботой о России-матушке. В данном образе «зашифрован» определенный социально-политический порядок: Россия — это продолжение царя, это народ, который любит царя, един с ним и связан с монархией неразрывными узами.

Еще одна форма легитимации монархии — позиционирование царя как защитника интересов России во внешней политике. Уже в древнерусских текстах князь представлен как защитник Русской земли, хранитель ее чести [Чёрная, 1991]. Образ России-матушки, Родины-матери активно включается в военную пропаганду власти; например, «крепко и честно постоять за славу матушки-России» Николай II призывает войска, отбывающие на Русско-японскую войну [Долгов, 2012].

Легитимность власти укрепляется и благодаря тому, что она представляет своих оппонентов в качестве внутренних врагов, предателей Родины-матери, ее неверных детей². В тех сатирических журналах, которые принято относить к черносотенным («Виттова пляска», «Плювиум», «Кнут», «Жгут», а позднее, с 1911 г., еще и «Паук»), образ Родины символизировал как силу России, так и ее страдания, причиняемые «смутьянами», способствуя интерпретации «смуты» как явления нерусского по самой своей природе. Так, на карикатуре из журнала «Плювиум» революционер-«инородец» пытается уложить в гроб женщину, олицетворяющую Россию («Вколачивание в гроб заживо» (Плювиум. 1907. № 43. С. 2); см. также, напр.: «Избави нас от лукавого» (Плювиум. 1907. № 15. С. 1); [Смирнова, 1906]). Собственно, та же идея, пусть в смягченном варианте, выражена в карикатуре Б. Нико «Мать и дети»: оппоненты власти в стремлении к прогрессу и свободе не знают меры. Подпись под рисунком гласит: «Русские “свободные дети”, чтобы перерядить свою мать-Родину, озорно и грубо ее обдирают и грязнят» (Будильник. 1906. № 1. С. 1).

Наконец, легитимация власти предполагает легитимацию сообщества и государства, от имени которых она говорит. Использование материнского символа играло важную роль в «способах воображения» (если пользоваться терминологией Б. Андерсона) Российской империи, благодаря которым она воспринималась ее подданными как легитимное политическое целое, их связь с ней — как органическая и неразрывная, а их деятельность на благо страны — как долг каждого. Тот канонический образ России-матушки, о котором шла речь выше, также служил легитимации империи, ассоциируя ее в визуальном дискурсе с такими чертами, как достоинство, миролюбие, справедливость, ум, целомудрие, верность православию, величие, здоровье, сила.

¹ Отзвуки идеи священного брака «Царя-батюшки» и «России-матушки» можно найти и в ритуалах Московской Руси [Hubbs, 1988: 188—189].

² Еще в текстах петровского времени можно обнаружить использование подобного приема легитимации власти при осуждении политики гетмана И. Мазепы — «нового Иуды», «второго Каина». Россия в одном из произведений Стефана Яворского произносит следующие слова: «Аще бы ми враг поносил сугубо, / Претерпела бы казни его любо. / Но от своего чада прелюбима / О, коль матери язва нестерпима!» [Стефан Яворский, 1970: 268].

Материнский образ страны используется на протяжении всей истории России не только в легитимации власти, но и в ее делегитимации. Вероятно, первым случаем эксплуатации этого образа в данном контексте стали слова князя Андрея Курбского о сторонниках Ивана Грозного: «Прогрызли они чрево у матери своей, святой русской земли, что породила и воспитала их поистине на беду свою и запустение!» [Курбский, 1986: 319]. В народническом дискурсе XIX в. «матушка-Русь» становится символом оппозиции государству (которое к тому же после Петровских реформ нередко ассоциируется с чем-то чуждым в национальном плане, западным по самой своей сущности; см. подробнее: [Рябов, 2007]).

Период первой русской революции становится временем визуального оформления этой идеи. Образ России как женщины, угнетаемой царизмом, воспроизводится во многих журналах (напр.: «Голгофа» (Секира. 1906. № 7. С. 5); «Не видать ли?» (Нагаечка. 1905. № 4. С. 10); «Кажется, успокоилась» (Вампир. 1906. № 1. С. 1)). Этот образ тиражировался и в революционной поэзии (напр.: [Крамольник, 1906: 5]). Любопытно, что даже журнал «Скандал», основная часть материалов которого носила откровенно эротический характер, также, очевидно, считал необходимым помещать материалы, посвященные революционному освобождению России-матушки (см., напр.: [Л. К., 1906: 7]).

Тем самым революционный дискурс оспаривал такое значимое положение политической мифологии империи, как идею заботы Царя-батюшки о России-матушке; делегитимация осуществляется за счет деконструкции тех форм легитимации, которые эксплуатируют сторонники власти, привлекая материнский символ страны. Соответственно еще одним приемом делегитимации выступало разрушение образа правителя как защитника России от внешних врагов, и поражение в войне с Японией было использовано для демонстрации того, что власть оказывается неспособной защитить Родину-мать. Показателен в этом плане рисунок из журнала «Гном», посвященный, вероятно, реакции общества на неудачи российского флота (прил., ил. 2). В сопровождающем рисунок тексте «милая многострадальная Родина-мать» наделяется такими характеристиками, как «заплаканная», «забитая», «поруганная», «разоренная» [Христос воскрес!, 1906: 3]. Причиной ее печали является и внутривластная ситуация. «Пусть растворят тюрьмы, где томятся мои дорогие сыны», — говорит она (что не могло не напоминать русскому читателю известный пассаж из «Хождения Богородицы по мукам» [Рябова, 1996]).

Таким образом, один модус делегитимации власти предполагает борьбу за обладание материнским символом, за право говорить от его имени. Другой был связан с деконструкцией самого материнского образа России — прежде всего при помощи утверждения о том, что силы реакции используют его для разжигания настроений великодержавного шовинизма и подавления революции. При этом «Родина» была промаркирована как излюбленный образ черносотенцев. Так, журнал «Бомбы» печатает пародийное «взывание патриотов», обращенное к «господам любителям российской Родины», в котором есть такие слова: «Дорогая наша Русь-матушка погибает! Злые люди иноплеменные, инорожденные и окраинные ведут к ее ослаблению» [Взывание... , 1906: 7]. Похожий прием используют «Стрелы», помещая письмо, якобы написанное «черносотенцем

Фомой Краснорожим», уверяющим своих родителей: «А мы за Рассеюшку-матушку постоим и под студентом быть не хотим, а хотим под своим начальством» [Письмо черносотенца... , 1906: 5]. Безо всякого пиетета Россия изображается в визуальном дискурсе: на многих карикатурах она предстает старой, больной, некрасивой, невежественной женщиной.

«Родина-мать» в революционной карикатуре 1917 г.

Революционные события 1917 г. происходили в условиях участия России в Первой мировой войне; в военном дискурсе материнский символ страны использовался самым активным образом, и царская власть позиционировала себя защитницей России от внешнего врага [Riabov, 2014]. Даже отречение царя было представлено как продиктованное его заботой о благе России. «Нет такой жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки-России. Посему я готов отречься от престола...» — такие слова содержала телеграмма, подготовленная Николаем II для М. Родзянко, председателя Государственной думы (2 марта 1917 г.) [Спиридович, 1962: 296]. Россия как мать и защита ее как сыновний долг — эти сюжеты по-прежнему занимали заметное место в военной пропаганде. Сравнительно новым способом легитимации в условиях войны стало более частое обращение к идее России как общей матери всех народов империи. Так, известный журналист подчеркивал: «Локоть к локтю поляк, русский, еврей, латыш, грузин и татарин. Несть эллина и несть иудея. Все — дети общей родины» [Немирович-Данченко, 1914: 95], а в Декларации русских немцев, принятой в начале войны, было заявлено: «Мы, немцы, населяющие Россию, всегда считали ее своей матерью, своей родиной...» [Историческое заседание... , 1914: 78].

Среди приемов делегитимации монархии обращает на себя внимание активная эксплуатация мифологии иерогамии. История отечественной оппозиционной мысли отмечена различными приемами деконструкции этой мифологии. Прежде всего, правитель показывается как насильник, а не законный супруг России-матушки; тем самым он лишается права говорить от ее имени. Так, характеризуя Петровские реформы, славянофил И. Аксаков обозначает их как «изнасилование» Русской земли государством-царем [Аксаков, 1992: 265—266]. Помимо метафоры изнасилования, оппоненты власти используют метафору импотенции: поскольку политическое лидерство правителя подразумевает эталонный характер его маскулинности как символического супруга страны, постольку оппозиционная пропаганда для десакрализации власти стремится эксплуатировать различные формы его символической демаскулинизации.

В революционном дискурсе 1905 г. отзвуки данных приемов деконструкции мифологии иерогамии также были заметны. Правда, объектом критики выступал не Николай II, а скорее власть как таковая. В частности, на карикатуре А. Баркова из журнала «Шут» премьер-министр С. Витте пытается заключить в объятия Россию, на лице которой — испуг и отвращение (Шут. 1906. № 11а. С. 1); см. также карикатуру «Медовый месяц Витте» (Сигнал. 1905. № 3. С. 1). Теперь же мишенью критики становится личность Николая II. В исследовании Э. Хэминуэй анализируется одна из политических сказок 1917 г., которая начинается словами: «Жила-была богатая вдова, с красивым лицом и здоровым

телом, не старая и не молодая, и звали ее Россия-матушка». В этой сказке Колька Кабатчик, наряду с Прошкой Большевиком и Прошкой Меньшевиком, — всего-навсего один из сыновей России-матушки, но никак не муж [Nemenway, 1997: 103].

Неспособность Николая II быть супругом сакрального тела народа, России-матушки, демонстрируется и через его неспособность быть достойным мужем императрицы, чему были призваны способствовать слухи о романе Александры Федоровны с Г. Распутиным. Сатирическая графика внесла заметный вклад в продвижение этой идеи в массы. «По всей России к моменту революции ходило множество похабных рисунков. <Среди> этих граффити — “Семья”: бородатый мужик (Распутин), в его объятиях две крутобедрые красавицы (царица и Аня) и все это на фоне бесстыдно отплясывающих девиц (великие княжны)» [Радзинский, 1993: 133] (другие примеры подобных рисунков см.: [Евстигнеева, 1968: 137; Колоницкий, 2010: 319]).

В целом во время Февральской революции народнический дискурс угнетенной Родины активно используется для ниспровержения старой власти и легитимации новой. В одной из публикаций этого периода говорится: «За что же полюбил А. Ф. Керенский свою мать-Россию? Полюбил он ее пылкой сыновней любовью прежде всего за те страдания, которым целые века подвергали нашу мать-Россию ее наследственные мучители самодержавные цари и их сторожевые псы-опричники» [Кирьяков, 1917: 287]. Россия теперь представлена в виде женщины, разрывающей оковы (в частности, на жетонах, которые носили сторонники революции [Riabov, 2014]); активно эксплуатирует этот образ сатирическая графика (см., напр.: «Светлое России воскресение» (Будильник. 1917. № 14/15. С. 8—9)).

Со временем, однако, очарование революцией исчезает и образ освобожденной России-матушки перестает вдохновлять современников. В Розанов так описывает распространенное восприятие России в период падения царского режима: «Да, уж если что “скучное дело”, то это — “падение Руси”. <...> ...Шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо. Мерзко. “Ты нам трагедий не играй, а подавай водевиль”» [Розанов, 1990: 396]. «Вечно-женственное» вдруг оказалось «вечно-бабьим», и в оценке происходящего у многих заметна изрядная доля мизогинии. Это разочарование можно проиллюстрировать карикатурами М. Бобышова и Б. Антоновского под названием «Дева Революция». Та, о которой грезили и которую воображали как юную прекрасную деву, оказалась в действительности вульгарной и немолодой «бабой» (Бич (Петербург). 1917. № 28. С. 1, 16).

Новый импульс развитию материнской метафоры России придало противостояние с большевиками. Образ Родины-матери, которой грозит опасность со стороны этой политической силы, занимал центральное место в листовках, распространяемых осенью 1917 г. [Nemenway, 1997: 115—116]. Большевики как «угнетатели матушки России», «наемники Кайзера», «палачи» — эти сюжеты активно используются в сатирической графике. Любопытно, как обыгрывается в антибольшевистском дискурсе идея иерогамии. Карикатура Б. Антоновского «Роман Ленина и России», опубликованная в «Новом сатириконе» в июле 1917 г., изображает настойчивые ухаживания В. Ленина за дородной женщиной в русском национальном костюме; ребенок, появившийся на свет в результате этого романа, рождается в кайзеровском шлеме (Новый сатирикон. 1917. № 27. С. 16).

После Октябрьской революции идея борьбы с большевиками как сражения с врагами Родины-матери занимает важное место в Белом движении. Революция как казнь России-матушки — такой рисунок был опубликован в «Новом сатириконе» (прил., ил. 3); тот же журнал изображает Россию в виде женщины, распинаемой на кресте германским офицером и российским предателем («Легкая работа» К. Груса (Новый сатирикон. 1918. № 5. С. 1)).

Образ распятой большевиками России-матушки был достаточно распространен; так, он нашел отражение в строках «Русской Голгофы» (1920) С. Бехтеева, чья поэзия пользовалась популярностью среди сторонников Белой идеи: «И воинство с “красной звездой”, / Приняв роковую печать, / К кресту пригвождает с хулою / Несчастную Родину-мать!» [Бехтеев, 1920].

Таким образом, в делегитимации Советской власти материнский символ Родины играл важную роль. Что же касается большевиков, то они практически не используют его в позитивном значении. О. Файджес и Б. Колоницкий, анализируя, как претенденты на власть боролись за право контролировать символическую систему революции, предлагают различать «язык включения» и «язык исключения» в России 1917 г.; первый характерен для дискурса народнического, второй — для большевистского [Figes, Kolonitskii, 1999: 116]. Очевидно, «Россия-матушка» как символ народного объединения большевикам была не нужна. Их дискурс делегитимации власти был построен на деконструкции образа Родины. Об отношении большевиков к исследуемому символу могут свидетельствовать слова из статьи М. Кольцова, опубликованной в «Правде» в 1934 г. Подчеркивая отличия Советской Родины от «старорежимной» России-матушки, автор приводит высказывание некоего отца Аркадия, законоучителя реального училища: «Убережем белоснежную отчизну от прикосновения нечистых рук инородцев, внешних и внутренних. Возлюбите православную нашу родину, как любит она вас... лелея сосцами своими под скипетром обожаемого монарха и царской семьи». Между тем, пишет Кольцов, не покидало ощущение, что к «сосцам» прильнули помещики, купцы, фабриканты. «Слова “родина” и “отечество” стояли в одном строю постылых, всем чуждых слов, там же, где “самодержавие”, “исполать”, “в бозе почил”, “августейший”», — заключает он [Кольцов, 1934].

В качестве важнейшего символа коллективной идентичности, заменившего «Россию-матушку», большевики использовали фигуру рабочего [Bonnell, 1997: 24]. Показательно, что еще на рисунке периода первой русской революции «Заключение союза», опубликованном в близком большевикам журнале «Свисток», изображен рабочий с женщиной в красных одеждах — однако это не Россия, а Марианна как символ свободы (прил., ил. 4).

Поскольку исследуемый образ в дальнейшем использовался белогвардейцами и имел прочные ассоциации с идеологией и мифологией царизма, то он не мог вызывать симпатий у новой власти. Действительно, само понятие родины было изъято из политического языка СССР до 1934 г., когда оно возрождается в дискурсе «Советской Родины-матери» [Рябов, 2007: 176—177, 183—187]. Советская культура создавала символику, которая должна была исключать символы прежнего, эксплуататорского строя (именно этим объясняется, например, чрезвычайно отрицательное отношение к образу орла [Bonnell, 1997: 196]),

а также — в силу классовой, а не национальной природы коммунистической идеологии и советского государства — элиминировать символы национальные.

Попробуем подвести итоги. В революционные события начала века были вовлечены различные ресурсы, в том числе и символический. Материнский символ России занимал среди них заметное место, что получило отражение и в сатирической графике. «Родина-мать» выступала важным фактором легитимации власти: этот символ включали в обоснование идеи монархии как священного брака Царя-батюшки и России-матушки, в легитимацию России как общей матери подданных империи, в позиционирование власти в качестве защитницы Родины от внешних врагов, в дискредитацию революционеров как предателей, ее неверных детей. Важную роль в легитимации играли визуальные средства, при помощи которых Россия наделялась положительными характеристиками, а ее враги — отрицательными.

Вместе с тем революционный дискурс включает символ и в делегитимацию власти; различимы два модуля делегитимации (которые можно привязать к определенной политической партии лишь с известной долей условности). Символическая борьба за обладание этим символом, за право говорить от его имени характерна для одного из них, который связан с народнической идеологией; Родина-мать была здесь представлена как жертва государства. Другой модуль, в большей степени связанный с либеральным и большевистским дискурсами, предполагал по преимуществу девальвацию данного символа.

Эти тенденции заметны в визуальной риторике всех трех революций. Если же говорить о динамике, то прежде всего нарастает тенденция снижения образа Николая II и монархии вообще. Однако и образ России становится все менее привлекательным, происходит его определенная десакрализация (кроме того, очевидно, демократизация жизни российского общества за исследуемый период способствовала и более демократичному изображению аллегории России [Аксёнов, 2015]). В остальном отмеченные формы активно используются и в современной России, где символ Родины-матери по-прежнему является важным ресурсом легитимности власти [Riabov, Riabova, 2014].

Библиографический список

- Айнутдинов А. С.* Карикатура как тип изображения комической интенции в современных российских печатных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 20 с.
- Аксаков И. С.* Речь о А. С. Пушкине // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Республика, 1992. С. 263—280.
- Аксёнов В. Б.* От Родины-царицы к Родине-бабе: особенности фемининной репрезентации России в годы Первой мировой войны // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 9—27. URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/11/Aksenov.pdf> (дата обращения: 25.03.2017).
- Бехтеев С.* Русская Голгофа. 1920. URL: <http://pesni.voskres.ru/poems/behte44.htm> (дата обращения: 21.09.2016).

- Боцяновский В., Голлербах Э. Русская сатира первой революции, 1905—1906. Л.: Госиздат, 1925. 221 с.
- Бочаров Ю., Ипполит И. Журналы русские // Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во ком. акад., 1930. Т. 4. Стб. 217—260. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/le4/le4-2172.htm> (дата обращения: 25.03.2017).
- Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперим. социол.; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87—96.
- Взывание гг. «патриотов» // Бомбы. 1906. № 2. С. 7.
- Гайлите Г. Медведь и Латвия: образы латышско-российских отношений в карикатуре // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 4. С. 29—40. URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/11/gailite.pdf> (дата обращения: 25.03.2017).
- Долгов К. В. Полное собрание речей Николая II. М.: Книга по требованию, 2012. 80 с. URL: <http://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html> (дата обращения: 25.03.2017).
- Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконтцы. М.: Наука, 1968. 456 с.
- Жуков М. Ю. Сатирические журналы периода первой российской революции как исторический источник // Новое о революции 1905—1907 гг. в России / под ред. Ю. Д. Марголиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 51—76.
- Историческое заседание Государственной думы // Великая война России за свободу и объединение славян / под ред. Д. И. Тихомирова. М.: Тип. К. Л. Меньшова, 1914. С. 63—84.
- Кирьяков В. А. Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 287.
- Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 664 с.
- Кольцов М. Найденная Родина // Правда. 1934. 19 июня.
- Крамольник Ю. Родине // Нагаечка. 1906. № 4. С. 5.
- Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси, вторая половина XVI века. М.: Худож. лит., 1986. С. 218—399.
- Л. К. Родине // Скандал. 1906. № 2. С. 7.
- Немирович-Данченко В. И. Вчера и сегодня // Великая война России за свободу и объединение славян / под ред. Д. И. Тихомирова. М.: Тип. К. Л. Меньшова, 1914. С. 93—95.
- Письмо черносотенца на родину // Стрелы. 1905. № 3. С. 5.
- Радзинский Э. «Господи... спаси и усмири Россию»: Николай II: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 1993. 512 с.
- Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В. В. Уединенное. М.: Республика, 1990. С. 391—440.
- Рябов О. В. «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. 290 с.
- Рябов О. В. «Родина-Мать» в истории визуальной культуры России // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2014. № 1. С. 90—113.
- Рябова Т. Б. Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. № 1. С. 28—32.
- Смирнова С. И. Черная сотня. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 16 с.
- Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг.: в 3 т. Нью-Йорк: Всеславян. изд-во, 1962. Т. 3. 315 с.
- Стефан Яворский. Стихи на измену Мазепы, изданные от лица всея России // Русская силлабическая поэзия / под ред. А. М. Панченко. Л.: Сов. писатель, 1970. С. 262—269.

- Чёрная Л. А. «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII вв. // Древнерусская литература: изображение общества / под ред. А. С. Демина. М.: Наука, 1991. С. 56—84.
- Христос Воскрес! // Гном. 1906. № 5. С. 3.
- Beetham D. *Legitimation of Power*. London: Palgrave, 2013. 336 p.
- Bonnell V. E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley: University of California Press, 1997. 363 p.
- Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917*. New Haven: Yale University Press, 1999. 198 p.
- Hemenway E. J. *Mother Russia and the crisis of the Russian national family: the puzzle of gender in revolutionary Russia* // Nationalities Papers. 1997. Vol. 25, № 1. P. 105—116.
- Hubbs J. *Mother Russia: the Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1988. 302 p.
- Kantorowicz E. H. *The King's Two Bodies: a Study in National Political Theology*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1957. 568 p.
- Mosse G. L. *Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe*. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. 232 p.
- Riabov O. The symbol of «Mother Russia» across two epochs: from the First World War to the Civil War // *Russian Culture in War and Revolution, 1914—1922* / ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S. G. Marks, M. K. Stockdale. Bloomington: Slavica Publishers, 2014. Book 2: Political Culture. P. 73—98.
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.

References

- Aĭnutdinov, A. S. (2010) *Karikatura kak tip izobrazheniia komicheskoi intentsii v sovremennykh rossiiskikh pachatnykh SMI: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Caricature as a type of picturing comic intention in contemporary Russian printed mass media: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Ekaterinburg.
- Aksakov, I. S. (1992) Rech o A. S. Pushkine [Speech about A. S. Pushkin], in: Aksakov, K. S., Aksakov, I. S. *Literaturnaia kritika*, Moscow: Respublika, pp. 263—280.
- Aksënov, V. B. (2015) Ot Rodiny-tsaritsy k Rodine-babe: osobennosti femininnoi reprezentatsii Rossii v gody Pervoĭ mirovoi voĭny [From Motherland-tsarina to Motherland-baba: feminine representation of Russia in the years of the First World War], *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniĭ*, no. 4, pp. 9—27, available from <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/11/Aksenov.pdf> (accessed 25.03.2017).
- Beetham, D. (2013) *Legitimation of Power*, London: Palgrave.
- Bekhteev, S. (1920) *Russkaia Golgofa* [Russian Golgotha], available from <http://www.derzava.ru/stihi/behteev.html> (accessed 21.09.2016).
- Bocharov, Iu., Ippolit, I. (1930) Zhurnaly russkie [Russian journals], *Literaturnaia entsiklopediia*: in 11 vols, Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, vol. 4, stolbtsy 217—260, available from <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le4/le4-2172.htm> (accessed 21.09.2016).
- Bonnell, V. E. (1997) *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*, Berkeley: University of California Press.

- Botsianovskii, V., Gollerbakh, È. (1925) *Russkaia satira pervoi revoliutsii, 1905—1906* [Russian satire in the first revolution, 1905—1906], Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Bourdieu, P. (2007) O simvolicheskoi vlasti [On symbolic power], in: Bourdieu, P., *Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva*, Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, St. Petersburg: Aleteia, pp. 87—96.
- Chërnaia, L. A. (1991) “Chest'”: predstavleniia o chesti i beschestii v russkoi literature XI—XVII vv. [“Honour”: views on honour and dishonor in Russian literature XI—XVII cc.], in: Demin, A. S. (ed.), *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie obshchestva*, Moscow: Nauka, pp. 56—84.
- Dolgov, K. V. (2012) *Polnoe sobranie rechei Nikolaia II* [The complete collection of the speeches of Nicholas II], Moscow: Kniga po trebovaniu, available from <http://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html> (accessed 25.03.2017).
- Evstigneeva, L. (1968) *Zhurnal “Satirikon” i poëty-satirikontsy* [The “Satirikon” journal and its poets], Moscow: Nauka.
- Figes, O., Kolonitskii, B. (1999) *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*, New Haven: Yale University Press.
- Gaĩlite, G. (2013) Medved' i Latviia: obrazy latyshsko-rossiiskikh otnosheniĩ v karikature [Bear and Latvia: the images of Latvian-Russian relations in caricature], *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniĩ*, no. 4, pp. 29—40, available from <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/11/gailite.pdf> (accessed 25.03.2017).
- Hemenway, E. J. (1997) Mother Russia and the crisis of the Russian national family: The puzzle of gender in revolutionary Russia, *Nationalities Papers*, vol. 25, no. 1, pp. 105—116.
- Hubbs, J. (1988) *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*, Bloomington: Indiana University Press.
- Istoricheskoe zasedanie Gosudarstvennoi dumy (1914) [Historical session of the State Duma], in: Tikhomirov, D. I. (ed.), *Velikaia voĩna Rossii za svobodu i ob'edinenie slavian*, Moscow: Tipografiia K. L. Men'shova, pp. 63—84.
- Kantorowicz, E. H. (1957) *The King's Two Bodies: A Study in National Political Theology*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Khristos voskres! (1906) [The Christ is rising!], *Gnom*, no. 5, p. 3.
- Kir'iakov, V. (1917) A. F. Kerenskii [A. F. Kerenskii], *Niva*, no. 19, p. 287.
- Kolonitskii, B. I. (2010) “Tragicheskaiia erotika”: obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voĩny [“The tragic erotic”: the images of the Emperor's family in the time of the First World War], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kol'tsov, M. (1934) Naĩdennaia Rodina [The Motherland that have been found], *Pravda*, 19 June.
- Kramol'nik, Iu. (1906) Rodine [To the Motherland], *Nagaechka*, no. 4, p. 5.
- Kurbskii, A. (1986) Istoriiia o velikom kniaze Moskovskom [History of the Grand Prince of Moscow], in: Likhachev, D. (ed.), *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi, vtoraiia polovina XVI veka*, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, pp. 218—399.
- L. K. (1906) Rodine [To the Motherland], *Skandal*, no. 2, p. 7.
- Mosse, G. L. (1985) *Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1914) Vchera i segodnia [Yesterday and today], in: Tikhomirov, D. I. (ed.), *Velikaia voĩna Rossii za svobodu i ob'edinenie slavian*, Moscow: Tipografiia K. L. Men'shova, pp. 93—95.
- Pis'mo chernosotensa na rodinu (1905) [A letter of the Black Hundred's member to home], *Strely*, no. 3, p. 5.

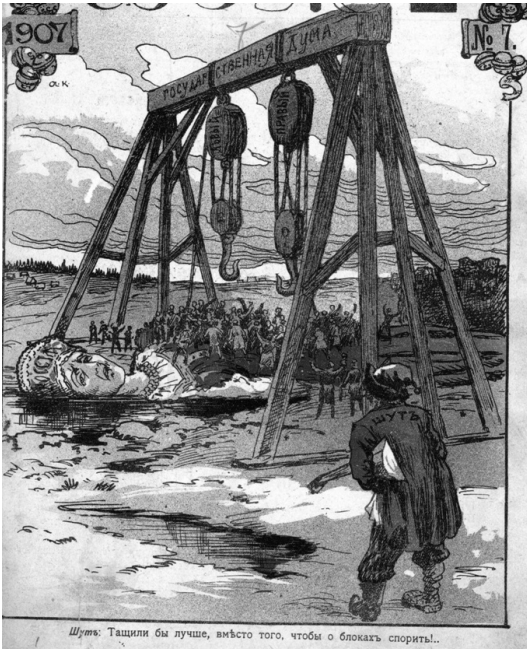
- Radzinskiĭ, È. (1993) “*Gospodi... spasi i usmiri Rossiiu*”: Nikolaĭ II: zhizn’ i smert’ [“Lord... Save and clam down Russia”]: Nicholas II: life and death], Moscow: Vagrius.
- Riabov, O. V. (2007) «*Rossii-Matushka*»: natsionalizm, gender i voĭna v Rossii XX veka [«Mother Russia»: nationalism, gender, and war in Russia of XX century], Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- Riabov, O. (2014) The symbol of “Mother Russia” across two epochs: from the First World War to the Civil War, in: Frame, M., Kolonitskii, B., Marks, S. G., Stockdale, M. K. (eds), *Russian Culture in War and Revolution, 1914—1922*, Bloomington: Slavica Publishers, Book 2: Political Culture, pp. 73—98.
- Riabov, O. V. (2014) «Rodina-mat’» v istorii vizual’noĭ kul’tury Rossii [The “Motherland” in the Russian visual culture], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoriia, no. 1, pp. 90—113.
- Riabova, T. B. (1996) Materinskaia i otsovskaia liubov’ v russkoĭ srednevekovoi traditsii [Mother and father love in the Russian medieval tradition], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 28—32.
- Riabov, O., Riabova, T. (2014) Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.
- Rozanov, V. V. (1990) Apokalipsis nashego vremeni [Our times Apocalypse], in: Rozanov, V. V., *Uedinĕnnoe*, Moscow: Respublika, pp. 391—440.
- Smirnova, S. I. (1906) *Chĕrnaia sotnia* [The Black Hundred], St. Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina.
- Spiridovich, A. I. (1962) *Velikaiia voĭna i Fevral’skaia revolutsiia, 1914—1917 gg.* [The Great War and February Revolution, 1914—1917], New York: Vseslavianskoe izdatel’stvo, vol. 3.
- Stefan Iavorskiĭ (1970) Stikhi na izmenu Mazepy, izdannye ot litsa vseĭia Rossii [Poem on Mazepa’s treason published on behalf of all Russia], in: Panchenko, A. M. (ed.), *Russkaia sillabicheskaia poĕziia*, Leningrad: Sovetskii pisatel’, pp. 262—269.
- Vzyvanie gg. “patriotov” (1906) [The “patriots” claims], *Bomby*, no. 2, p. 7.
- Zhukov, M. Iu. (1989) Satiricheskie zhurnaly perioda pervoi rossiiskoĭ revolutsii kak istoricheskiĭ istochnik [Satirical magazines in the time of First Russian Revolution as historical source], in: Margolis, Iu. D. (ed.), *Novoe o revolutsii 1905—1907 gg. v Rossii*, Leningrad: Izdatel’stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 51—76.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список иллюстраций

1. Шуг. 1907. № 7. С. 1.
2. «Не плачь, красавица...» (Гном. 1906. № 5. С. 3).
3. А. А. Радаков. Последнее завоевание революции (Новый сатирикон. 1917. № 43. С. 16).
4. Д. И. Шатан. Заключение союза (Свисток. 1906. № 2. С. 16).

Иллюстрации

1

2

3

4

**«В СВОБОДНОЙ РОССИИ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ
ПРЕЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ-РАБЫ»,
ИЛИ О ЧЕМ ПИСАЛИ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЖЕНСКИЕ
ЖУРНАЛЫ В 1917 г.**

Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 98 — 106

На основе анализа публикаций в российских женских изданиях «Журнал для женщин», «Женское дело», «Женский вестник» за 1917 г. показана многополярность взглядов на смену власти и грядущие перемены в обществе. Основным вопросом, который обсуждался во всех женских журналах весной 1917 г., было равноправие женщин, их участие в выборах в законодательные органы власти.

Значительное место в публикациях занимало обсуждение вопросов, связанных с уравнением женщин в правах с мужчинами в трудовой деятельности, освобождением их от домашней работы и предоставлением возможности иметь самостоятельный заработок. Женщины активно выступали за запрет проституции и закрытие домов терпимости, рассматривая это как форму унижения и эксплуатации свободных членов общества.

Статьи в журналах, несмотря на рост политической и общественной активности женщин и отсутствие времени на собственный досуг, касались и рекомендаций относительно модных тенденций.

Ключевые слова: революция, женские журналы, Российская лига равноправия женщин, избирательные права женщин, проституция.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.9

I. V. Sinova. “In free Russia there is no place for a former female slave”, or What was written in national women’s magazines in 1917

The article is based on the analysis of publications for 1917 in several magazines: “Magazine for Women”, “Women’s Business”, “Female Reporter”. Publications in them reflected the variety of views and opinions on the change of power and the expected future changes in society. The main issue that was discussed in all women’s magazines in the spring of 1917 was the equality of women, their participation in elections to legislative bodies.

The discussion of issues related to women having equal rights with men in labor activity occupied a significant place among the publications; other issues of interest were women’s release from domestic work and the provision

© Синова И. В., 2017

Синова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, s-irina@yandex.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg University of Economics, St. Petersburg, Russia).

of the opportunity to have their own independent earnings. Women also discussed the problem of prostitution prohibition and the closure of houses of tolerance since they were treated as a form of humiliation and exploitation of free members of society.

Despite the growth of political and public activity of women and lack of time for their own leisure and appearance, the magazines also published articles reflecting fashion trends and giving recommendations about them. Although implementing advice given on magazines' pages was sometimes difficult such recommendations show a sincere desire to help women at a difficult time for them achieve changes not only in the sphere of equality and the expansion of civil rights, but also in choosing and creating their wardrobe (e.g. free albums of applied art and patterns of dresses were often offered as supplements).

During 1917 women's magazines not only reflected events that occurred in Russia on the wave of revolutionary changes but were also a kind of platform to sound the accumulated problems of women and sometimes to call for help. There is no doubt that they were instrumental in achieving changes in the issue of the right to vote, both in work and daily life; however, in reality this struggle has lasted for decades, and in fact, complete equality in all spheres has not been achieved even today.

Key words: revolution, women's magazines, Russian League for Women's Equality, women suffrage, prostitution.

Женские журналы, издававшиеся во второй половине XIX — начале XX в., сегодня привлекают специалистов в области истории, филологии, журналистики, культурологии, социологии и других сфер науки. Филологов интересует становление и развитие системы женской прессы, ее типология, структура и проблематика [Боннер-Смеюха, 2001; Пустарнакова, 2013]. Историки исследуют участие женщин в общественно-политических процессах, проблемы феминизма, проституции, семьи и детства [Громова, 2015; Нестерова, 2015]. Внимание специалистов, занимающихся гендерными проблемами, привлекают вопросы эволюции женского движения и борьбы за равноправие женщин в дореволюционной России [Гендерная реконструкция... , 2003].

Публикации в женской прессе — «Журнале для женщин», «Женском деле», «Женском вестнике», хотя и не отличались глубоким анализом произошедших в 1917 г. изменений в стране и научным прогнозированием ее дальнейшего развития, были эмоциональными и искренне выражали надежду на лучшее будущее: «Нужно напрячь все силы души и поддержать новый порядок вещей. Никаких необдуманных слов, никаких жалких сомнений, никаких праздных слов не допускайте. Верьте в мудрость, осторожность и преданность благу общему членов Временного правительства, спасителя России от бедствий, произвола, предательства и презренного наемничества прежних государственных мошенников» [Владимиров, 1917: 5].

Главный редактор журнала «Женский вестник» М. И. Покровская в мартовском номере 1917 г. высказала восторженное отношение к отречению Николая II от престола и созданию Временного правительства: «Да здравствует свобода! Россия внезапно перевернула страницу своей истории и начертала на ней “Свобода!”. Сколько обаяния заключается в этом слове для русского человека, которого беспощадно давил старый полицейский режим. Волна ликующей радости

прокатилась по всей России, и всюду раздаются клики: “Да здравствует свобода!”» [Покровская, 1917с: 33].

«Журнал для женщин» в марте 1917 г. выпустил тематический номер «Женщина в революции», и события февраля — марта в нем называли не иначе как «Великая российская революция». Основным вопросом, который обсуждался во всех женских журналах весной 1917-го, было равноправие женщин и их участие в выборах в законодательные органы власти. В публикациях журнала «Женский вестник» рефреном проходила идея о наконец-то достигнутых изменениях в положении женщин: «В этот великий исторический момент редакция произносит не новые, но старые для нее слова, которые она неустанно повторяла в продолжение двенадцати лет: “Женщина должна быть свободна и равноправна с мужчинами, должна иметь равное с ними право голоса в решении общественных дел”» [там же: 34].

Радость по поводу наступивших перемен авторы выражали в том числе и в стихотворной форме:

... Свободу ждали мы в Россию,
А в ней царил дух тьмы, глумясь.
Но вот раскован Прометей —
Свобода в радужной зарнице
И на победной колеснице
Приветствует своих детей.

[Галицкая, 1917: 8—9]

Революция и избирательное право женщин

3 марта народные учительницы и курсистки после объявления декларации Временного правительства о немедленной подготовке к созыву на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания обратились с заявлением к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов: «Женщина-гражданка, женщина, шедшая в освободительном движении рука об руку с мужчиной, имеет право на участие в решении дальнейшей судьбы нашей родины, имеет право быть членом Учредительного собрания» [Права женщин, 1917: 41]. В свою очередь, редакция журнала «Женский вестник» 3 марта напомнила министру юстиции Временного правительства А. Ф. Керенскому «о целой половине населения, права которой постоянно игнорируются и справедливость по отношению к которой забывается, — о женщинах. Великая Россия только тогда будет свободна и справедлива, когда ее женщины будут свободны и уравнены в гражданских и политических правах с мужчинами» [Права женщин, 1917: 41].

Главное, на чем настаивали женщины, была конкретизация положения о всеобщем избирательном праве. В опубликованной программе Временного правительства не указывалось, что оно даровалось без различия пола, и это вызывало у женщин недоверие к данному документу.

19 марта Российской лигой равноправия женщин была организована грандиозная женская манифестация. «От городской думы... женщины направились стройными рядами, имея во главе В. Н. Фигнер. На красных штандартах значились

надписи: “Избирательные права женщинам”, “Женщины, к станкам”, “Война до победы”, “Женщинам все права”, “Без участия женщин избирательное право не всеобщее”» [Манифестация женщин..., 1917: 9]. Перед участницами манифестации выступили председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов И. С. Чхеидзе и председатель исполнительного комитета Государственной думы М. В. Родзянко, которые заверили их в поддержке требований относительно избирательного права для женщин.

21 марта председатель-министр Г. Львов от имени Временного правительства разъяснил женской депутации, что под словами «всеобщее избирательное право» подразумевается «без различия пола» [Покровская, 1917b: 49]. 26 апреля в газетах появилось сообщение Временного правительства, в котором говорилось «о выборах в Учредительное собрание на основах всеобщего, без различия пола, прямого, равного и тайного голосования» [Избирательные права..., 1917: 72]. К августу 1917 г. был подготовлен закон о выборах в Учредительное собрание, в соответствии с которым женщинам впервые в мире были предоставлены избирательные права.

В Вологде городская дума уже в марте 1917 г. включила в свой состав двух представительниц местного женского комитета [Хроника, 1917b: 61].

С 26 по 28 мая женщины впервые принимали участие на равных правах с мужчинами в выборах гласных в районные думы Петрограда. По итогам выборов от Партии народной свободы избрали 12 % женщин, от партии социалистов — 8 %, большевиков — 10 %, радикальных демократов — 5,5 %. На Васильевском острове Лига равноправия женщин выдвинула свой список кандидатов, 70 % из которых составляли женщины. Результаты выборов показали, что «все партии признают избирательные права женщин больше теоретически, а практически далеки от уравнивания числа кандидатов от мужчин и женщин» [Покровская, 1917a: 75]. Это объясняется невозможностью, даже под воздействием революционных изменений, быстрого преодоления сформировавшегося на протяжении столетий как на законодательном, так и на ментальном уровне отношения к женщине как к несамостоятельному и зависимому субъекту не только общественных, но и семейных отношений.

20 августа состоялись выборы в центральную думу Петрограда, к которым «граждане проявили большой индифферентизм» по сравнению с выборами в районные думы. Женщины получили всего 10 мест, что составило 5 % от общего числа депутатов [Выборы в центральную думу..., 1917: 108]. Фактически меньше чем за 3 месяца произошло некоторое разочарование в деятельности законодательных органов власти. Радикальные и, самое главное, быстрые изменения в стране, на которые так рассчитывали граждане, не происходили. Это касалось выхода России из войны и улучшения экономического положения людей, кроме того, негативную роль сыграли провал наступления русской армии на фронте и расстрел Временным правительством демонстрантов 3—4 июля. Наступило естественное разочарование или, во всяком случае, определенное затишье гражданской активности, которое и отразилось на выборах в центральную думу Петрограда.

Революция и женский труд

Если судить о деятельности женских общественных организаций, то их активность не снижалась, они размышляли как о настоящем, так и о грядущих целях и задачах. В № 10 журнала «Женское дело» отмечалось, что «приобретение женщинами активного и пассивного избирательного права еще не решает вопроса о полном освобождении женщины и уравнивании ее с мужчиной». Это касалось выведения «женщины из того семейного и экономического гнета, который определяет ее зависимое положение в семье и на рынке труда» [Чехов, 1917: 17]. В качестве средства достижения рассматривалось освобождение женщин от домашней работы и предоставление им возможности иметь свой самостоятельный заработок. Надо заметить, что данный вопрос являлся дискуссионным и неоднозначным как для мужчин, так и для женщин.

Журнал «Женский вестник» проанализировал разнообразные мнения, высказанные по этому поводу в периодической печати. Со ссылкой на газету «Правда» (№ 68) говорилось, что на общем собрании рабочих Русско-Балтийского воздухоплавательного завода, состоявшемся в мае, было принято постановление, в котором значилось: «Сократить до минимума женский труд, заменить таковой мужским». На многих петроградских металлургических заводах поступали таким же образом. «Из этого постановления вытекает такого рода вывод: мужчины имеют право быть сытыми, женщины пусть голодают и питаются крохами, падающими со стола их господ — мужчин. Если же они не желают ни того ни другого, то им широко открыта дверь в дома терпимости. Там они не конкурентки мужскому труду, потому им он не запрещается» [Как рабочее... , 1917: 109]. Естественно, такое решение, принятое рабочими завода в условиях борьбы за женское равноправие, было воспринято не иначе как явная дискриминация. Четкого понимания равенства по признаку пола еще не сложилось не только на законодательном уровне, но также на ментальном и повседневном. Женщины стремились получить сразу все права, вне зависимости от их физических возможностей и природного предназначения быть матерью. И даже мысль об ограничении их работы в тяжелой и небезопасной для женщин металлургической отрасли они не допускали, рассматривая это как посягательство на их равноправие.

В этой же статье приводится выдержка из публикации А. Петровой в «Рабочей газете» (№ 169) о том, что на некоторых заводах установился такой обычай: «Дежурство в очереди за хлебом возлагается на женщин. Мужчины, мол, зарабатывают гораздо больше и работа их квалифицированна — поэтому хлеб для них должны покупать женщины, мерзнуть на холоде, мокнуть под дождем, они ведь женщины». Поэтому женщины на данном этапе ошиблись, что революция дала им полное право, в том числе и на поприще труда» [там же]. Изменения в общественном переустройстве в 1917 г. происходили столь стремительно (а кардинальных преобразований требовалось еще больше), что порой было невозможно удовлетворить потребности и желания каждого, и это нередко приводило к недовольству разных категорий населения.

Революция и проституция

После предоставления женщинам избирательного права началось активное обсуждение вопросов, которые им следует поднять с трибуны Учредительного собрания. В одной из статей, опубликованных в журнале «Женский вестник», был помещен перечень наиболее актуальных проблем, которые нуждались в законодательном регулировании. И они касались отнюдь не равноправия в вопросах трудовой деятельности, заработной платы, получения образования. Т. Жученко писала: «Кто-то сказал: чтобы сделать рагу из зайца, надо иметь, по крайней мере, зайца. Конечно, хорошо иметь нам, женщинам, этого зайца, т. е. место в Государственной думе. Теперь оно у нас есть в руках, а потому надо готовиться к тому, что мы будем говорить и делать в Учредительном собрании.

Прежде всего женщины должны требовать уничтожения домов терпимости и врачебно-полицейского надзора. Какие бы громкие слова ни говорились с думской трибуны страны, в которой пышным цветом распустилась проституция как государственное учреждение, она не может быть названа ни свободной, ни культурной.

Женщины должны требовать установления всеобщей и культурной трезвости. Человечество в достаточной степени отравилось алкоголем. Алкоголь вносит яд в организм детей, и о них особенно должны помнить те женщины, которые в Учредительном собрании будут отстаивать интересы всего человечества» [Жученко, 1917: 85]. Приоритет вопросов для обсуждения с высокой трибуны отражал наиболее болезненные для женщин проблемы, от решения которых зависело в полном объеме понимание ими равноправия.

Женские журналы отражали мнение об «одной из самых гнойных язв жизни» — проституции и о мерах против нее, которые предпринимались в отдельных городах. В журнале «Женское дело» отмечалось, что революция «не освободила белых рабынь даже от постыдного, мучительного и бесцельного желтого билета и еженедельных визитов в участок. Единственная категория граждан, которым революция ничего не дала и даже ничего не обещает» [Анчарова, 1917: 11]. При этом далеко не все рассматривали проституцию как непереносимое зло. «В защиту проституции, — а у нее есть защитники, и даже немало, — приводят ее “славное” историческое прошлое; начинают с гетеризма, со священных обрядов...» [там же]. Но все же подавляющее большинство населения было настроено на искоренение проституции.

В отдельных городах самостоятельно решали данный вопрос. Пермская городская дума постановила закрыть с 15 августа публичные дома и предложить местному женскому союзу озаботиться судьбой проституток, на первоначальную помощь которым она ассигновала 500 рублей [Хроника, 1917а: 112]. К концу 1917 г. дома терпимости официально были закрыты, но сама проституция продолжала существовать, так же как и борьба с ней.

Революция и мода

Несмотря на возросшую политизацию общества в целом, в журналах регулярно печатались материалы, посвященные вопросам повседневной жизни и моде. Журнал «Женское дело», наряду с призывами «Не забудьте о своем гражданском долге, подписывайтесь на заем свободы», стремился в условиях возросшей

активности населения помочь женщинам хорошо выглядеть и следовать модным тенденциям. Но при этом рекомендации далеко не всегда учитывали бедственное экономическое положение граждан, а значит — невозможность следовать, пусть даже частично, указаниям журнала.

Модные советы чаще были рассчитаны явно не на массовую аудиторию и не на трудящихся женщин: «Просматривая последние номера иностранных журналов, приходишь к заключению, что мода движется черепашьими шагами. Она понимает, что быть капризной и требовательной в настоящее время невозможно, а потому, избрав своим девизом благородную скромность, позволяет себе лишь маленькие отклонения в сторону роскоши, маленькие радости, от которых ей слишком трудно отказаться: грациозный воротничок из дорогого меха, вышивку, оживляющую материю, кружева “филе” для летних платьев, — и этим, кажется, исчерпываются ее фантазии» [О моде, 1917: 16]. Вряд ли женщины-работницы когда-либо могли себе позволить подобные «маленькие радости». В этих строках можно усмотреть даже некое лукавство по отношению к подавляющему большинству женщин.

Одновременно издатели считали, что «в настоящее время, когда каждая уважающая себя женщина занята общественной работой и досуг ее доведен до минимума, трудно следить за капризами моды. Следует поэтому наметить основную ее тенденцию, дать нашим читательницам руководящую нить, которая избавила бы их от излишних поисков и досадных ошибок» [там же]. Но далее в статье следуют явные противоречия и речь идет опять об иллюзорном: «Весенние и летние шляпы будут из шелка, легкого шелкового крепа, линон-батиста, креп-де-шина, шелка с соломой и просто соломенные» [Несколько слов... , 1917: 17]. Автор публикации не может, с одной стороны, не связать свою статью с общим политическим настроением, а с другой — упоминает шляпы из таких материалов, которые были не просто недоступны, но даже неизвестны женщинам из низших слоев населения.

Стремление к свободе и равноправию женщины осуществляли в том числе и благодаря моде: «...если прежде моду творил мужчина, черпая свое вдохновение в различных общественных настроениях, в большинстве случаев чуждых женщине и к тому же в полной мере буржуазных, то в настоящее время, когда женщина свободна, она сама будет для себя творить форму новой одежды. Теперь она отвернется с презрением, когда услужливые руки мужчин, по старой привычке, подсунут ей какую-нибудь архизатейливую штучку, годную для куртизанки или гаремной женщины» [О моде, 1917: 16]. Но даже в советах по вопросам моды просматривается искреннее желание помочь женщинам в сложное для них время добиться изменений не только в сфере равноправия и расширения гражданских прав.

Женские журналы 1917 г., отражая многополярность взглядов на смену власти и грядущие перемены в обществе, являлись и своеобразной трибуной, с которой звучали проблемы женщин, а порой и их зов о помощи. Бесспорно, они добились изменений в правовом отношении, включая избирательные права, трудовую деятельность, повседневную жизнь, но в реальности эта борьба растянулась на десятилетия. Фактически же полное равенство в ряде сфер не достигнуто и сегодня.

Библиографический список

- Анчарова М. Проституция // Женское дело. 1917. № 12. С. 11—13.
- Боннер-Смеюха В. В. Отечественные женские журналы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2001. 26 с.
- Владимиров Л. Е. Монархия и республика // Журнал для женщин. 1917. Спецвыпуск. С. 4—5.
- Выборы в центральную думу Петрограда // Женский вестник. 1917. № 9—10. С. 108.
- Галицкая Е. Великий кончился обман // Журнал для женщин. 1917. Спецвыпуск. С. 8—9.
- Гендерная реконструкция политических систем / под ред. Н. М. Степановой, М. М. Кириченко, Е. В. Кочкиной. СПб.: Алетейя, 2003. 991 с.
- Громова А. И. Освещение проблемы проституции в отечественных женских журналах начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4, вып. 3. С. 70—81.
- Жученко Т. И мы требуем!: (что должны требовать женщины с думской трибуны) // Женский вестник. 1917. № 7—8. С. 85—86.
- Избирательные права женщин // Женский вестник. 1917. № 5—6. С. 71—72.
- Как рабочие понимают женское равноправие // Женский вестник. 1917. № 9—10. С. 109—110.
- Манифестация женщин в Петрограде // Журнал для женщин. 1917. Спецвыпуск. С. 9.
- Несколько слов о моде // Женское дело. 1917. № 5. С. 17.
- Нестерова В. Л. Культурный мир российской женщины XIX — начала XX в. на материалах отечественных женских журналов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. 24 с.
- О моде // Женское дело. 1917. № 9. С. 16.
- Покровская М. И. Выборы в районные думы Петрограда // Женский вестник. 1917а. № 5—6. С. 73—76.
- Покровская М. И. Лозунги свободной и равноправной гражданки // Женский вестник. 1917б. № 4. С. 49—50.
- Покровская М. И. Справедливость и права женщин // Женский вестник. 1917с. № 3. С. 33—34.
- Права женщин // Женский вестник. 1917. № 3. С. 40—42.
- Пустарнакова Д. А. Отечественные общественно-политические женские журналы второй половины XIX — начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 25 с.
- Хроника // Женский вестник. 1917а. № 9—10. С. 112.
- Хроника // Журнал для женщин. 1917б. № 4. С. 61.
- Чехов Н. В. Женщина и общественное воспитание // Женское дело. 1917. № 10. С. 17.

References

- Ancharova, M. (1917) Prostitutsiia [Prostitution], *Zhenskoe delo*, no. 12, pp. 11—13.
- Bonner-Smeiukha, V. V. (2001) *Otechestvennye zhenskie zhurnaly: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Domestic women's magazines: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Rostov-na-Donu.
- Chekhov, N. V. (1917) Zhenshchina i obshchestvennoe vospitanie [Woman and public education], *Zhenskoe delo*, no. 10, p. 17.
- Galitskaia, E. (1917) Velikiĭ konchilsia obman [The great deception is over], *Zhurnal dlia zhenshchin*, spetsvypusk, pp. 8—9.
- Gromova, A. I. (2015) Osveshchenie problemy prostitutsii v otechestvennykh zhenskikh zhurnalakh nachala XX v. [Coverage of the problem of prostitution in the domestic

- women's magazines of the early XX c.], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, vol. 4, no. 3, pp. 70—81.
- Izбирatel'nye prava zhenshchin (1917) [Women's electoral rights], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 5—6, pp. 71—72.
- Kak rabochie ponimaiut zhenskoe ravnopravie (1917) [How workers understand women's equality], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 9—10, pp. 109—110.
- Khronika (1917a) [Chronicle], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 9—10, p. 112.
- Khronika (1917b) [Chronicle], *Zhurnal dlia zhenshchin*, no. 4, p. 61.
- Manifestatsiia zhenshchin v Petrograde (1917) [Manifestation of women in Petrograd], *Zhurnal dlia zhenshchin*, spetsvypusk, pp. 9.
- Neskol'ko slov o mode (1917) [A few words about fashion], *Zhenskoe delo*, no. 5, p. 17.
- Nesterova, V. L. (2015) Kul'turnyĭ mir rossiĭskoĭ zhenshchiny XIX — nachala XX v. na materialakh otechestvennykh zhenskikh zhurnalov: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The cultural world of a Russian woman of the XIX — early XX c. on the materials of domestic women's magazines: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Vladikavkaz.
- O mode (1917) [About fashion], *Zhenskoe delo*, no. 9, p. 16.
- Pokrovskaiia, M. I. (1917a) Vybory v raionnye dumy Petrograda [Elections to the District Dumas of Petrograd], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 5—6, pp. 73—76.
- Pokrovskaiia, M. I. (1917b) Lozungi svobodnoi i ravnopravnoi grazhdanki [Slogans of a free and equal citizen], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 4, pp. 49—50.
- Pokrovskaiia, M. I. (1917c) Spravedlivost' i prava zhenshchin [Equity and women's rights], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 3, pp. 33—34.
- Prava zhenshchin (1917) [Women's rights], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 3, pp. 40—42.
- Pustarnakova, D. A. (2013) *Otechestvennye obshchestvenno-politicheskie zhenskie zhurnaly vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Domestic socio-political women's magazines of the second half of the XIX — early XX c.: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Krasnodar.
- Stepanova, N. M., Kirichenko, M. M., Kochkina, E. V. (eds) (2003) *Gendernaia rekonstruktsiia politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Vladimirov, L. E. (1917) Monarkhiia i respublika [Monarchy and republic], *Zhurnal dlia zhenshchin*, spetsvypusk, pp. 4—5.
- Vybory v tsentral'nuu dumu Petrograda (1917) [Elections to the Central Duma of Petrograd], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 9—10, p. 108.
- Zhuchenko, T. (1917) I my treuem!: (Chto dolzhny trebovat' zhenshchiny s dumskoĭ tribuny) [And we demand!: (What would women demand from the Duma rostrum)], *Zhenskiĭ vestnik*, no. 7—8, pp. 85—86.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ББК 74.03(2)5-422

О. С. Буслаева

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА УЧАЩИХСЯ ЖЕНСКИХ ГИМНАЗИЙ ВЛАДИМИРСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Рассматриваются характер и особенности педагогического процесса в женских гимназиях Владимирской и Костромской губерний в конце XIX — начале XX в.

Ключевые слова: женские гимназии, педагогический класс, учебные планы, учителя и наставники, педагогическая подготовка.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.2.10

O. S. Buslaeva. Specificity of the educational process of students female gymnasiums Vladimir and Kostroma province in the late XIX — early XX c.

The article discusses the nature and features of the educational process in the girls' school of Vladimir and Kostroma provinces at the end of XIX — early XX c.

Key words: female gymnasiums, pedagogic class, curricula, teachers and mentors, pedagogical training.

Актуальность исследований специфики подготовки педагогов определяется тесной связью истории женских гимназий в России рубежа XIX—XX вв. с проблемами сегодняшнего дня. Успешное развитие современных общеобразовательных школ не представляется возможным без обращения к опыту, накопленному гимназическими учреждениями на протяжении десятилетий их существования. При этом подход к анализу педагогического процесса необходимо выстраивать с учетом существенных изменений социально-политических условий жизни за полтора века, а также трансформации традиций и ценностей общества. Тем не менее в последнее время в современных средних школах возрождается тенденция к реализации культурно-педагогического потенциала гимназического образования, прежде всего его воспитательной составляющей.

Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 107—113

© Буслаева О. С., 2017

Буслаева Ольга Сергеевна — аспирантка кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olgo1988@mail.ru (PHD student of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

В начале 2000-х гг. вышло значительное количество обобщающих трудов по истории женского среднего образования. Большой интерес представляют статьи Н. В. Христофоровой, Г. Н. Козлова, Е. А. Слепенковой, в которых рассматриваются становление гимназий, особенности образовательного процесса учащихся и их повседневной жизни [Христофорова, 1998; Козлов, 2000; Слепенкова, 2000]. В работах Г. В. Кондратьевой и А. Р. Соколова внимание обращено на роль меценатства в деятельности женских средних школ, анализируется вклад российской общественности в гимназическое образование [Кондратьева, 2001; Соколов, 2003].

Женское образование в уездных и губернских городах Верхне-Волжского региона исследуется в монографиях Т. Б. Котловой [Котлова, 2001, 2003]. Автор уделяет большое внимание деятельности женских филантропических организаций на рубеже XIX—XX вв. В публикациях Л. И. Сизинцевой, К. П. Арженикова, О. Н. Пушкиной рассматриваются особенности службы женщин-педагогов в народной школе, а также вопросы влияния их идей на изменение отдельных сторон женского среднего образования [Такого заведения здесь никогда еще не существовало... , 1988; Григоровка, 1991; Пушкина, 1994; Сизинцева, 1991, 2002].

Несмотря на то что различные аспекты истории женского среднего образования были освещены в значительном количестве трудов начала XXI в., недостаточно изученными остаются такие вопросы, как содержание учебных планов и программ восьмых, педагогических классов женских школ, особенно частных, а также перспективы трудоустройства их воспитанниц.

Проблема подготовки педагогических кадров возникла в России еще в период проведения реформы 1803—1804 гг., по которой управление школьным делом становилось частью разветвленного и централизованного государственного аппарата. При этом особую роль играла подготовка педагогов для гимназических образовательных учреждений, открываемых в начале XIX в. во всех губернских городах Российского государства.

Первоначально задача подготовки будущих учителей гимназий была возложена на университеты, при каждом из них открывался специальный педагогический институт. Профессора должны были посвящать не менее часа в неделю руководству обучением и наставлению так называемых учительских кандидатов [Материалы по вопросу... , 1865: 2—3]. В этот период деятельность женщин как педагогов ограничивалась службой в качестве домашних учительниц либо наставниц [Паначин, 1979]. К преподавательскому труду в народных школах женщины были привлечены значительно позднее — в 60-х гг. XIX в. В ряде крупных городов, в частности в Москве и Петербурге, возникали общества, объединявшие воспитательниц и учительниц, основной задачей которых было подыскание им работы на педагогическом поприще, а также организация их обучения. Возможность получения женщинами образования, появившаяся в середине XIX в., обусловила возникновение учебных заведений разного уровня по подготовке будущих учительских кадров. Помимо женских курсов, педагогических классов, семинарий и институтов благородных девиц, профессиональную подготовку женщины могли получить в средних общеобразовательных учреждениях — гимназиях.

Первые общегосударственные программы для женских гимназий и прогимназий были подготовлены и утверждены Министерством народного просвещения в 1874 г. [Балдин, 2003: 134; 2014]. Они включали обязательные предметы, к которым относились такие основополагающие дисциплины, как русский язык, алгебра, география, и необязательные — рисование и один из иностранных языков [Об учреждении... , 1874], а также пение, музыку, танцы и гигиену [Исторический очерк... , 1913: 24]. Число воспитанниц, занимающихся необязательными предметами, возрастало с каждым годом.

Стоимость обучения в женских гимназиях повышалась ежегодно при переходе учащихся из класса в класс. Дорогостоящим было обучение не только в государственных образовательных учреждениях, но и в частных. В Иваново-Вознесенске большой популярностью у девушек пользовались гимназии, учрежденные М. И. Крамаревской и П. А. Диомидовской, благодаря хорошему подбору педагогических кадров. Так, в 1916 г. в младшем и среднем отделении приготовительного класса гимназии М. И. Крамаревской годовое обучение стоило 30 руб., в старшем отделении — 40 руб. В 1, 2 и 3-м классах эта сумма составляла уже 50 руб., она повышалась на 10 руб. при переходе воспитанниц в следующий класс. В 7-м классе плата за обучение достигала уже 80 руб., 10 руб. из этой суммы расходовались на экзамен, на котором присутствовали представители канцелярии Московского учебного округа [ГАИО, ф. 2, оп. 1, д. 5260, л. 21]. В гимназии П. А. Диомидовской годовая стоимость обучения воспитанниц была выше, чем в учебном заведении М. И. Крамаревской, с 3-го класса она составляла уже 55 руб. и с каждым годом увеличивалась на 10 руб. [Доклады... , 1915: 188]. Таким образом, получение общего образования, которое предполагало дальнейшую профессиональную подготовку, обходилось родителям воспитанниц довольно недешево.

Высокая плата за обучение гимназисток определялась, в свою очередь, значительными расходами образовательных учреждений, как государственных, так и частных, на оплату труда педагогического состава и начальства гимназий, обслуживающего персонала, гимназического врача, ремонт и аренду зданий, в которых они размещались. Так, в 1914 г. гимназия П. А. Диомидовской просила у Шуйского земства субсидию в 1 тыс. руб., указав при этом, что общий расход составлял 15 220 руб. В эту сумму включалась оплата за наем здания для учебного заведения (3 тыс. руб.), плата педагогическому персоналу (7700 руб.), председателю педагогического совета (400 руб.), начальнице гимназии (900 руб.), классным дамам (480 руб.), доктору (180 руб.), прислуге (600 руб.) и т. д. [Журналы и доклады... , 1915: 114].

Весьма затратным для гимназий был наем учителей по необязательным предметам. Так, в 1908 г. в женской гимназии г. Суздаль труд учительницы чистописания обходился учреждению в 25 руб. в месяц, учительницы рукоделия — 37 руб., а преподавательницам немецкого и французского языков платили по 62 руб. [ГАВО].

Первые женские семиклассные гимназии, именуемые мариинскими, поскольку они подчинялись ведомству Канцелярии императрицы Марии, а также восьмиклассные общеобразовательные женские учебные заведения Министерства народного просвещения были открыты в 1862 г. по инициативе талантливого

педагога Н. А. Вышнеградского. Большое значение в рамках подготовки педагогических кадров имело принятое в 1870 г. Положение о женских гимназиях, в соответствии с которым женские училища первого разряда переименовывались в женские гимназии. Продолжительность обучения в этих учебных заведениях составляла семь лет. Кроме того, при гимназиях открывался восьмой, педагогический класс, позволявший выпускницам реализовать себя в качестве домашней учительницы, а в случае отличного обучения — домашней наставницы.

Необходимо отметить, что педагогический класс имел особый учебный план и состоял из воспитанниц, окончивших на хорошие и отличные оценки общий курс гимназии. Основными и принципиально новыми предметами, которые не входили в семиклассный общеобразовательный курс, были педагогика и дидактика. Изучались также словесность, русский и иностранные языки, история и география. Один из этих предметов могла избрать каждая ученица для сдачи экзамена на его знание в объеме мужских гимназий, что давало право будущего преподавания не только определенного предмета, но и всего начального гимназического курса.

В семиклассном курсе основной упор делался на теоретическую часть, в педагогическом классе — на практическую. Первоначально девушки занимались с отстающими воспитанницами своей гимназии, а затем их педагогическая практика разделялась на пассивную и активную. Первая сводилась к посещению уроков преподавателей и записям наблюдений в специальный дневник, вторая — к пробным урокам у воспитанниц начальных классов. Соответственно успешность учебы в 8-м классе гимназии определялась, наряду с интересом к наукам, способностями к педагогической деятельности.

По мнению педагогов-современников, в частности П. Ф. Каптерева, женские гимназические учреждения являлись «сколом от мужских», общеобразовательный курс которых был значительно облегчен [Каптерев, 1982: 340]. Тем не менее в последней трети XIX — начале XX в. значительную часть наставников и учителей составляли бывшие ученицы педагогического класса женских гимназий. Они также становились преподавателями как в государственных, так и в частных учебных заведениях. Курсы предметов, преподававшихся в женских и мужских гимназиях, практически не отличались. Воспитанницы изучали Закон Божий, русский язык и словесность, математику, географию, историю, иностранные языки, чистописание, рисование. Основное расхождение было в объеме дисциплин, а также во введении в гимназический курс специфических предметов, таких как рукоделие и педагогика [Очерки... , 1997: 96].

Аттестаты многих воспитанниц женских гимназий подтверждают высокий уровень профессиональных знаний, приобретаемых в стенах средней школы. Из аттестата ученицы 7-го класса Иваново-Вознесенской женской гимназии Е. И. Устиновой, дочери мещанина, мы узнаем, что оценка «отлично» была для нее преобладающей по учебным предметам и по поведению. Аттестат об окончании 8-го класса также свидетельствовал о ее отличной учебе и о присвоении ей звания домашней наставницы [ГАИО, ф. 35, оп. 1, д. 89, л. 9].

Гимназический курс был направлен на развитие творчества, способности критически мыслить, систематизировать полученные знания, что являлось неотъемлемыми чертами будущей профессии педагога. В курсе педагогики

и дидактики фигурируют такие серьезные темы работ, как «Гибельное влияние страсти на душу человека на основе произведения А. С. Пушкина “Скупой рыцарь” и трагедии У. Шекспира “Макбет”», «О воспитании внимания», «Мое воспитание», «О воспитании Онегина», побуждающие учениц поразмыслить над основными качествами характера героев произведений, сформировавшимися в результате воспитательного процесса, а также извлечь полезные уроки [там же, д. 93, л. 23, 24].

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. профессия педагога являлась одной из основных профессий женщин из дворянских и купеческих семей. Деятельность выпускниц женских гимназий в качестве учительниц либо наставниц была направлена на гармонизацию развития личности, трансляцию духовно-нравственных идеалов, заложенных в предметах гимназического курса. Это позволяло общеобразовательным женским учреждениям не только не уступать мужским по уровню профессиональной подготовки, но и осуществлять педагогический процесс, дающий воспитанницам возможность всесторонне реализовывать себя.

Библиографический список

- Балдин К. Е.* Начало начал: очерки истории школы № 30 г. Иванова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 206 с.
- Балдин К. Е.* Роль женщин в формировании гражданского общества в российской провинции в начале XX в.: (на примере г. Иваново-Вознесенска) // *Женщина в российском обществе.* 2014. № 2. С. 9—17.
- ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. 467. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ГАИО (Государственный архив Ивановской области).
- Григоровка: (историческая записка о 50-летию костромской Григоровской гимназии (1857—1907) / сост. К. Аржеников // *Костромская старина.* 1991. № 2. С. 17—18.
- Доклады Шуйской уездной земской управы очередному Шуйскому уездному собранию 1915 г. Шуя, 1915.
- Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1914 г. Шуя, 1915.
- Исторический очерк Юрьевецкой женской гимназии им. А. С. Пушкина (26 мая 1899 — 1913 г.). Юрьевец, 1913. 47 с.
- Каптерев П. Ф.* Образовательный процесс, его психология // *Каптерев П. Ф. Избранные педагогические произведения.* М.: Педагогика, 1982. С. 340—435.
- Козлов Г. Н.* «Образ жизни» отечественной гимназии конца XIX — начала XX в. // *Педагогика.* 2000. № 6. С. 71—77.
- Кондратьева Г. В.* Образование и благотворительность в России // *Образование в современной школе.* 2001. № 5—6. С. 99—103.
- Котлова Т. Б.* Социокультурная среда в российском провинциальном городе в конце XIX — начале XX века: гендерный аспект. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. 157 с.
- Котлова Т. Б.* Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX—XX веков. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 411 с.
- Материалы по вопросу о приготовлении учителей для гимназий и прогимназий. СПб., 1865. 265 с.

- Об учреждении стипендии при Костромской мужской гимназии: высочайшие повеления // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Октябрь. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book456096/#page/3/mode/1up> (дата обращения: 15.11.2016).
- Очерки по истории народного образования Пензенского края / под ред. В. Н. Никулина. Пенза: Ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1997. 398 с.
- Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в России. М.: Педагогика, 1979. 215 с.
- Пушкина О. Н. Образцовые во всех отношениях // Губернский дом. 1994. № 5. С. 42—44.
- Сизинцева Л. И. Девичье учебное заведение // Губернский дом. 2002. № 1. С. 67—69.
- Сизинцева Л. И. Классическое образование в Костроме // Костромская старина. 1991. № 2. С. 15—16.
- Слепенкова Е. А. Из истории женского среднего образования в России // Педагогика. 2000. № 9. С. 27—33.
- Соколов А. Р. Благотворительная деятельность Императорского человеколюбивого общества в XIX в. // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 96—112.
- Такого заведения здесь никогда еще не существовало... / публ. Л. Сизинцевой // Губернский дом. 1988. № 5—6. С. 86—87.
- Христофорова Н. В. Женские гимназии России // Педагогика. 1998. № 4. С. 81—86.

References

- Baldin, K. E. (2003) *Nachalo nachal: Oчерki istorii shkoly № 30 g. Ivanova* [Beginning began: Essays on the history of school no. 30], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Baldin, K. E. (2014) Rol' zhenshchin v formirovanii grazhdanskogo obshchestva v rossiiskoi provintsii v nachale XX v.: (Na primere g. Ivanovo-Voznesenska) [The role of women in the formation of civil society in the Russian province in the early XX c.: (On the example of the city of Ivanovo-Voznesensk)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 9—17.
- Grigorovka: Istoricheskaia zapiska o 50-letii kostromskoi Grigorovskoi gimnazii (1857—1907) (1991) [Grigorovka: Historical note on the 50th anniversary of the Kostroma Grygorov gymnasium (1857—1907)], *Kostromskaia starina*, no. 2.
- Istoricheskiĭ oчерk Iur'evetskoĭ zhenskoĭ gimnazii im. A. S. Pushkina (26 maia 1899 — 1913 g.)* (1913) [Historical essay Yurievets Women's Gymnasium named after A. S. Pushkin (May 1899 — 1913)], Yurevets.
- Kapterev, P. F. (1982) *Obrazovatel'nyi protsess, ego psikhologiiia* [Educational process, its psychology aspect], in: Kapterev, P. F. *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniia*, Moscow: Pedagogika, pp. 340—450.
- Khristoforova, N. V. (1998) *Zhenskie gimnazii Rossii* [Female gymnasiums in Russia], *Pedagogika*, no. 4, pp. 81—86.
- Kondrat'eva, G. V. (2001) *Obrazovanie i blagotvoritel'nost' v Rossii* [Education and charity in Russia], *Obrazovanie v sovremennoi shkole*, no. 5—6, pp. 99—103.
- Kotlova, T. B. (2001) *Sotsiokul'turnaia sreda v rossiiskom provintsial'nom gorode v kontse XIX — nachale XX veka: gendernyi aspekt* [Sociocultural environment in the Russian provincial city in the late XIX — early XX century: the gender aspect], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

- Kotlova, T. B. (2003) *Rossiiskaia zhenshchina v provintsial'nom gorode na rubezhe XIX—XX vekov* [Russian woman in a provincial town at the turn of the XIX and XX centuries], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kozlov, G. N. (2000) “Obraz zhizni” otechestvennoi gimnazii kontsa XIX — nachala XX v. [“Mode of life” of the national gymnasium of the late XIX — early XX c.], *Pedagogika*, no. 6, pp. 71—77.
- Materialy po voprosu o prigotovlenii uchitelei dlia gimnazii i progimnazii* (1865) [Materials on the preparation of teachers for gymnasiums and progymnasiums], St. Petersburg.
- Nikulin, V. N. (ed.) (1997) *Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniia Penzenskogo kraia* [Essays on the history of public education of the Penza region], Penza: Institut povysheniia kvalifikatsii i perepodgotovki rabotnikov obrazovaniia.
- Panachin, F. G. (1979) *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], Moscow: Pedagogika.
- Pushkina, O. N. (1994) *Obraztsovye vo vsekh otnosheniakh* [Exemplary in all respects], *Gubernskii dom*, no. 5, pp. 42—44.
- Sizintseva, L. I. (1991) *Klassicheskoe obrazovanie v Kostrome* [Classical education in Kostroma], *Kostromskaia starina*, no. 2, pp. 15—16.
- Sizintseva, L. I. (2002) *Devich'e uchebnoe zavedenie* [Maiden educational institution], *Gubernskii dom*, no. 1, pp. 67—69.
- Slepenkova, E. A. (2000) *Iz istorii zhenskogo srednego obrazovaniia v Rossii* [From the history of women's secondary education in Russia], *Pedagogika*, no. 9, pp. 27—33.
- Sokolov, A. R. (2003) *Blagotvoritel'naia deiatel'nost' Imperatorskogo chelovekoliubivogo obshchestva v XIX v.* [The charitable activity of the Imperial Philanthropic Society in the XIX c.], *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 96—112.
- Takogo zavedeniia zdes' nikogda eshche ne sushchestvovalo...* (1988) [This institution has never existed before], *Gubernskii dom*, no. 5—6, pp. 86—87.

Статья поступила 05.02.2017 г.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 3

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА

- Хасбулатова О. А.** Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900—1917 гг.) 5
- Пушкарёва И. М., Пушкарёва Н. Л.** Женское участие в российской политической жизни начала XX в. (Советская и постсоветская историография) 15
- Ратчайлд Р.** Непослушные женщины и русские революции 1917 г.
Перевод Н. Л. Пушкарёвой 35
- Крадецкая С. В.** «Свобода создана не только мужскими руками»: феминистское движение и начало революции в России 45
- Волошун П. В.** «Женщина она с репутацией умной»: жена российского императора в февральские дни 1917 г. 55
- Морозова О. М., Трошина Т. И.** Патриархальный след в женской революционной активности 63
- Гафизова Н. Б.** Феминизм, класс и партия в стратегиях взаимодействия международного и российского женского движения в начале XX в. 74
- Рябов О. В.** «Родина-мать» в революционной карикатуре начала XX в.: легитимация и делегитимация власти 84
- Синова И. В.** «В свободной России не должно быть прежней женщины-рабы», или О чем писали отечественные женские журналы в 1917 г. 98

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

- Буслаева О. С.** Специфика образовательного процесса учащихся женских гимназий Владимирской и Костромской губерний в конце XIX — начале XX в. 107
- Информация для авторов* 114

CONTENTS

To readers 3

TOWARDS A 100th ANNIVERSARY OF 1917 REVOLUTIONS

Khasbulatova O. A. Women's movement in Russia as a factor
of social progress (1900—1917) 5

Pushkareva I. M., Pushkareva N. L. Women's participation
in Russian political life at the beginning of the XX c.
(Soviet and Post-Soviet historiography) 15

Ruthchild R. Misbehaving women and the Russian revolutions of 1917.
Translated by N. L. Pushkareva 35

Kradeckaya S. V. “A freedom was created not only by men”:
the feminist movement and the beginning of revolution in Russia 45

Voloshun P. V. “She is the woman with the reputation of a smart person”:
the wife of the Russian Emperor in February of 1917 55

Morozova O. M., Troshina T. I. Patriarchal trace in female revolutionary
activity 63

Gafizova N. B. Feminism, class and party in the strategies of interaction
between international and Russian women's movements in the beginning
of the XX c. 74

Riabov O. V. The “Motherland” in the revolutionary caricature of early XX c.:
legitimation and delegitimation of power 84

Sinova I. V. “In free Russia there is no place for a former female slave”,
or What was written in national women's magazines in 1917 98

DEBUT

Buslaeva O. S. Specificity of the educational process of female gymnasiums
in Vladimir and Kostroma provinces in the late XIX — early XX c. 107

Information for the authors 114

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 2 (83) — 2017

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.05.2017 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 100 экз.
Заказ № 133. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru